

6+

Алексей Наумов

Кто придумал снег

и другие невероятные истории

Алексей Наумов
Кто придумал снег и другие
невероятные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66787333

SelfPub; 2021

Аннотация

Кто придумал снег, чем прославился Олух Родосский, какое самое лучшее в мире лекарство и кто такие Золотые лисы? Эти и другие невероятные истории в новом сборнике!

Алексей Наумов

Кто придумал снег и другие невероятные истории

Кошки и Собаки

Воланчик зацепил ветку жасмина и упал в траву. Варя бросилась его поднимать, но Степашка опередил её. Он давно охотился за этим странной белой птичкой, что перелетала от Серёжи к Варе и никак не давалась ему в зубы. Теперь, крепко держа её в пасти и не обращая внимания на крики ребят, он бросился в кусты, обогнул дом и спрятался за баней. Тут, в тишине и покое, он начал тщательно изучать свою добычу, которая, при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж и интересной. Всё же, на всякий случай, Степашка тщательно разгрыз её, чтобы проверить, нет ли внутри чего-нибудь вкусенького, и только потом потерял к ней всякий интерес. Когда Варя с Серёжей наконец-то обнаружили беглеца, он уже преспокойно рыл в земле яму и на все упрёки обиженно прижимал уши.

«Подумаешь, великое дело, воланчик... – думал он. – У вас их ещё много, а у меня ни одного. И вообще, очень много шуму из-за такой ерунды. Вот если бы это была летающая сосиска... Хотя нет, тогда мне бы тоже пришлось летать. Путь лучше это будет ползающая сосиска...»

Стёпа вспомнил большую гусеницу, которую он видел утром на дорожке сада. Она была толстая и ленивая, и Степашка решил, что сардельки должны быть такими же.

«Они даже могут быть разноцветными, если им так нравятся, – размышлял он. – Свиные пусть будут красные, а говяжьи синие. Мне не жалко. Главное, чтобы их было много...»

Степашка представил себе, как по газону ползают жирные ленивые сардельки и у него потекли слюнки.

«Только нужно будет прогонять птиц, а то они наверняка захотят полакомиться моими гусеницами-сардельками. – подумал он. – Да-а-а, трудности на каждом шагу...»

Образ аппетитных сарделек был таким явственным, что Степашке почудилось, будто в воздухе и вправду ими запахло.

«Сбегаю-ка я и всё проверю, – подумал он, оставляя свою недокопанную яму и отряхиваясь. – Мало ли что...»

Он обежал дом, обнюхал крыльцо и тщательно исследовал газон, но там было пусто.

«Ну и ладно, – подумал он, ложась в тень под куст смородины. – Всё равно я молодец...»

Улыбающийся папа кивнул в сторону Степашки.

– Умаялся, работник. С самого утра на ногах.

– Пап, пап, – спросила Варя. – А почему Стёпа так много спит? Он же не болеет.

– Так делают все собаки и кошки, – ответил папа. – И дело

тут вовсе не в болезни или усталости. Они делают это ради удовольствия.

– Какое же это удовольствие, спать весь день, – удивился Серёжа.

– Не скажи... – хитро ухмыльнулся папа. – Тут всё зависит от того, какие ты видишь сны. Если они хорошие, то это удовольствие, а если плохие, то нет.

– А как понять, хороший тебе приснится сон или нет? – спросила Варя.

– Если ты собака или кошка, то тут никакой проблем нет, – уверенно ответил папа. – Любая кошка или собака, едва закрыв глаза, сразу же попадают в Гавмяуландию и можете мне поверить, чудесно проводят там время.

– Гавмяуландия? – переглянулись ребята.

– Или Мяугавландия, как её меж собой называют кошки, – кивнул папа. – Тут они никак не могут договориться.

– И что же там происходит, в этой Гявмяуландии? – спросила Варя.

– То же что и всегда, – ответил папа. – Кошки гоняются за собаками, а те карабкаются на деревья или распевают песни, сидя на крышах. Веселятся, одним словом.

– Кошки гоняются за собаками? – разинул рот Серёжа.

– Собаки сидят на крышах? – выдохнула Варя.

– Ну да, – ответил папа с таким видом, будто его спросили какого цвета трава. – А почему вы собственно удивляетесь? Ах да...

Папа хлопнул себя по лбу и виновато улыбнулся.

– Простите, совсем забыл. Вы же наверняка ничего не слышали о Сонном Манифесте, верно?

Ребята замотали головами.

– Хорошо, – сказал папа, потирая руки. – Давайте сядем, и я вам всё расскажу по порядку...

Они удобно устроились на открытой веранде под сосной и папа начал свой рассказ.

– Все знают о том как «хорошо» ладят кошки с собаками. Они просто жить друг без друга не могут! Да что там говорить, вспомните нашего Степашку. Когда он впервые попал сюда, ему было всего несколько месяцев от роду, но как только он заметил соседского кота Матвея, так он тут же бросился за ним и если бы не запутался в клубнике, то, возможно, догнал бы...

При слове «Матвей» Степашка поднял голову и наострил уши. Рыжий соседский кот был его главнейшим врагом, и скотч-терьер на всякий глухо заворчал, чтобы предупредить всю округу, что он не дремлет.

– Видите, – сказал папа, – что я говорил. Но заметьте, Матвей тоже жить не может без Степашки. Вокруг множество пустых участков, где в фундаменте домов живут мыши и вокруг полно высокой травы, чтобы спрятаться, но Матвей всё равно каждый день приходит сюда и пытается пройтись по газону с риском быть пойманным.

– Так это игра такая у них? – спросила Варя.

– В некотором роде да, – кивнул папа, – и у этой игры глубокие корни. Сейчас трудно в это поверить, но давным-давно, когда у людей было слишком много важных дел, чтобы наблюдать за кошками и собаками, эти существа отлично ладили. Они жили бок о бок, охотно гуляли вместе и от души резвились. Мамы кошки спокойно оставляли своих котят у своих подружек собак, если им нужно было отлучиться по делам, в то время как мамы собаки в свою очередь отдавали своих отпрысков в кошачье семейство на пару дней, чтобы те учились у котят ловкости и проворству. Обе стороны только выигрывали от такого соседства, и их дружба крепла год от года и ничто в целом мире, кажется, не могло разрушить такую идиллию. Разве что люди...

– Люди? – удивился Серёжа. – Ты же сказал, что людям до них не было дело? У них были дела поважней.

– Так и было до поры до времени, – сказал папа, – но потом, когда жизнь людей стала более спокойной и предсказуемой, когда все они обзавелись домами и живностью, они стали пускать кошек переночевать в свои дома. Мягкие и пушистые создание, по мнению некоторых людей, придавали их незамысловатым домам дополнительный уют и очарование. К тому же, кошки были куда как чистоплотнее своих друзей собак, и их можно было брать в кровать и греть ноги. Словом, через какое-то время, всё больше и больше кошек перекочевали из амбаров и подвалов под крыши человеческих домов, и кое-кто из них вскоре решил, что это всё от того,

что они лучше собак. Кошки стали задирать нос и неохотно играть с собаками. Они боялись испачкаться и вновь оказаться на улице. Теперь, когда шёл дождик, они больше не носились по лужам со своими бывшими товарищами, а брезгливо отряхивали лапки и спешили укрыться от непогоды. От домашнего питания они стали толстыми и гладкими, их шерсть блестела, а глаза стали чуть сонными. Они по-прежнему охотились на мышей и воробьёв, но больше по привычке, нежели для еды, а так же, чтобы порадовать своих хозяев. Немудрено, что собаки, продолжавшие жить на улице в своих маленьких будках, завидовали успеху кошек. В холодные осенние дни, они с тоской смотрели на дремлющих за окном на подоконнике упитанных котов и в голову им приходили печальные мысли.

«Коты предали нас, – думали они. – Они больше не играют с нами, и всё время смотрят на нас свысока. Даже маленькие котята, теперь едва завидев нас, шипят и выгибают спину, вместо того, чтобы скорее подбежать ближе и потереться о наши морды. Да-а-а, прежней дружбе конец...»

«Ну что вам стоит обходить лужи стороной и не возиться в грязи, – думали в свою очередь коты, лениво поглядывая за окно. – Неужели вам приятно спать на улице? Мы бы с радостью вновь поиграли бы с вами, будь вы чуточку осмотрительнее... Берите пример с нас, кошек. Приведите себя в порядок и перед вами откроются все двери. Нет, пока вы не изменитесь, прежней дружбе конец...»

Неудивительно, что спустя короткое время, между кошками и собаками стали возникать потасовки. Собаки теперь не упускали случая, пролаять что-нибудь обидное вслед важно вышагивающему по забору коту, а тот в свою очередь, шипел в ответ гадости и норовил пустить в ход когти. Всё переменялось буквально в один миг, так что людям, тайным виновники происходящего раздора, пришлось взять на себя роль некоего барьера, чтобы бывшие друзья не разорвали друг друга в клочья.

Конечно, даже среди этой внезапно вспыхнувшей войны находились островки спокойствия и благополучия. Ничего не знающие о раздорах взрослых, котята и щенята продолжали с удовольствием возиться друг с другом, пока их папы и мамы шипели или рычали на улице. Мудрые кошки и разумные собаки не цеплялись друг к другу по мелочам. В конце концов, большинству собак нравилась их раздольная жизнь. Что там говорить, они просто обожали прыгать по лужам, лазить по кустам, скакать в грязи и, пока хозяева не видели, с упоением рыться в помойных ямах в поисках вкусных объедков... Кошки же всегда были домоседами. И в былые времена они могли целыми днями напролёт неподвижно нежиться на солнышке и оживать лишь к вечеру, чтобы в сумерках отправиться на охоту. Но кто помнил прошлое, когда кругом шла война, и кто думал о будущем, если главным в то время было вовремя унести свой хвост или наоборот, поскорее вцепиться в чей-нибудь...

Так длилось довольно долго и со временем вошло в привычку. Отныне даже у самых спокойных и умных собак считалось правилом хорошего тона обляять соседскую кошку, в то время как кошачьи приличья гласили, что на любую собаку кошке следует смотреть не иначе как с самым ледяным презрением и при случае обязательно стараться перебежать ей дорогу... Люди также привыкли к установившемуся порядку вещей и уже не мыслили себе иной жизни. Как и их питомцы, они разделились на два враждующих лагеря, в одном из которых все поклонялись кошкам, а в другом, превозносили собак. Они годами спорили о том, кто лучше, кошка или собака и сходились в мнениях только в одном вопросе – все канарейки глупы. Правда, был и третий лагерь, самый маленький. Его обитатели держали дома и собак и кошек, и при каждом удобном уверяли всех, что те отлично ладят меж собой, но таких чудачков все сторонились, так как, по мнению любителей кошек, в их домах стоял ужасный запах псины, а, по мнению любителей собак, там вечно противно пахло кошками... В целом, люди стоили своих домашних любимцев, и мало кто желал разбираться в первоначальной причине их конфликта и уж тем более пытаться его решить.

В мире был известен только один случай, когда некий Максимилиан Бу, поэт и сапожник, посвятил всю свою жизнь изучению этого поразительного феномена и даже написал трактат, озаглавленный «Дружба кошек и собак. Истоки вражды». В своём 8 томном труде он тщательно проана-

лизировал все известные данные о кошках и собаках и пришёл к выводу, что их природная вражда является мнимой. За эту работу своей жизни он был публично осмеян и закончил свои дни в изгнании, живя в скромной избушке в Лапландии, в окружении 53 кошек и 46 собак, державшихся одной большой стаей. Увы, до наших дней дошли только незначительные фрагменты его весьма примечательного трактата и сколько потомки не пытались восстановить рукопись Бу целиком, им это не удалось.

Тьма невежества вновь опустила свой занавес, пока, точно гром среди ясного неба, в одной из скандинавских газет не появилась прелюбопытная статья. Она называлась «Гавмьяуландия» и в шуточной форме повествовала о том, что окончательно поссорившиеся кошки и собаки, всё же решили заключить мир, но не на земле, а в своих снах. В одну из лунных ночей, несколько представителей каждой стороны встретились в условленном сне и заключили интересный договор. Статья подробно описывала детали «Сонного манифеста», из которого следовало, что во сне, кошки и собаки менялись ролями. По мнению автора это объяснялось тем, что, несмотря на свои раздоры, и кошки и собаки по-прежнему тяготели друг к другу и в душе вовсе не хотели враждовать. Из-за этого, они очень часто чувствовали себя несчастными и одинокими. В то же время, они признавали, что изменить их отношения в реальном мире уже не представляется возможным. Всё зашло слишком далеко и даже если они

вновь попытаются дружить, людям это едва ли понравится.

«Теперь, – говорил один собачий депутат по кличке Лорд, – когда и кошки и собаки живут в тепле человеческих домов, было бы большой неосторожностью и даже глупостью пытаться изменить текущий порядок вещей. Ради нашего общего блага, мы должны и впредь, как не неприятно это прозвучит, уметь ненавидеть друг друга. Мы заплатили слишком большую цену, чтобы оказаться под одной крышей с людьми и не имеем права рисковать нашим будущим...»

«Вновь оказаться на улице было бы непростительной ошибкой с нашей стороны, – вторил ему представитель котов, по кличке Эйнштейн. – Как ни ужасна и как ни противоестественна наша вражда, мы, увы, должны поддерживать её всеми силами и не позволить людям усомниться в нашей глубокой взаимной неприязни...»

В статье также указывалось, что нарушители этого соглашения, будут строго наказаны, а при повторном нарушении Кодекса сна (в котором, кстати, было не много ни мало 412 пунктов), нарушителя навечно изгоняли из Гавмьяуландии, так что он даже во сне не мог больше как следует повеселиться. Газета приводила некоторые выдержки из Кодекса. К примеру, пункт 31 запрещал собакам громко мяукать во сне, чтобы хозяева ничего не заподозрили. Тот же пункт запрещал кошкам громко лаять. Пункт 139 категорически не разрешал собакам даже пытаться влезть на деревья, после того как они проснутся, а пункт 284 ясно говорил, что кош-

кам нельзя гоняться за собаками, а тем удирать от них, если рядом есть люди. Пункт 356 обязывал и кошек и собак не подмигивать друг другу и не разговаривать в присутствии людей и наконец, последний 412 пункт гласил, что кошкам и собакам ни при каких обстоятельствах не следует петь хором в течение дня.

Заметка в местной газете не привлекла большого внимания и была принята за шуточную проделку, так как появилась на свет утром 1 апреля, но престарелая правнучка Максимилиана Бу, увидев её, пришла в большое волнение. Оказалось, что в газете слово в слово были изложены некоторые факты, которые никогда не были представлены широкой публике. Это были выдержки из последнего Лапландского дневника Максимилиана Бу, которые бережно хранились его наследниками и, по просьбе их автора, никогда не покидали стен их дома.

Энергичная старушка наняла частного детектива, чтобы выяснить, откуда у газеты появилась такая информация. Вскоре выяснилось, что редактор понятия не имеет, кто автор статьи. Он получил её в готовом виде по почте, прочитал, посмеялся и решил напечатать. Отправитель не оставил обратного адреса и всё что о нём было известно, это его инициалы С&D. Это сразу же породило конспирологическую версию о том, что данная аббревиатура обозначает «Cats and Dogs», «Кошки и Собаки» и служит утечкой информации, за которой стоят изгнанные из Гавмьяландии собаки и кош-

ки...

Но самое странное, что буквально на следующую ночь, редакция газеты выгорела дотла, при том, что ночной сторож не видел ни единой живой души вокруг, за исключением парочки наглых котов и двух странных фокстерьеров... Все газеты, раскупленные в тот день, так же бесследно пропали, и, в конце концов, в память об этом странном тираже уцелела лишь газетная вырезка, та, что пришла к правнучке Максимилиана. Старушка определённо что-то знала, и сразу же сделал с неё несколько копий, и отправила их по почте своим внукам в разные концы света. Но и тут случился непредвиденный казус. По пути на почту, почтальона который нёс письма, укусила бродячая собака и пока ему накладывали повязку и делали уколы, часть письма из его сумки исчезли...

История умалчивает, что было дальше, друзья мои. На сегодняшний день нам достоверно известно лишь одно – тайна «Сонного манифеста», наравне с тайной Бермудского треугольника, по сей день остаётся нераскрытой, и притягивает к себе внимание пытливых умов всего человечества...

Степашка, незаметно забравшийся на веранду и усевшийся у папиных ног, громко зевнул, всем своим видом показывая, что история полная чушь и неспешно затрусил в сторону кухни. Однако хитрое выражение его глаз заставило ребят насторожиться.

– А помнишь, как одна кошка тёрлась о Степашку, когда

мы ездили на море? – спросила Варя брата.

– Помню, – ответил Серёжа. – Она его каждое утро там поджидала, а когда мы подходили ближе, убегала...

– Подозрительно... – прошептала Варя. – Очень подозрительно...

– Да-а-а... – согласился Серёжа. – Нужно будет проследить за Степашкой...

– Весьма разумное решение, – с серьёзным видом внёс свою лепту папа. – Только аккуратно... Я не хочу, чтобы *они*, что-то заподозрили...

– Мы будем очень осторожны, – заверили его ребята.

– Отлично, – сказал папа. – Тогда за дело. Только не топчите все грядки, как в прошлый раз, когда вы играли в индейцев.

– Пап, но это же ты на них упал, – сказал Серёжа.

– А что мне оставалось делать, – удивился папа. – Я был убит стрелой!

В это время Степашка вновь пробрался за баню и сел у забора с самым задумчивым видом. Прямо над его головой среди листвы замер большой рыжий кот Тимофей, готовый в любую секунду дать дёру. Прошла минута, две, три, но они словно не замечали друг друга и вскоре разошлись по своим делам. Почему так случилось? Трудно сказать. Может день был слишком жаркий, и им обоим не хотелось бегать, а может всё действительно куда как сложнее, чем мы с вами привыкли думать.

Братья-кроты

– Никто не видел мой кошелёк, – спросил папа, заглядывая на кухню. – Кажется, его украли...

– Ты забыл его на прилавке в магазине, когда покупал вафли к чаю, – ответила мама. – Кстати, чай готов.

– Хм... – смутился папа. – И где же он теперь?..

– У тебя в комнате, – сказала мама. – Варя его взяла

– А почему мне никто ничего не сказал?

– Потому что ты внезапно выскочил из магазина и помчался домой, так как вспомнил, что оставил включённым чайник, – промурлыкала мама. – Садись, горе ты моё луковое...

Папа сконфуженно помялся в дверях, но потом рассмеялся и сел за стол.

– Это всё заговор, – провозгласил он, спустя несколько минут. – Да, да, вы зря смеётесь, друзья мои. Это заговор и он зреет давно. Меня преследуют и мешают работать.

– И кто же эти негодники, позволь спросить, – поинтересовалась мама. – Хотя постой, дай ка я сама попробую угадать. Колдуны? Гномы? Или это опять те коварные марсиане, что вечно прятали твои очки, во время нашего отдыха на море?

– Скажешь тоже, марсиане... – хмыкнул папа. – В Шатуре нет марсиан. Это каждый знает. Тут слишком много кома-

ров, а они их жутко боятся...

– Прости, я что-то совсем запуталась, – с серьёзным видом переспросила мама. – Кто кого боится, комары марсиан или марсиане комаров?..

– *Марсиане боятся комаров*, – сказал папа, под дружный смех ребят. – Но я вообще не об этом хотел рассказать!

– Да, да, конечно, – закивала головой мама, с трудом сдерживая смех. – Ты говорил что-то про заговор, который давно зреет...

– Да, зреет, – с вызовом провозгласил папа. – Зреет, но никак не может созреть, потому что у меня есть защитники.

– О, и я даже знаю их имена, – сказала мама, подмигивая Варе. – Это мы.

– Не только... – ответил папа. – Их имена, строжайшая тайна, но я всё же рискну назвать вам одно...

Папа огляделся по сторонам, заглянул под стол, проверил сахарницу и только затем произнёс:

– Её зовут, летающая свинка Рива...

На этот раз мама не смогла сдержаться и смеялась до слёз.

– Боже, такого я ещё не слышала, – сказала она, наконец, вытирая глаза полотенцем. – Ты должен нам немедленно всё о ней рассказать. Мы просто обязаны знать историю твоего ангела-хранителя...

– Именно это я и собирался сделать, – пробурчал папа. – Только прошу вас, отнеситесь к этой истории со всей серьёзностью, потому что Рива ужасно рискует, бросая вызов од-

ной из самых могущественных и коварных организаций в мире, которая называется...

– Макдональдс, – спросила Варя.

Тут не выдержал папа и захохотал так громко, что Степашка выскочил из-под стола и испуганно залаял.

– Нет, Варвара, это не Макдональдс, – в конце концов, ответил папа, – хотя, должен согласиться, там тоже определённо пахнет чёрной магией, иначе как объяснить, тот факт, что я никак не могу пройти мимо, не купив там что-нибудь вкусенькое... Однако в данном случае речь идёт о старинном обществе *братья-кроты*...

Папа откинулся на спинку стула и выжидательно посмотрел на своих слушателей, ожидая, как минимум, криков ужаса, но никто даже не побледнел.

– Кроты? – разочарованно переспросил Серёжа, переглянувшись с сестрой. – Обычные кроты, которые живут под землёй и плохо видят?

– Именно так, – сказал папа, воинственно поблёскивая глазами. – Но я вижу, вы мало о них знаете, друзья мои, так что позвольте мне открыть вам глаза на их истинную роль в истории человечества. Для начала, обратим свой взор на Древний Египет в эпоху его расцвета, после чего, великая империя стремительно и совершенно внезапно закатилась, оставив после себя лишь полуразрушенные дворцы и седые от времени пирамиды. А ведь всё могло быть иначе, не случилось однажды фараону наехать своей колесницей на крото-

вую нору. Этот, незначительный на первый взгляд, эпизод, послужил отправной точкой для последующей войны, которую фараон проиграл, после чего, его царство пришло в упадок и исчезло с лица земли. Конечно, человеческие историки имеют на этот счёт собственное мнение, но факт остаётся фактом – наехав на кротовую нору, фараон прикусил себе язык и, будучи в бешенстве накричал на посла могущественного племени, что и послужило поводом для войны. Это общеизвестные факты, однако, мало кто знает, что за неделю до этого рокового события, фараон приказал уничтожить всех кротов в своём саду, так как их норы, по его мнению, портили вид. Мудрецы Египта умоляли фараона не делать этого, ссылаясь на древние манускрипты, в которых было сказано, что гнев кротов ужасен и непоколебим. В пример приводилось страшное крушение Вавилонской башни, подрывтой совместными усилиями кротов, но фараон только посмеялся над мудрецами, назвав их глупцами и сказал, что не верит в подобную чушь. Все кроты были жестоко изгнаны из его сада, а спустя неделю, произошло то, что произошло, и Египет навеки утратил свой статус великого государства. Казалось бы, после такого очевидного доказательства могущества кротов, люди должны были бы сделать соответствующие выводы, но этого не произошло. Впрочем, кроты так же не афишировали свою власть и на долгие годы вновь отошли в тень, хотя некоторые исследователи и прослеживали их участие в походах Александра Македонского, гибели Помпеи и

падения Рима.

В средние века про кротов заговорили открыто, после того, как их интриги положили начало Столетней войне. Их влияние стало общепризнанным, и в кругах просвещённых аристократов в то время было модно хвастаться связями с подземными интриганами. Кроты красовались на самых именитых гербах богатейших династий, имели доступ к самым сокровенным тайнам и были первыми существами, которые покинули корабль Колумба, как только он достиг берегов Нового света. Они процветали столетие за столетием, утопая в роскоши и славе, пока, сразу после Французской революции, не обрели такую власть, что возникла реальная угроза захвата ими всего мира. Тогда то и возник Совет 40, в который входили самые могущественные и влиятельные люди своего времени, которые поставили своей целью не допустить дальнейшего вмешательства кротов в дела людей. Само собой разумеется, кроты быстро узнали о заговоре, и по всему миру разразилась самая настоящая шпионская война. Один за другим члены Совета 40 начали погибать при ужасающих обстоятельствах, но на их место сразу же занимали новые люди, готовые отстаивать свои идеалы пусть даже и с риском для жизни. Противостояние продолжалось более полувека, и порой казалось, что кроты одерживают верх в этой незримой, но жестокой битве, но людям в какой-то момент удалось заключить договор с домовыми гномами. В обмен на полную неприкосновенность и предоставление права жить в

подвалах старых домов, гномы в свою очередь обязались переманить на сторону людей серых крыс, которые ненавидели кротов, но не обладали должной организацией. Это был переломный момент. Под руководством людей, крысы безжалостно атаковали кротов по всем фронтам и за несколько недель обратили их в повальное бегство. Отныне, кроты не осмеливались проникать в крупные города, в результате чего их влияние ослабло до такой степени, что они вскоре согласились на мир, который и был подписан в подвале старинного замка в предместьях Праги. Люди победили, хотя и заплатили за это высокую цену: крысы стали неизменными спутниками людей, и изгнать их из городов уже не было никакой возможности.

Но как вы можете догадаться, не все кроты смирились с досадным поражением, и спустя всего несколько дней после их капитуляции, в лесах Баварии возникло общество братья-кроты, желавшее, во что бы то ни стало восстановить былое могущество кротов по всему миру. Тут следует заметить, что к чести большинства кротов, они не поддержали бунтовщиков и не нарушили условий мирного договора. Простые кроты порядком устали от вечных интриг, в которые они волей неволей были вовлечены. Им хотелось покоя и уюта в своих тёмных норах, а потому, братья-кроты остались в меньшинстве и с той поры довольствовались лишь тем, что вмешивались в планы некоторых отдельных людей, считая, что те оскорбляют честь и достоинство кротовьего рода.

Кроты и раньше не брезговали подобными трюками. Яркими примерами такого вмешательства могут послужить исчезновение некоторых рукописей Шекспира, в которых гений высмеивал тех, кто не видит дальше своего носа и, к счастью неудачная, попытка уничтожить труды Коперника. Братья-кроты продолжили эту тактику и изо всех сил мешали работам Теслы, опытам Эдисона, идеям Эйнштейна, путали ноты Чайковскому и Рахманинову, а однажды попытались завязать морским узлом гениальные усы самого Сальвадора Дали, но в дело вмешалась соседская кошка и усы великого новатора не пострадали. Словом братья-кроты порядком досаждали многим выдающимся личностям, а также тем организациям, что их поддерживали.

Вторая мировая война был расцветом могущества друзей-котов. В те тяжёлые и мрачные для всего свободного человечества дни, они высоко подняли свои подслеповатые головы и были в шаге от мирового господства. По счастью, кроты сделали ставку не на тех людей, а потому, потерпели вместе с ними сокрушительное поражение.

Посрамлённые и униженные, братья-кроты вновь ушли под землю, где не прекращали строить новые коварные планы и, спустя некоторое время очередная возможность завладеть земным шаром вновь забрезжила на их горизонте. Дело в том, что кроты случайно откопали недалеко от Дамаска древнюю магическую библиотеку и при помощи одного жуткого заклинания научились попадать в людские сны.

Поначалу, люди не придали значения этой опасности, ведь всем известно, что во сне с человеком не может произойти ничего плохого. Даже если он упал в жерло вулкана или попал в пасть акулы, он всё равно проснётся, позавтракает и отправится в школу или на работу. Но это оказалось заблуждением. Кроты стали менять сны неудобных им людей по своему усмотрению, превращая их ночи в сплошные беспросветные кошмары, так что днём эти бедняги бродили точно сонные мухи, а вечером боялись закрыть глаза, чтобы вновь не очутиться в царстве ужаса. Ни о какой продуктивной деятельности уже не могло идти и речи и многие гении по всему миру внезапно начали буквально таять на глазах, не в силах побороть странный недуг. Обычные методы лечения им не помогали, а от снотворного им делалось только хуже, так как они даже не могли в нужный момент проснуться, чтобы вырваться из цепких лап кошмара.

Братья-кроты стремительно оттачивали своё мастерство, готовясь обрушиться на сны всех людей и навсегда сделать их рабами ночных страхов. Они готовили целую армию кротов-лазутчиков, готовых проникнуть в миллионы снов разом и неизвестно чем бы всё это закончилось, не приди на помощь людям обитатели снов, которым не нравилось, что кто-то вмешивается в их дела. Именно тут на сцене и появляется наша главная героиня – летающая свинка Рива, отважная и вездесущая, за голову которой друзья-кроты назначили немалую награду, но так и не смогли её никому выплатить.

Свинка первой восстала против вторжения кротов, когда её милый розовый сон, в котором она жила долгие-долгие годы, был бесцеремонно нарушен двумя наглыми кротоми. Грозно хрюкнув, свинка яростно набросилась на возмутителей спокойствия и задала им такую трёпку, что они кувырком улетели в другой сон.

Но этого ей показалось мало. Она быстро создала целый отряд Чистильщиков снов, в который помимо неё, входил подводный жираф Роберт, древесный осьминог Василий, стая певчих радужных рыб, имеющих весьма внушительные зубы, парочка гигантских тигров-медоедов и престранная стеклянная каракатица, которая по большому счёту всем только вечно мешала, но её никто не мог прогнать. Чистильщики снов преследовали кротов всюду, где только могли их обнаружить, и захватчикам приходилось несладко, так как обитатели снов отлично знали все сильные и слабые места царства сновидений и всегда появлялись внезапно.

Слава отряда быстро росла, и под его розовые знамёна вставали всё новые и новые существа, принося торжественную клятву защищать сны от непрощенных гостей. Братья-кроты терпели поражение за поражением, когда, вдобавок ко всему, люди наконец-то догадались, что происходит и стали помогать отважной свинке и её товарищам. Сразу в нескольких крупных городах мира были созданы секретные Центры Защиты Снов, в которых группы тщательно отобранных и специально обученных добровольцев засыпали

под надзором врачей и учёных, а проснувшись затем в своём собственном сне, начинали охоту за кротами, оберегая тем самым покой всего человечества. Их называли Ловцами и каждый из них, прежде чем приступить к своему первому одиночному поиску, должен был сдать экзамен лично свинке Риве.

– А какие там были вопросы? – спросила Варя.

– Вопросов там не было, моя дорогая, – ответил папа. – Это скорее походило на игру. Ловец попадал в сон, где было спрятано несколько «призов», которые он должен был найти в течение одного часа. «Призами», как правило, были другие, более опытные ловцы или кто-то из членов команды Чистильщиков. Сны, в которых находились «призы» всегда были весьма странными и путанными. В них вечно шёл дождь или снег, громыхал гром и сверкали молнии, а главное, кто-то постоянно мешал Ловцу сосредоточиться. Это могли быть различные звери, вроде совершенно безобидных, но жутких с виду саблезубых крокодилов или огромных, но весьма добродушных волко-пантер. Если зверей вдруг оказывалось недостаточно, и Ловец не обращал на них никакого внимания, то тогда в дело вступали призраки, принимающие форму его родных и близких. Соблазн поболтать со своим дедушкой был велик, но тем, кто преодолевал его и находил все призы, оставалось найти главный, самый сложный «приз», которым всегда была сама Рива. Отыскать её во сне, а после этого догнать, было необычайно трудно и мало

кому удавалось сделать это с первого раза. Она умела весьма искусно маскироваться в любых местах, так как провела в снах всю свою жизнь и к тому же, несмотря на свою упитанность, была проворна точно ласточка.

Я, к примеру, завалил целых три теста, прежде чем всё же настиг её в самую последнюю минуту и схватил за кончик тонкого розового хвостика. Помнится, ей это жутко не понравилось и она долго хрюкала от возмущения, но по всем правилам я победил и получил-таки свой диплом Ловца первой степени, что означало, что я мог охотиться в одиночку. Правда, потом мы всё равно с ней сдружились, но к тому времени братья-кроты уже практически прекратили совать свой нос в людские сны и, по всей видимости, начали искать какой-то новый способ, чтобы нам досадить.

Папа сделал глоток чая и начал протирать свои очки.

– Пап, а почему братья-кроты вдруг начали преследовать тебя? – спросил Серёжа. – Это из-за твоих книг, да?

– Трудно сказать наверняка, – с улыбкой пожал плечами папа. – Их мотивы нам до сих пор не всегда ясны. Быть может это книги, может, мой диплом Ловца, а может, братьев-котов просто бесит тот факт, что я знаю об их существовании и не сижу, сложа руки. Они то понимают, что даже малая горстка равнодушных, способна многое изменить и с ненавистью смотрят на любого, кто пытается открыть людям глаза. Так или иначе, они меня сильно недолюбливают и всячески стараются осложнить мне жизнь, не понимая, что этим

лишь делают её более интересной и осмысленной. Так что в некотором роде я им даже благодарен.

– А что нужно делать, чтобы тоже противостоять братьям-кротам, – спросила Варя, которая уже представила себя в роли отважного и неуловимого Ловца.

– Есть немало способов, чтобы не дать им шанса вновь обрести власть, – ответил папа. – Нужно любить книги, путешествовать по миру, постоянно узнавать что-то новое, но самое главное, следует научить людей видеть чуть-чуть дальше кончика своего собственного носа, пусть даже для этого им иногда и придётся носить не очень удобные очки.

– Пап, а я вчера видел за домом кротовую нору, – сказал Серёжа. – Давай нальём туда воды из шланга? То-то им не понравится!

– А вот этого делать категорически не стоит, – покачал головой папа. – Большинство кротов, как я уже говорил, совершенно безобидные существа. Они счастливы, жить своей тихой, размеренной, подземной жизнью, никому не мешая и ни во что не вмешиваясь. Не стоит досаждать им лишь потому, что кое-кто из их племени ведёт себя скверно. Недаром первое правило Ловцов гласит: мысли широко, избегай «кротового видения».

– А какие ещё есть правила у Ловцов? – спросила Варя.

– О, – воскликнул папа, – их целая куча, но я, признаться, их слегка запямятовал. Мне нужно покопаться на чердаке среди своих старых бумаг. Кажется, там сохранился мой

конспект и диплом с оттиском пяточка самой Ривы. Постараюсь найти его и обязательно вам покажу, если конечно братья-кроты не добрались до него раньше...

Кто придумал снег

– Этот снег никогда не закончится! – воскликнула Варя, отворачиваясь от окна. – Ну что ему стоит растаять чуточку раньше. Например, завтра...

– Но ещё только январь, – возразил папа. – Дай ему хоть немного передохнуть. Он порядком устал за лето, и зима единственное время, когда он может спокойно поваляться на земле и ничего не делать.

– Снег? Трудился летом? Ерунда... – проворчал Серёжа, рассеянно бросая Степашке мячик.

– Вовсе нет, – сказал папа. – У него было полно важной работы в летнюю жару.

– И что же он делал такого важного? – вяло поинтересовался Серёжа.

– Боролся с пожирателями снов. Как обычно, – бодро отозвался папа. – Или вы и вправду верите в то, что весной он просто тает и вновь появляется только в ноябре?..

Судя по изумлённым лицам ребят, как раз так они и думали и папа довольно хмыкнул:

– Вижу, пришло время просветить вас, кто и зачем придумал снег...

Папа отложил свои записи, пересел из-за стола на диван и немного помолчал, закрыв глаза и скрестив руки. Ребята подоновились ближе и уселись у его ног. Стёпа, видя, что время игр закончилось, вскарабкался на диван, свернулся калачиком и задремал, так же сладко, как он делал это на даче, лежа под кустом смородины. Очень скоро его коротенькие лапки стали дёргаться и он начал тихонько повизгивать, словно за кем-то гнался. Папа погладил его по голове и сказал:

– Для начала, я думаю, мне стоит напомнить вам, друзья мои, что наш мир, каким бы большим он ни казался, отнюдь не единственный. Вокруг всегда существовали и другие, не менее интересные и загадочные миры. Просто люди вбили себе в голову, что они одни во Вселенной и поэтому, большинству из них всегда немного грустно и это неудивительно. Это всё равно, что бродить по огромному кондитерскому магазину, уставленному всякими вкусностями и убеждать себя, что на самом деле все его полки пусты, и ты ничего не можешь попробовать. Ужасная глупость! Другие миры существуют и зачастую они находятся гораздо ближе, чем нам может показаться. Это немного похоже на старый фокус, когда «маэстро» бросает в ящик пару белоснежных перчаток, накрывает его платком, произносит «магическое» заклинание, а затем, под изумлённые возгласы, достаёт из того же самого ящика живого кролика. Но все знают, что кролик уже был там спрятан и это лишь фокус, тогда как в иных мирах,

такое в порядке вещей. К примеру, вы спокойно можете носить в своём кармане самый обычный коробок, открыв который, вы не увидите ничего, кроме спичек, но если открыть его заново с другой стороны, вы обнаружите, что в нём живёт самый настоящий дрессированный сиамский слон, умеющий ходить на задних ногах и кланяться...

– Ой, а как туда попасть? – оживилась Варя, представив, как все подружки в школе будут ей завидовать, если она принесёт туда такой коробок. В особенности, если там будет жить не сиамский слон, а милый розовый пони. Или сразу два...

– На самом деле, – улыбнулся папа, – вы каждую ночь оказываетесь в одном из них. Просто вы привыкли думать, что сны, это нечто нереальное и оттого не относитесь к ним достаточно серьёзно. Меж тем, нет ничего более реального, чем царство сновидений. Нужно только всегда помнить об этом, когда спишь.

– Но как я могу что-то помнить во сне? – нахмурился Серёжа. – Когда я сплю, я сплю!

– В этом весь секрет, – усмехнулся папа. – Это действительно очень трудно удержать в памяти нечто важное, когда засыпаешь. Всё равно, что пытаться только чуть-чуть лизнуть своё мороженое, и больше его не трогать. Мне лично такое никогда не это удавалось, но я слышал, что есть люди, которые на это способны. Они просыпаются в своём сне и тогда, перед ними открываются восхитительные возможности, ведь в царстве сновидений можно порхать, точно ба-

бочка, нырять, словно рыба и мчаться как ракета. Говорят, древние йоги в совершенстве владели этой наукой и что при большом желании и упорным тренировкам, этому может научиться любой взрослый или ребёнок.

– А это не опасно? – спросила Варя.

– И да, и нет, – ответил папа. – Всё зависит от того, что ты будешь делать и куда захочешь попасть. Если ты просто желаешь немного покататься на радуге или прогуляться по дну океана, в сопровождении ручной медузы и пары морских ежей, то никакой опасности нет. Но если ты хочешь нечто большего, то это может обернуться весьма рискованным предприятием, потому что в царстве сновидений обитают не только забавные звери и птицы, но и те, кто не прочь схватить зазевавшегося путешественника и утащить его в безвременье, откуда нет выхода. Впрочем, должен признать, такое случается крайне редко, но, тем не менее, вам всегда нужно быть наготове.

– А кто может нас схватить? – спросил Серёжа.

– Обычно, на странников нападают тёмные создания из соседних миров. Для нас, людей, путь туда закрыт, как впрочем, и для них к нам, но в царстве сновидений наши пути могут порой пересечься, и если такое произойдёт, мой вам совет, скорее просыпайтесь, а не то будет худо. Эти существа очень шустрые и на первый взгляд, выглядят вполне безобидно, как маленькое серое облачко. Только вот при ближайшем рассмотрении оказывается, что у этого облач-

ка тысяча глаз, и все они смотрят на тебя весьма и весьма недобро... Но во всём остальном, царство сновидений прелестное место и мне никогда не понять людей, которые говорят, что ночной сон крадёт у них часть жизни. Чушь! Тот, кто утверждает подобное, сам себя обкрадывает. Оттого-то они по утрам обычно хмурые и ворчливые, точно медведи весной...

– Как наш дедушка, – хихикнула Варя. – Он всегда утром ворчит.

– И немудрено, – улыбнулся папа. – Учитывая, как он любит основательно подкрепиться варёной колбасой в полночь...

– Но причём тут снег, – не выдержал Серёжа.

– А при том, – ответил папа, – что снег оказался идеальным средством для борьбы с пожирателями снов и пусть вас не пугает это страшное название, потому что так сномы называли черную плесень, которая однажды завелась в царстве сновидений и разрослась до таких размеров, что едва не поглотила его полностью.

– Сномы?... – удивилась Варя. – Кто это?

– Жители иного мира, что некогда существовал неподалёку от нашего, – ответил папа. – Чудесного мира, скажу я вам...

– А что с ним стало? – спросила Варя.

– Увы, – грустно покачал головой папа. – Однажды, этот дивный мир разлетелся на куски, точно огромный хрусталь-

ный шар, так что от него остались одни только осколки. И один из этих осколков, самый крупный, стал впоследствии царством сновидений.

– Но почему так случилось, пап?

– Потому что сномы, друзья мои, были очень похожи на людей, – усмехнулся папа. – Это сейчас они мудры и деликатны, но в те далёкие времена они нередко сорились по пустякам, и как-то раз, их ссора стала настолько большой, что их мир не выдержал и дал трещину. Сномы жутко испугались в тот день и дали друг другу торжественную клятву, больше никогда не ссориться по мелочам, но не сдержали её и в следующий раз их мир погиб... После этой страшной трагедии, сномы долго пытались собрать куски своего мира воедино, и только поняв, что это невозможно, разбрелись кто куда. Но прежде, они решили сохранить небольшую часть своего мира, что уцелела в большом осколке, в память о своём прежнем доме, Лайнварне, ибо память о нём стала тем единственным, что отныне связывало их. Сномы преуспели в своём начинании, и вскоре, крохотное царство сновидений стало точной копией их прежнего мира, с той лишь разницей, что теперь, он был слишком мал для них и походил на парк аттракционов.

С того дня, сномы неотступно следят за царством сновидений. Они убирают его, проветривают, красят ограду и, если нужно, прогоняют оттуда незваных гостей. Именно сномы заметили пожирателей снов и вступили с ними в борьбу,

которая длится, целую вечность, хотя поначалу, всем показалось, что черная плесень не так опасна. Сномы попросту соскребли её специальными щётками и забыли, о её существовании, но она появилась вновь, и вновь, и вновь, каждый раз становясь чернее и гуще, и там, где она побеждала, сны угасали, как угасает цветок, если его не поливать.

Пожиратели снов захватывали всё новые и новые территории, и последняя память о Лайнварне чернела на глазах у несчастных сномов, день и ночь без устали трущих сны жёсткими щётками. Видя, что все их усилия тщетны, сномы стали придумывать новые средства борьбы с плесенью. Они жгли её огнём, посыпали стиральным порошком, поливать едкой кислотой и даже вывели специальных улиток, которые ей питались, но те были слишком медлительны и не смогли остановить пожирателей снов.

К счастью для всех нас, в конечном итоге сномы обнаружили, что плесень отчаянно боится сквозняков и совершенно не переносит холода. Тут в дело вступил научный совет сномов, во главе с небезызвестным профессором Улялюмом, предвещавшим в своё время гибель Лайнварне. Учёные принялись изобретать специальную установку, способную на время заморозить всё вокруг и спустя некоторое время, в голову Улялюму пришла идея гениальной машины, производящей крохотные кристаллы, названные людьми снежинками. Он назвал свою машину *самоходным снеговаром Улялюма* и первые же опыты показали, что снег прекрасно справля-

ется с плесенью, превращая её в серую пыль, которую потом можно смести обычной метлой. Снеговар производил более 10 миллионов тон снега в секунду и дела у сномов сразу же пошли на лад. Пожиратели снов начали повсеместное отступление, оставляя за собой груды пыли, так что Улялюму также пришлось изобрести гигантский пылесос и огромные мусорные вёдра. Профессор каждый день лично ежедневно осматривал и смазывал свой снеговар и как-то раз обнаружил на нём странные продолговатые предметы, похожие на прозрачную морковку. Он отломил одну из таких морковок, огляделся по сторонам и лизнул её.

– Да это вкусно... – пробормотал он, отламывая ещё парочку и пряча их в карман. – И очень освежает... Назову их... сосульками!

Улялюм побежал обратно в лабораторию, но, будучи забывчивым малым, оставил сосульки таять в своём кармана, а когда вспомнил, то обнаружил лишь лужу воды под вешалкой.

– Пожалуй, – пробормотал он, – нужно будет изобрести небольшую холодильную установку, чтобы всегда иметь под рукой дюжину сосуллек, на случай, если вдруг захочется освежиться... Назову её холодильником...

Улялюм так увлёкся идеей холодильника, что забыл на ночь закрыть окно в царстве сновидений, а так как его чудесный снеговар работал на полную мощность, снег вырвался наружи и закружился над Землей и к утру накрыл половину

планеты, вызвав массовую гибель динозавров. Когда всё обнаружилось, бедняга Улялюм рвал на голове волосы, но изменить что-либо уже не мог. Снег было так много, что убирать его было бессмысленно, к тому же, многим сномам понравился вид из окна на заснеженную Землю.

– Чудесное зрелище, – сказали сномы. – Нужно только немного подмести, а в остальном, пусть всё остаётся как есть. Так будет даже удобнее. Зимой нам больше не придётся включать наш снеговар, потому что от близости к Земле, в царстве сновидений будет прохладно и плесень не сможет расти, а летом, когда потеплеет, мы просто возьмём часть нашего снег обратно и используем его для борьбы с пожирателями снов, которые всё ещё живут обратной стороне осколка.

– Но как же динозавры? – волновался профессор. – Конечно, большинство из них были довольно неприятными созданиями, и ужасно вели себя за столом, но мне всё же будет их не хватать...

– Ну, так оставьте себе парочку на память, раз вам так хочется, – ответили сномы. – Кое-кого ещё можно вполне отогреть.

– Отличная идея! – обрадовался профессор Улялюм.

Он немедленно спустился на землю с одеялом и большим термосом горячего какао и спас парочку очаровательных крокодилов, назвав одного из них Алли, а другого Гатор. Крокодилы были очень признательны ему за какао и да-

же позволили себя немного погладить. Профессор так привязался к своим питомцам, что даже подумывал о том, чтобы перевести их к себе домой, но однажды, Алли проглотил его зонт и очки, а Гатор шляпу и ботинки. После этого события, Улялюм решил все же оставить последних динозавров жить там, где они родились, и только изредка навешал их, подкармливая шоколадным печеньем и плюшками с корицей.

Таким образом, снег, к которому мы все так привыкли и который считаем чем-то само собой разумеющимся, есть не что иное, как старинное изобретение сномов. Нечто вроде чистящего средства, которое мама использует в ванной и на кухне. Так что как многие тысячелетия назад, каждый раз с приходом весны, большая часть снега не тает, а выбрав тёмную ночь, потихоньку улетает в царство сновидений, чтобы устроить там очередную генеральную уборку. Не верите? Что ж, вы всегда можете увидеть всё это своими собственными глазами. Нужно только правильно весеннюю ночь потемней и провести её сидя у окна, наблюдая за тем, как зимний снег медленно исчезает, переносясь в соседний мир...

– А почему же мы так редко видим весь этот снег в своих снах? – подозрительно прищурился Серёжа. – этим летом он мне приснился всего лишь один раз!

– Это потому, – ответил папа, – что сномы, весьма скрытные создания, и предпочитают делать уборку по утрам, когда большинство людей либо в школе, либо на работе, либо

занято чем-то ещё, и уже не спит. Впрочем, даже если вы ухитритесь заснуть в это время, снега вы всё равно не увидите. Дело в том, что чёрная плесень живёт теперь только на самом краю царства сновидений, там, куда редко кто-то заглядывает. Но если вам так хочется, то в следующий раз, когда вы проснётесь в своём сне, просто летите, всё время прямо, пока спустя некоторое время, не наткнётесь на слепящую стену бушующей метели, в которой изредка мелькают серые тени, в шерстяных жилетках и больших смешных шапках. Возможно, вы даже сумеете разглядеть среди них профессора Улялюма. Его легко отличить, так как он вечно забывает свои перчатки дома... В остальном же, там всё будет в точности как у нас, и пушистый белый снег, такой же, как тот, что кружит сейчас за нашим окном, облепит вас со всех сторон, и обязательно попытается забраться к вам за шиворот, чтобы немного погреться... Такой уж у него характер.

Папа встал, открыл форточку, выставил наружу свой футляр для очков, а затем протянул его ребятам.

– Вот оно, чудо из иного мира, – казал он, указывая на несколько крохотных снежинок. – Их существуют многие миллиарды, но при этом, вам не найти двух одинаковых! Ну разве они не прекрасны?!

– Пап, пап, они тают! – разволновалась Варя. – Отпусти их скорее обратно!

– Пускай тают, – улыбнулся папа. – За окном их сколько угодно, а если вдруг станет мало, то профессор с удоволь-

ствием снова включит свой самоходный снеговар Улялюма и сделает так, чтобы снега хватило на всех...

Степашка поднял голову и сладко зевнул. Он больше других любил снег. В нём было так весело скакать и рыть туннели, а после, слизывать его с носа. А ещё, иногда, снег ему снился и тогда Степашка мог летать вместе с ним, паря в воздухе, точно огромная чёрная бородатая снежинка, гавкая и пытаясь ухватить за хвост пролетающих мимо котов...

«Только сны про телячьи сардельки я всё равно люблю больше, – решил Степашка, спрыгивая с дивана и подбегая к своему мячику. – Эй, хозяева, нечего рассиживаться, давайте играть! Гав-гав!..»

Робот Вася

– Кажется, впереди небольшая авария, – сказал папа, забираясь обратно в машину. – Придётся ещё подождать.

– Ну вот... – разочарованно протянули ребята. – Мы уже два часа еле едем... Когда же мы будем на даче?.. Мама, наверное, волнуется...

– Надо ещё немного потерпеть, а дальше помчимся как ласточки, – бодро ответил папа. – Может споём?..

– Мы уже всё спели, – ответила Варя.

– Тогда... – папа почесал нос. – Тогда поиграем в шарады, а?

– Уже играли, – ответил Серёжа. – Надоело...

– Тогда давайте все спать как Степашка, – предложил папа. – Вот пример настоящего путешественника!

Ребята фыркнули, а Степа сонно приоткрыл один глаз, сладко зевнул и снова задремал. Ему снова снились Сосисочные пауки, и он не желал прерывать битву.

– Что ж, тогда нам остаётся только одно средство, чтобы скоротать время, – заметил папа.

– Какое, – вяло спросил Серёжа. – Опять загадки?..

– Нет... – сказал папа, лукаво глядя на ребят в зеркало заднего вида. – Я собирался рассказать историю... Как вам такая идея?

– Отлично, пап, – сказал мальчик. – Только интересную!

– А когда это я рассказывал другие... – сказал папа, приняв обиженный вид.

– История, история, – обрадовалась Варя. – А можно там будут говорящая птичка?

– Само собой разумеется, – охотно согласился папа. – Я как раз хотел рассказать историю, где полным-полно говорящих птичек.

– И там должны быть роботы, – вмешался Серёжа. – Ты никогда не рассказываешь про роботов!

– Ты удивишься, – усмехнулся папа, – но именно в этой истории они есть! Удивительное совпадение, верно?..

Ребята устроились удобнее на своих сиденьях и приготовились слушать.

– В недалёком будущем, – начал папа, повернувшись к де-

тям – когда полёты на Марс и Венеру стали обычным делом, и многие школьники и их родители стали проводить свои каникулы на Сатурне, большие исследовательские корабли продолжали бороздить космос в поисках новых планет пригодных для жизни человека. Понятное дело, что у людей были помощники – роботы, которые выполняли множество тяжёлой и скучной работы, позволяя учёным заниматься только исследованиями. Одним из таких роботов-помощников был и наш герой, и звали его Васей. Робот Вася был самой первой моделью роботов-помощников. Он был маленького роста и ходил медленно, потому что его ноги были слишком короткими и немного неуклюжими. Вася был очень добрым и мечтательным роботом, потому что в его создании принимали участие дети и иногда, его мечтательность, мешала работе. Он мог подолгу любоваться необычным цветком, вместо того, чтобы просто сорвать его и отвести на станцию или внимательно изучать необычную букашку, хотя он и должен был вместо этого брать пробы грунта. Это создавало дополнительные трудности для космонавтов, но мягкий и кроткий нрав Васи всем нравился, и его не меняли на новую модель, несмотря на то, что та больше походила на человека и работала вдвое быстрее. Иногда Вася ломался и грустно звал на помощь людей, которые всегда находили своего друга и чинили. Так продолжалось много лет, в течение которых, Вася побывал в самых различных местах нашей галактики. Он тонул в болотах, вяз в песках, падал с обрывов, а однажды,

его утащила в свою нору гигантская двухголовая ящерица, но в конечном итоге, Васе удалось сбежать от неё и вернуться на корабль. Однако то, что произошло с ним на небольшой планете RQ-117-28, в последствии получившей имя 2-я Южная, было даже для него в диковинку.

Исследовательский шаттл как обычно произвёл посадку в 7 утра по местному времени и по старой традиции первым из него вышел робот Вася.

– Какой отличный воздух, – сказал он, спустя пару минут. – Вы можете смело выходить без скафандров. Только не забудьте ваши дождевики, тут очень высокая влажность и вот-вот может начаться ливень.

Учёные вышли следом и занялись установкой оборудования, а Вася отправился исследовать окрестности, прихватив большой контейнер для интересных находок.

– Только не забирайся далеко, – напутствовали его люди. – В такой чаще ты можешь запросто застрять. Вспомни Галилею...

– Хорошо, – ответил Вася, а сам подумал:

«Вот вечно они вспоминают эту Галилею... Можно подумать, что я специально тогда запутался в каменных лианах и повис над пропастью вниз головой... Я бы и сам отлично выбрался, если бы у меня не сели батарейки... Им давно пора поставить мне новые аккумуляторы, что бы я мог отправляться в длительные путешествия, как современные роботы-помощники. Нужно будет обязательно в 101 раз доло-

жить об этом капитану...»

Вася не мог знать, что люди намеренно не ставили на него новые мощные батареи, так как боялись, что он забредёт слишком далеко и заблудится. В конце концов, он был только маленьким роботом-помощником первого поколения, оборудованным сачком для ловли бабочек и складным топориком. Всем было спокойнее, когда они знали, что Вася где-то неподалёку и его всегда можно разыскать по следам его гусениц.

Меж тем, ничего не подозревавший об этом «заговоре» маленький исследователь новых миров неспешно брёл меж экзотических деревьев, похожих на огромные ромашки и любовался розовыми мхами, метровой высоты. Время от времени он останавливался, чтобы полюбоваться удивительной формы листьями или поднять камень причудливой расцветки. Окружавшие его густые джунгли не казались ему опасными, к тому же, чувство страха не устанавливали на первые модели роботов и Вася беспечно разглядывал всё, что интересовало его большие глаза, над которыми, какой-то шутник нарисовал фломастером длинные зелёные реснички.

Вася забрался довольно далеко, когда вдруг услышал за своей спиной чей-то возглас.

– Ой! Вы кто?..

Вася обернулся и, включив свою программу межгалактической вежливости, неспешно представился.

– Добрый день, друг мой. Я – робот-исследователь модель

№ 1. (Вася всегда говорил «робот-исследователь» вместо положенного «робот-помощник», так как это придавало ему важности.) Если угодно, вы можете называть меня Васей. Мы прибыли на вашу планету с миром и хотим немного изучить её. Могу я узнать Ваше имя, друг мой?

– Робот кто? – переспросила маленькая радужная птичка с четырьмя крыльями и длинным, слегка изогнутым клювиком. – Я не понимаю!

Птичка облетела Васю со всех сторон и с опаской покосилась на его сачок для бабочек.

– Я не причиню вам вреда, – успокоил птичку Вася и спрятал сачок. – Я – робот, ИСССИ, Искусственное Существо с Самопрограммирующим Интеллектом. Меня создали люди. Мы прибыли к вам с другой планеты и не причиним никому вреда. Если хотите, я могу показать вам наш космолёт.

Но птичке не хотелось смотреть на звездолёт. Она зачарованно разглядывала реснички над Васиными глазами и без умолку щебетала:

– Ой, ну надо же какие чудесные реснички! Они просо прелестные! Они просто бесподобные! Я никогда, никогда не видела таких чудесных ресничек!

При всей своей железной оболочке, у Васи было нежное сердце и от слов незнакомой птички оно растаяло.

– Благодарю вас, – пробормотал он, по-новому оглядывая свои реснички в специальное зеркальце, прикреплённое на его руке. – Мне никто не говорил, что они чудесные. Мне ка-

жется, все даже немного посмеивались над ними... Конечно, я робот и я не расстраиваюсь из-за этого, но всё равно большое вам спасибо. Как я могу вас называть, милая птичка?

– Птичка, – удивлённо переспросила птичка. – Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

– На нашей планете живут существа очень похожие на вас, и мы называем их птичками, – объяснил Вася.

– Ну ладно, – ответила птичка, – вы можете называть меня птичкой, если хотите.

Так они подружились и поболтали почти два часа, пока Вася не опомнился и не заспешил обратно.

– Прошу прощения, Птичка, – сказал он, – но у меня ещё полно дел, а мои батарейки уже начинают разряжаться. Мне нужно спешить, чтобы всё успеть и вернуться на станцию.

– Очень жаль, – ответила Птичка. – Тогда, до свидания.

– До свидания, – смущённо сказал Вася и, если бы роботы умели краснеть, то он наверняка сделался бы вишнёвым.

– Может быть... – пробормотал он, – если вам не трудно... возможно вы бы захотели... Давайте снова встретимся завтра и поболтаем ещё немного?..

– С удовольствием, – радостно прошептала птичка. – Завтра в это же время.

– Да, – обрадовался Вася. – Я буду ждать вас...

Птичка упорхнула в джунгли, а Вася поспешил по своим делам, засовывая в свой контейнер всё интересное, что попадалось ему под руку.

«Какая милая птичка, – думал он всю дорогу и время от времени разглядывал свои реснички в зеркало. – И какая вежливая. Мне определённо нравится эта планета...»

Он вернулся на базу к вечеру, почти полностью разрядив свои батареи и неся полный контейнер всякой всячины. Сам капитан похвалил его за работу, но поставить новые аккумуляторы отказался, сказав, что их нет. Вася знал, что аккумуляторы есть, но если капитан говорил, что их нет, это значило, что их нет, и он отправился в мастерскую, чтобы смазать себе колени и подзарядиться. Уличив момент, когда вокруг никого не было, он взял со стола фломастер и обвёл свои реснички, чтобы сделать их ярче.

«Надеюсь, Птичке они понравятся, – подумал он. – Кажется, она очень симпатичная...»

Затем он подключил себя к розетке и, открыв на своей груди специальную панель, установил будильник на 7-00 и переключил тумблер с положения «Бодрствование» на «Сон». Его глаза закрылись, и Вася погрузился в дрему.

– А разве роботы могут дремать, – спросила Варя.

– Конечно, – ответил папа. – Все нужен отдых, даже роботам. В это время они заряжают свои батареи, охлаждают процессор и занимаются мелким саморемонтом. Скажу больше, специально для своего любимца, программисты с шаттла записали в его память несколько снов и Вася, при желании, мог их смотреть. Там были сны про рыбок в Красном море, сны про Гималаи, сны про путешествие на воздушном шаре

и даже небольшой сон про котят и щенков. Словом, Вася не скучал и проснулся утром свежим и с полностью заряженной батареей. Как только открылся шлюз, он бодро вышел наружу и поспешил на встречу к своей подруге, попутно собирая различных жуков и интересные растения.

Птичка прилетела точно в срок, и они снова принялись беспечно болтать, неспешно двигаясь вдоль опушки исполнинского леса, забыв про всё на свете.

Птичка первая заметила опасность, но было уже слишком поздно. Она только успела испуганно пискнуть, когда огромный плотоядный цветок набросился на них и в мановение ока они оба очутились в кромешной тьме.

– Мы погибли! – пропищала птичка, придя в себя. – Это ужасная плотоядная ромашка, которая нападает на зверей и птиц. Мы никогда не сможем выбраться отсюда живыми! Какой ужас! Какой кошмар!

– Мне кажется, вам не стоит так волноваться, – спокойно ответил Вася, включая маленькую лампочку на своей голове. – Уверен, мы сможем отсюда выбраться, а если и нет, то вечером люди спохватятся, пойдут на мои поиски и спасут нас обоих.

Птичка немного успокоилась и уселась на плечо Васи.

– А люди точно пойдут тебя искать? – спросила она. – Это же очень опасно. Эти ромашки здесь повсюду. Ах, почему я такая невнимательная?! Это всё из-за меня!

– Не переживай, – сказал Вася. – Люди легко управятся

с ромашками. К тому же, мы можем попробовать выбраться самостоятельно. У меня есть маленький топорик, и другие инструменты. Мы что-нибудь придумаем.

Вася вытащил небольшой исследовательский топорик и попытался разрубить стенки их тюрьмы, но они казались крепче стали и вскоре топорик затупился.

– Ничего, – сказал Вася. – Я выпутывался ещё и не из таких переделок. Однажды, меня утащила в свою нору огромная двухголовая ящерица, но я прорыл ход наружу и сбежал. Тебе определённо не стоит волноваться, мы обязательно спасёмся.

Вася вытащил другие инструменты и попробовал пробурить, просверлить, а затем прожечь стены вокруг, но опять потерпел неудачу. С каждым провалом, птичка всё больше грустнела и в какой-то момент расплакалась.

– Нам никогда не выбраться отсюда, никогда! – громко всхлипывала она. – Мне так жаль, что из-за моей неосмотрительности ты попал в ловушку. Мне так жаль, так жаль!

– Не печалься, Птичка, – утешал её Вася. – Через час начнёт темнеть, и люди спохватятся меня. Они сядут в большой вездеход и поедут по моим следам, и очень скоро мы будем свободны. Потерпи ещё немного, а я пока попробую полить эту хищную ромашку кислотой. У меня, кажется, осталось ещё немного в одном из флакончиков...

Но кислота также не подействовала на ромашку, и друзьям ничего оставалось, как только надеяться на помощь

снаружи. Вася сел и выключил лампочку для экономии. Их пещерка погрузилась во тьму, и они принялись ждать людей, но час проходил за часом. И никто не появлялся, а затем, они вдруг услышали, как снаружи что-то ужасно загрохотало, а после заколотило по потолку и стенам их тюрьмы.

– Это гром и град, – объяснила птичка. – Знаешь, я даже немного рада, что мы сейчас внутри... Этот град такой крупный, что все обитатели леса, даже гигантские усатые броненосцы спрячутся от него. Очень опасно оказаться в такую погоду снаружи...

– Ничего, – сказал Вася. – Град когда-нибудь закончится, и люди придут за мной. Всё будет хорошо. А пока, птичка, тебе стоит поспать.

Птичка послушалась совета Васи и уснула, и теперь он один слушал, как бушует стихия, размышляя о том, что дождь наверняка смоем все следы, и люди не смогут его отыскать.

«А ещё, – думал он, – моя рация не хочет работать. Наверное, это из-за грозы, а может, потому что стенки у ромашки очень толстые... Как жаль, что бедная птичка угодила в эту ловушку... Она такая милая...»

Под утро шторм стих и проснувшаяся птичка встрепенулась.

– Слышишь? – сказала она. – Снаружи стало тихо. Люди скоро придут за нами, верно?

– Верно, – ответил Вася. – Они наверняка уже начали по-

иски. Нам просто нужно ещё немного потерпеть.

Люди и в самом деле давно искали Васю. Несмотря на ужасный град, вездеход полночи колесил по округе, пока ему не разбило все фары, и он был вынужден вернуться на базу. Вася не выходил на связь и сигнал бедствия тоже не работал, и экипаж решил, что он тоже попал под град размером с апельсин, и у него что-то повредилось. Им и в голову не могло прийти, что на Васю напал цветок, больше похожий на крупное дерево. На рассвете, вездеход вновь отправился на поиски и дважды проехал недалеко от узников, которые слышали его рокот и громко кричали, но их не было слышно.

К концу дня оба товарища по несчастью очень устали. Васьины батарейки разряжались всё больше и больше, а птичка, которая не ела с прошлого утра, печально хохлилась на плече у робота и горестно вздыхала.

– Это я во всём виновата... Это я... прости меня, Вася...

Неожиданно, Вася вспомнил, что у него есть контейнер, в который он складывал всякую всячину по пути на встречу с птичкой. Он снова зажёл свет, который уже еле горел и показал содержимое ящикам птичке.

– Посмотри, – устало сказал он, – может быть, тут найдётся что-нибудь для тебя...

Птичка радостно пискнула и вытащила наружу небольшую веточку с ярко-оранжевыми ягодами.

– Это же мои любимые ягоды! – защebetала она. – Они очень сладкие и сочные! Это так мило, что ты их принёс...

Вася смутился, и хотел было объяснить, что он сорвал их случайно, но птичка не давала ему вставить ни единого слова.

– Смотри, смотри, что я нашла! – вдруг закричала она, забыв про ягоды. – Смотри! Вот так удача! Почему же ты молчал, что у тебя есть жук-бурильщик?! Ура, мы спасены! Понимаешь, мы спасены!

– Почему? – удивился Вася, разглядывая в гаснущем свете крохотного красного жучка, который с любопытством шевелил усиками. – Что в нём такого особенного?..

– Это жук-бурильщик, – стала объяснять птичка. – Они маленькие, но когда их становится много, то они способны прогрызть изнутри даже исполинскую ромашку.

– Но на это уйдёт много лет, птичка, – сказал Вася, чувствуя, что его батареи окончательно разряжаются и свет меркнет. – Мы не успеем... Мне жаль...

– Да нет же, – нетерпеливо перебила его птичка, – всё дело в том, что...

Однако Вася больше не слышал её. Его батареи полностью разрядились, и он погрузился в глубокий сон. Последнее что он помнил, это радостный щебет птички и какой-то скрип, похожий на открывающиеся ржавые ворота.

Папа обернулся и, убедившись, что машины впереди него по-прежнему стоят, продолжил свой рассказ.

– Вася очнулся на станции. Вокруг него стояли взволнованные члены экипажа, и когда он открыл глаза, все облег-

чѐнно вздохнули и заулыбались.

– С возвращением на шаттл, Василий, – приветствовал его капитан. – Как самочувствие? Всё работает?

– Всё отлично, спасибо, – ответил Вася, немного подумав и повертев головой. – Что случилось? Как вы меня нашли?

– О, – засмеялся капитан, – это было не так-то просто и если бы не твой друг, кто знает, не пришлось бы нам заказывать нового робота...

– Мой друг, – удивился Вася. – Но кто?

– Да вот же он, – ответил капитан, показывая на птичку, которая скромно сидела в углу ремонтной мастерской. – Это она показала нам озеро, где ты утонул.

– Озеро, – изумился Вася. – Но я не тонул в озере. Мы попали в плен к хищной ромашке. И кстати, Вам следует держаться от них подальше, они опасны.

– Да, да, – сказал капитан, – мы всё знаем. Эти ромашки оказались невероятно коварными. Хорошо, что ты первым попал к ним в плен и теперь мы знаем, как нам с ними управляться. Ни кислота, ни огонь, ни сверло не берёт их, но всего один маленький жучок способен до смерти напугать их.

– Но как, – спросил Вася. – Разве такое возможно?

– Как выяснилось, – объяснил капитан, – у этих ужасных растений есть только один враг – крохотные жучки-бурильщики. Они проникают внутрь растения и образуют там огромные колонии, которые, год за годом вгрызаются в стальную древесину и, в конечном итоге, побеждают гиган-

тов. Ромашки настолько боятся этих крохотных дровосеков, что как только чувствуют, что хотя бы один подобный жук попал внутрь, сразу же выплёвывают его вместе со всей добычей. Соответственно после того как ты отключился, а птичка вытащила жука из контейнера, ромашка немедленно выплюнула вас с птичкой наружу! Ты пролетел целых тридцать метров и упал в небольшой пруд неподалёку, и только помощь твоего нового друга помогла нам найти тебя. Мы прицепили к тебе трос, вытащили на берег и отвезли на корабль. Правда, у тебя немного пострадали ноги, но наш инженер поставил тебе новые суставы, так что теперь, ты сможешь даже бегать. И ещё...

Капитан деланно нахмурился, видя ухмылки на лицах членов экипажа.

– Я случайно обнаружил у нас на складе новые батареи, и мы установили их тебе взамен старых. Теперь ты можешь работать несколько дней без подзарядки и нам нет нужды брать новую модель робота.

– Спасибо большое, – ответил Вася, разглядывая свои новенькие сияющие колени и аккуратные батареи. – Теперь я смогу быть настоящим роботом-исследователем.

– Совершенно верно, – подтвердил капитан. – И у меня уже есть для тебе первое задание, – ты должен будешь разведать дорогу для нашего вездехода до того места, где селятся говорящие птицы. Нам нужно о многом поговорить с ними. Они самые разумные существа на этой планете.

– Я готов отправляться немедленно, – ответил Вася, пытаясь встать на ноги.

– Нет, нет, – сказал капитан. – Тебе нужно ещё немного подзарядиться и поменять масло, поэтому я приказываю тебе отдыхать. Ты отправишься в путь завтра утром, а пока, мне кажется, что вам есть о чём поговорить...

С этими словами, члены экипажа удалились, оставив друзей наедине, и они болтали до самого утра, а затем вместе отправились в дорогу, навстречу новым приключениям.

– Папочка, – вдруг сказала Варя, – а все уже уехали...

– Что? Кто? – подпрыгнул на сиденье папа и, обернувшись, спешно начал заводить мотор. – И когда это они только успели, а?

– Просто у них новые модели роботов, – засмеялся Серёжа.

– Ничего, ничего, – бормотал папа, судорожно дёргая рычаги – Наш робот, конечно, не самый новый, но, когда я установлю новый аккумулятор и сменю масло, он будет ходить не хуже этих блестящих «задавал».

Наконец, после нескольких попыток, мотор чихнул и взревел.

– Ага, закричал папа, победно поправляя сползшие на носочки. – Сейчас мы им покажем. Держитесь крепче, потому что я собираюсь нагнать их, и никакие исполинские цветы не смогут мне в этом помешать, даю вам честное межгалактическое слово. Вперёд!

Золотые лисы

– Дорогой, ты уверен, что тебе не нужна помощь, – спросила мама, тревожно заглядывая под дом. – Можно позвать соседей...

– Никаких соседей! – донёсся из темноты приглушённый папин бас, вперемешку с грохотом и скрипом железа. – Я всё сделаю сам! Просто печка оказалась немного тяжелее, чем я предполагал... Но я справлюсь!

– Давай тогда хотя бы я тебе помогу немного? – предложила она. – Ты уже целый час пытаешься вытащить её наружу...

– Это всё от того, что сначала, я тащил её неправильным маршрутом и попал в тупик доски, – отозвался папа. – Но теперь я на верном пути. Скорее всего... Просто фонарик немного разбился... И очки... Но я уже близко, не переживай!

Грохот под домом продолжился и спустя несколько минут, из темноты показались папины ноги, затем спина, а потом и он сам. Его одежда и волосы были в песке и ржавчине, одно стекло на очках отсутствовало, на лбу вспухала шишка, но папа сиял от счастья.

– Однако... – выдохнул он, распрямляясь и трогая разбитый лоб. – Кто бы мог подумать, что такая маленькая печка весит как взрослый слон. Однако, дело сделано. Теперь оста-

лось установить её в хозблоке и можно больше не бояться проводить там долгие неуютные осенние вечера.

Папа осмотрел очки и улыбнулся:

– Вы только представьте, за окном дождь, холод, ветер, а мы сидим в тепле и уюте, точно у себя дома, и неспешно пьём чай с пирогами... Красота!

– Пап, а где труба? – спросил Серёжа, осматривая ржавую печь. – А ещё у неё одна ножка сломана... И дырка в боку...

– Пустяки, – отмахнулся папа. – Трубу мы купим новую, ножку я приделаю, а на бок поставим заплатку. Правда, нужно ещё будет проделать отверстие в стене кухне, но это нетрудно...

– А это обязательно, делать отверстие в стене, – робко поинтересовалась мама. – Просто в прошлый раз, когда ты хотел сделать отверстие для вентиляции в сауне...

– Прошу, не напоминай мне про тот случай, – замахал руками папа и поморщился точно от зубной боли. – Это было просто досадное недоразумение. Ничего же страшного не случилось, верно?

– Верно, – согласилась мама. – За исключением того, что ты перерезал все провода, и мы три дня не могли помыться, ничего...

Но папа сделал вид, что ничего не слышит и начал пытаться открыть печную дверцу.

– Её как будто нарочно заделали, – пробормотал он, после нескольких безрезультатных попыток. – Придётся использо-

вать лом.

После двух ударов, от которых печь зазвенела точно колокол, а Степашка удивлённо выглянул из-за угла бани, оторвавшись от своего любимого занятия – рытья ям, дверца распахнулась и оттуда вывалилась небольшая деревянная шка-тулка.

– Клад! – выдохнули ребята, бросаясь к находке. – Откуда он там?

– Скорее, небольшой тайник, – заметил папа, беря шка-тулку из рук Вари и оглядывая её со всех сторон. – Старин-ная вещь... Я бы дал ей лет сто пятьдесят...

– Но как она туда попала?

– Дайте подумать, – почесал нос папа. – Эту печь ваш дедушка взял из старого дома, который шёл на слом и все жильцы его покинули. Ну, вы знаете нашего дедушку, он не может пройти мимо чего-то, что представляет хоть малей-шую ценность, пусть даже это ему никогда и не пригодится. Словом, приглянувшаяся ему печь, как и множество других вещей, перекочевала на его чердак, где пылилась без малого 30 лет, после чего, я перевёз её на нашу дачу...

– Где она ржавела под домом ещё четверть века... – вста-вила мама.

– Просто руки не доходили, а теперь дошли, – насупился папа.

– И никто не догадался заглянуть внутрь всё это время? – удивился Серёжа.

– Похоже на то, – кивнул папа. – Дедушка редко заглядывает на свой чердак, если конечно не приносит туда что-то новенькое, а мне как-то не пришло в голову искать сокровища в старой печке, хотя, это как раз то место, где их стоит искать.

– А разве клады не прячут на пиратском острове или на кладбище? – спросила Варя.

– Нет, – засмеялся папа. – Там их прячут только в книжках. Настоящие клады всегда находятся в самых скучных и неинтересных местах, вроде этой печи. Поэтому то их так редко и находят. Люди просто не там ищут.

– Давайте её скорее откроем! – запрыгала от нетерпения Варя.

– Давайте попробуем, – сказал папа, доставая из кармана перочинный нож и принимаясь ковырять лезвием в крохотном замочке. – Ба, да она уже открыта... Так, посмотрим что внутри.

Папа откинул крышку, и дружный вздох разочарования пролетел над участком, в шкатулке, за исключением небольшого треугольного кусочка плотной желтоватой бумаги, ничего не было.

– Ну вот... – расстроились ребята. – Нет тут никакого клада...

Но папа точно не слышал их, задумчиво вращая в руках бумажный треугольник.

– Всё не так просто, друзья мои, – сказал он, после минут-

ного молчания, в течение которого он скрупулёзно изучил находку. – Клад тут был, просто нас опередили..

Ребята переглянулись.

– А откуда ты знаешь, что клад там был? – спросила Варя

– Вот отсюда, – ответил папа, протягивая треугольник девочке. – Это визитка тех, кто нашёл и открыл эту шкатулку до нас.

Ребята склонились над визиткой и стали её рассматривать. На одной стороне они увидели слегка потёртое изображение подмигивающего одним глазом золотого лиса, а с другой какую-то надпись.

– Семпер прима, – прочитал Серёжа. – Что это значит?

– Это латынь, – пояснил папа. – «Semper prima!» – Всегда первые! Это их девиз.

– Кого? – спросила Варя.

– Золотых лис, – мечтательно улыбнулся папа. – Самых ловких и самых удачливых кладоискателей во всём мире начиная с крестовых походов и заканчивая нашими днями. Золотым лисам нет равных, так что проиграть им вовсе не стыдно. Хотя, конечно, дедушке всё же стоило заглянуть внутрь...

Папа досадливо прищёлкнул языком и начал с безучастным видом отряхивать свою одежду.

– Ну, хватит уже, – не выдержала мама. – Давай, расскажи нам скорее про этих золотых лис. Кто они такие?

По губам папы пробежала лёгкая улыбка.

– В таком случае, встретимся в беседке через четверть часа, и всё вам подробно расскажу за чашечкой кофе. В таком виде рассказывать истории просто неприлично...

Пока ребята накрывали на стол, а мама варила кофе, папа сменил костюм, вытряхнул большую часть песка из своих волос и умылся. Правда, он не смог найти свои запасные очки и вынужден был сесть за стол в разбитых, но это ничуть не мешало ему наслаждаться жизнью и холодными плюшками.

– Всё началось с того, – сказал он, пригубив свой кофе, – что одна девушка, по имени Клотильда, прогуливаясь однажды вдоль старой каменной изгороди, заметила в ней свежую трещину, в которой, как ей показалось, что-то блестело. Девушка была любопытной, и приблизилась к стене, чтобы рассмотреть, что же там блестит и к своей несказанной радости поняла, что это золотая монета – целое состояние для бедной Клотильды, в жизни не державшей в своей ладони более двух медяков зараз. Клотильда попыталась выковырять монету, но та была слишком глубоко и тогда она решила наведаться сюда позже, когда стемнеет, а чтобы никто не заметил блеск золота, замазала трещину грязью.

В темноте она вернулась, неся с собой длинный нож, и расковыряв стену, обнаружила там не одну монету, а целый небольшой кувшин золота, давным-давно кем-то замурованный в стену. Клотильда едва не лишилась чувств от счастья и поспешила домой, чтобы обрадовать свою семью.

Деньги пришлись очень кстати. Вскоре Клотильда и её

родственники уехали из тех мест, поселились в большом красивом каменном доме и зажили совершенно новой жизнью, в достатке, покое и радости. Всё, кроме девушки... С того момента как она нашла тот кувшин с золотом, её точно подменили. Она стала задумчивой, немного печальной и очень рассеянной, словно какая-то навязчивая мысль не давала её покоя. Однажды, когда матушка особенно рьяно расспрашивала её, отчего она постоянно грустит, ведь у неё теперь свой дом, множество нарядов и нет нужды трудиться с утра до вечера в поле, Клотильда ответила:

– Я не хочу жить такой жизнью, маменька... Это невыносимо скучно...

– Господь с тобой, – воскликнула матушка. – В своём ли ты уме? Это такая удача, найти клад и обзавестись собственным домом. Твои сёстры на седьмом небе от счастья, только и говорят, как им повезло!

– Пусть так, – сказала Клотильда, – но всё равно, такая жизнь мне неинтересна...

– Но чего же ты хочешь? – настаивала матушка. – Может ты влюбилась?

– Нет, – покачала головой Клотильда.

– Но что тогда?

– Я хочу искать сокровища по всему миру, потому что нет ничего лучше того момента, когда ты находишь клад.

Мамушка даже дар речи потеряла от таких слов своей дочери, а когда вновь обрела, сказала:

– Выбрось эти глупости из головы, дитя моё, пока с тобой не приключалась беда. От поиска сокровищ одни неприятности. Все, кто этим занимался, либо сгинули без вести, либо просят милостыню вдали от родного дома.

– Но мы же разбогатели, – возразила Клотильда.

– Тем более не стоит больше искушать судьбу, – ответила матушка. – Больше тебе так никогда не повезёт.

– Но я не хочу везения, – топнула ногой девушка. – Я хочу собрать целый отряд кладоискателей, чтобы он был самым лучшим в мире, и я сделаю это, чего бы мне это ни стоило.

– Замуж тебе нужно, – покачала головой матушка. – Завтра же скажу всем своим знакомым, чтобы подыскали тебе умного, порядочного, молодого человека из хорошей семьи...

Клотильда вздохнула и промолчала, ибо так заканчивались все её разговоры с матушкой.

«Как будто выйти замуж это так важно, что ни о чём больше и мечтать не стоит, – думала девушка. – Можно подумать, от этого я стану счастливее. Нет, замужество точно может немного подождать, а пока, я буду искать сокровища...»

Наутро, комната Клотильды была пуста. На столе была записка, которая гласила:

Не переживайте за меня мои дорогие. Со мной всё будет хорошо. Я отправляюсь на поиски кладов и вернусь нескоро. Я буду вам писать, как только будет возможность. Целую всех, ваша малышка Клот.

Само собой разумеется, что матушка очень переживала и даже отправила по следу дочери сыщиков, но те потеряли её след уже в Константинополе и вернулись не солоно хлебавши.

Клотильда не теряла времени даром. Сама того не ожидая, она довольно быстро нашла единомышленников и занялась воплощением своей мечты. Но если вы думаете, что она во главе своего отряда исследовала каждое подозрительное место на земле, то ошибаетесь. Главными членами её отряда были не отважные следопыты, вроде неё самой, а библиотекари. Да, да, самые обычные библиотекари, уставшие от своей скучной работы, но не желавшие расставаться с книгами. Именно они, проводя день за днём над старинными рукописями, забытыми мемуарами и описаниями путешествий искали следы утерянных кладов, по следам которых затем направлялась девушка.

Конечно, не всё давалось ей легко и шло гладко. Её первая экспедиция в Индию, в поисках изумрудного Будды, едва не обернулась катастрофой и они не только не нашли то, что искали, но и едва угодили в рабство и чудом сбежали. Тем не менее, Клотильда не пала духом. Вторая экспедиция в Северную Персию прошла более удачно и, хотя найденный ими клад оказался не таким ценным, как они предполагали, всё же, это был успех.

Но настоящие приключения ждали Клотильду в Египте, куда её команда вскоре направилась в поисках пропавшего

в песках более полутора тысяч лет назад Золотого каравана, перевозившего золото последнего фараона.

Путь их лежал через Иерусалим, где к ним примкнул некий Мустафа, утверждавший, что отлично знает местность, где они должны были начать раскопки. Мустафа оказался толковым малым и действительно знал пустыню как свои пять пальцев. Отряд Клотильды без труда добрался до той точки, где, согласно древним рукописям, караван видели в последний раз и двинулись по его следу. Несомненно, так уже не раз делали другие кладоискатели, так как найти Золотой караван было мечтой любого уважающего себя охотника за сокровищами, но никто из них не знал того, что знала Клотильда.

Дело было в том, что один из её «библиотекарей» совершенно случайно обнаружил записи, на первый взгляд совершенно не относящиеся к этому делу. Речь шла о воспоминаниях одного контрабандиста, Абея де Камоэнса который, описывая свои похождения, вскользь упоминал один странный эпизод, имевший место быть у берегов Эфиопии. Там, члены одного воинственного племени, время от времени выходившего на побережье, чтобы купить у контрабандистов оружие и другое снаряжение, расплачиваясь за товар, обнаружили, что у них недостаёт золота. Тогда, один из них с видимой неохотой снял с пояса ожерелье, состоявшее из десятка небольших золотых треугольников, и протянул его Камоэнсу в качестве оплаты. Золото оказалось превосходным,

и сделка состоялась, после чего, внимательно разглядев треугольники, Камознс с удивлением увидел на них изображение Пирамид и странные иероглифы.

Контрабандист не придал этому большого значения. Зато когда эта запись попала на глаза «библиотекарю», он сразу понял, что за странные треугольники оказались в руках Абе-ля де Камознса – то были золотые пирамиды, весьма ценные в своё время монеты, которыми последний фараон желал подкупить короля варваров, чтобы объединится с ним, и вновь возвеличить свою страну. Однако, караван исчез и многие столетия люди гадали, куда он подевался. Одни полагали, что часть охраны устроила мятеж, и сбежала со всем золотом в Индию, другие, – что караван сбился с пути и его похоронила песчаная буря, а кто-то и вовсе строил безумные предположения, утверждая, что странные люди спустились с неба на огромных летающих сосисках и забрали весь караван с собой...

В любом случае, до сей поры считалось, что караван исчез бесследно и вдруг, в записках контрабандиста на свет появлялись золотые пирамиды, а это значило, что след был найден. После кропотливого труда, картина понемногу прояснилось и стало понятно, что караван подвергся атаке кочевников, и всё золото фараона перекочевало в их руки. Единственное чего не понимала Клотильда, это – почему кочевники не использовали это золото, ведь в противном случае, золотые пирамиды непременно появлялись бы в разных

уголках мира, но этого не произошло.

За исключением случая с Абелем де Камозэнсом, чей корабль, вскоре благополучно затонул у берегов Мадагаскара, золотые пирамиды некому больше не попадались на глаза и сторонники летающих сосисок всегда приводили этот факт как неоспоримое доказательство своей причудливой теории.

Всё это было очень и очень странно, и Клотильда приказала своим товарищам разузнать как можно больше о живших там в те времена кочевниках и главное, что с ними стало после. Оказалось, что незадолго до своего исчезновения, кочевые племена объединились и выстроили на границе с Хартунской пустыней большой город Тартарис. Вскоре, по непонятным причинам, город был заброшен и наполовину занесённый песком. Именно туда направила свою экспедицию Клотильда, справедливо полагая, что ключ к загадке Золотого каравана следует в древнем городе.

Преодолев часть пути на лодке по Красному морю, отряд кладоискателей высадился на берег и двинулся на юг, следуя руслу давно пересохшей реки. Путь их был не близок, и самые различные опасности подстерегали путешественников, но благодаря их отваге и упорству, а также неоценимой помощи Мустафы, они вскоре достигли северной оконечности Хартунской пустыни, и двинулись по её краю, рассчитывая наткнуться на развалины Тартариса.

В один из таких переходов, с Клотильдой произошёл неприятный инцидент, впоследствии сыгравший немало-

важную роль в судьбе её отряда. От жары и мерного покачивания верблюда, девушка задремала и незаметно для себя уронила свою подзорную трубу. Когда пропажа обнаружилась, прошло уже более трёх часов и Клотильде ужасно не хотелось возвращаться обратно по жаре, а потом спешно нагонять свою группу, но труба была ей необходима и она повернула своего верблюда назад. Завидев это, всегда готовый услужить Мустафа взялся лично вернуться за пропажей, и был очень настойчив, но девушка настояла на своём, ибо не любила, когда за её собственные ошибки отдувался кто-то другой. Она передала свою поклажу своим товарищам и налегке двинулась по своим собственным следам назад и спустя два часа нашла свою потерю. Подняв и протерев трубу, Клотильда вновь забралась на спину верблюда и хотела пуститься в погоню за своими друзьями, когда заметила на горизонте какие-то странные точки... Клотильда поднесла свою трубу к глазам и ахнула – по следам их маленького каравана двигался ещё один, втрое больший и каждый из его всадников, насколько смогла разглядеть девушка, был вооружён до зубов.

– Мустафа! – гневно воскликнула Клотильда, сразу поняв, что к чему. – Так вот почему ты увязался с нами. Ты хотел, чтобы мы привели тебя к Золотому каравану, после чего, твои дружки-бандиты напали бы на нас и забрали себе все сокровища.

Клотильда ещё раз пересчитала всадников, гневно сверк-

нула глазами и повернула своего верблюда.

– Ну что же, Мустафа, – сказала она. – Хочешь сыграть со мной в игру? Отлично... Только потом не жалуйся, что проиграл всё... Вперёд!

Девушка нагнала своих товарищей на закате, когда они ставили лагерь и больше всех её приезде радовался Мустафа. Он помог ей слезть с верблюда, принёс воды и долгоо спрашивал её, не видела ли она чего-нибудь по дороге.

– Я ничего не видела, Мустафа, – устало ответила девушка, держась за голову. – Зря я не согласилась принять твою помощь – меня так укачало в дороге, что я едва видела следы на песке, а от жары, у меня жутко разболелась голова.

– Я принесу вам мокрую повязку на лоб, она вам сразу поможет, – сказал Мустафа, у которого явно гора свалилась с плеч. – Вам нужно беречь себя, Клотильда. У нас впереди ещё раскопки.

– Да, ты, конечно, прав, – согласилась девушка, с трудом сдерживая вцепиться когтями в его лживое лицо. – В следующий раз я доверю это тебе. Мне и вправду нужно сохранять силы, если я хочу найти золото...

При слове «золото» глаза Мустафы загорелись, и в них появилось что-то тигриное.

– Вы найдёте его, Клотильда, – сказал он. – Я в вас уверен...

На следующее утро, отряд вновь двинулся в путь, но спустя час, Клотильда внезапно остановилась и рассмеялась.

– Кажется, меня преследует какое-то проклятье, – сказала она подъехавшему к ней Мустафе. – Я забыла одну из своих сумок на биваке. Придётся вернуться...

– Я привезу её, не волнуйтесь, – улыбнулся Мустафа. – Вы ещё не отошли от вчерашнего, отсюда и ваша забывчивость. Езжайте своей дорогой, а обо мне не беспокойтесь. Я мигом.

Когда Мустафа исчез, Клотильда созвала всех друзей и рассказала им о том, что вчера видела и что это может значить.

– Собьём их с пути! – слышались предложения. – Дадим им бой! Повернём назад и попытаем счастье в следующий раз!

Но Клотильда только мотала головой, выслушивая их.

– Нет, друзья, – сказала она, наконец, – мы поступим иначе. Мы сделаем вид, что ничего не произошло, и будем действовать согласно нашему плану. Мы найдём Тартарис, а следом и пропавший караван, а потом, преподнесём Мустафе и его шайке сюрприз... Кстати, вы замечали, что Мустафа всегда покидает наш лагерь последним? Это неспроста. Сегодня я наблюдала за ним украдкой и увидела, как он прячет в песок записку. Таким образом, он передаёт новости своим сообщникам, а это как раз то, что нам нужно...

Через час, запыхавшийся Мустафа, догнал Клотильду и передал ей её сумку. Она поблагодарила его и они продолжили свой путь как ни в чём ни бывало.

22 дня маленький отряд шёл по краю испепеляемой солн-

цем пустыни, преследуемый державшимися на расстоянии бандитами, а на 23 день, кладоискатели увидели впереди цепь странных холмов.

– Что это? – спросила Клотильда.

– Похоже, это пригород Тартариса, – ответил Мустафа. – Пески пустыни занесли их и превратили в холмы, но сам город, по слухам, сохранился.

– Это мы скоро узнаем, – сказал девушка, делая знак остальным ускорить шаг. – Ну, здравствуй, город кочевников. Мы нашли тебя.

Это действительно был Тартарис, первый и последний город 9 кочевых племён, что по каким-то неведомым причинам однажды собрались воедино, чтобы возвести его, чтобы затем, также внезапно, навсегда его покинуть. Сразу за песчаными холмами, показались остатки древних стен, руины сторожевых башен, а вдали, на холме, белые каменные глыбы, что некогда составляли величественный храм девяти богов, которым поклонялись кочевники. Некоторые из его колон до сих пор возносились к небу, так что издали всё сооружением можно было принять за огромный, выбеленный солнцем скелет исполинского динозавра.

– Начнём наши поиски там, – сказал Клотильда, указывая на холм. – Что-то мне подсказывает, что мы найдём в этом храме следы Золотого каравана.

Путники разбили лагерь у подножия холма и приступили к поискам. Для начала, им предстояло разобрать завалы и

пробраться внутрь храма. На это ушло несколько дней кропотливого труда, в конце которого, они были вознаграждены – Клотильда нашла узкий туннель, ведущий внутрь храма и, вооружившись факелом, направилась туда.

Туннель оказался частью лабиринта, который пронизывал весь холм под храмом. Потребовалось время, чтобы разгадать все его хитросплетения, после чего, кладоискатели оказались в подвалах храма. Там они обнаружили девять массивных бронзовых дверей, не утративших свою прочность за столетия. Восемь из них были распахнуты настежь, и за ними была пустота, тогда как девятая дверь была замурована, и с ней пришлось изрядно повозиться. В конце концов, команде удалось её открыть, но вместо ожидаемого блеска золотых пирамид, их взорам предстал стоявший в центре зала большой чёрный камень, гладкий точно стекло, на котором были видны какие-то надписи и рисунки.

Мустафа был разочарован и не скрывал этого, но Клотильда и бровью не повела, словно предчувствовала, что золота здесь нет. Пока остальные продолжили изучать руины, надеясь найти разгадку исчезновения каравана, девушка проводила долгие часы, сидя перед загадочными письменами, пытаясь понять, что они могли значить. Ей удалось частично восстановить события, изображенные на основании камня, но чем выше она поднималась, тем путаннее были записи.

Итак, иероглифы и рисунки гласили, что в 5 новолуние

после праздника Уоаль-Гаш, весеннего праздника Земли и Неба, отмечаемого кочевниками в первую субботу марта, великое племя Кортагов, варваров юга, бросило вызов девяти племенам кочевников и те стали спешно готовиться к войне. На камне были живописно обрисованы сцены сборов, прощаний и отъезда, после чего, потянулись долгие недели ожидания, ибо война, судя по всему, затянулась. Наконец, по пришествию трёх лун, сильно поредевшая армия кочевников вернулась с победой, но не успели отгреметь торжества по поводу воцарившегося мира, как стало ясно, что вместе с триумфом, победители принесли с собой чуму... Эпидемия в считанные дни охватила весь Тартарис и ни мольбы богам, ни жертвоприношения, ни прочие уловки не могли с ней совладать.

С этого момента, записи сделались странными. Насколько Клотильда могла понять, три племени из девяти объявили о своём желании покинуть город, однако получили отказ. Их воины были разоружены и заперты вместе с семьями в подвале храма, в то время как в городе продолжала свирепствовать жестокая болезнь, не щадившая ни старая, ни младая. Но три племени не желали сдаваться. Совместными усилиями, они пробили пол в одном из залов и спустились в катакомбы, откуда выбрались ночью, перебили стражу и сбежали из города, уведя с собой всех верблюдов, чтобы их не могли преследовать. С собой они прихватили главное достояние Тартариса – десять больших сундуков с золотыми пирамидами,

которые некогда были захвачены вместе с караваном.

После их дерзкого побега, в городе началось форменное безумие. Племена стали обвиняли друг друга в предательстве и краже золота, после чего взялись за оружие и улицы Тартариса погрузился в хаос... Описания творившихся жестокостей поразили девушку до глубины души, и она с трудом разобрала окончание записи, которая гласила, что последние уцелевшее в городе люди покинули его, предав свои дома огню, и только 12 жителей не пожелала оставить его стен. Они заперлись в храме и трудились дни и ночи, чтобы отполировать этот камень и записать на нём печальную историю кочевников.

Только одно в этом рассказе было непонятно Клотильде – куда именно направились три племени с золотом, так как иероглиф, указывающий их конечную цель, был частично сколот. Но всё же, она догадалась, что они взяли путь на запад, стараясь, по-видимому, добраться до большой реки, за которой лежали обширные земли, с множеством оазисов и пастбищ.

Кладоискателем ничего не оставалось, как двинуться за ними следом, что они и сделали, так как руины Тартариса не сохранили более ничего ценного. Клотильда не сомневалась, что сообщники Мустафы следуют за ними, но не переживала, так как была уверена, что в нужный момент сумеет их перехитрить. Её больше беспокоил Золотой караван.

«Три племени не могли уйти далеко с 10 сундуками зо-

лота, и чумными больными, – размышляла она. – Их следы стоит искать у реки. Скорее всего, они обессилили и спрятали свою добычу там, чтобы вернуться за ней позже, но, по каким-то причинам, так и не смогли. Это объясняет, почему никто и никогда, за исключением Камоэнса, не держал в руках золотые пирамиды...»

Путь до реки занял около недели и, оказавшись на её берегу, экспедиция замерла в нерешительности, так как никто не знал, куда идти дальше. Пытаться найти следы кочевников, прошедших тут несколько столетий назад было бессмысленно, но у девушки внезапно загорелись глаза.

– Во-о-н, там, – сказала она, указывая рукой на вьющееся русло реки, – видите вон тот большой остров? Исследуем его.

– Но почему именно остров? – спросили её товарищи.

– Потому что это хорошее место для клада, если ты устал и тебе нужен отдых, – ответила девушка. – В те времена, эта река была вдвое шире и втрое глубже. Не каждый бы отважился переплыть её, учитывая, что в ней и по сей день полно крокодилов. Если сокровища и зарыты где-то, то только там.

Команда двинулась вдоль берега, выстроила небольшой плот и переправилась на остров. Мустафа как всегда замешкался и оказался на плоту последним.

– Чуть не забыл свою лопату, – пояснил он. – Думаю, она нам скоро пригодится...

Клотильда кивнула и отошла в сторону, чтобы побороть искушения сбросить Мустафу к крокодилам.

– Гнусный предатель, – пробормотала она, глядя на приближающийся остров. – Опять оставлял записки своим сообщникам... Ничего, ничего, скоро ты мне за все заплатишь...

Оказавшись на суше, Клотильда немедленно разбила свой отряд на три группы, которые начали тщательно прочёсывать остров, заглядывая под каждый камень и исследуя любую подозрительную трещину. Остров был не очень большим, и за двое суток кладоискатели трижды прошли его вдоль и поперёк, не найдя ничего что хоть как то говорило о присутствии здесь сундуков с золотом.

– Похоже, нам следует поискать вдоль берега, – сказал вечером второго дня Мустафа. – Тут явно ничего нет.

– Клад здесь, я чувствую, и мы найдём его, даже если придётся перекопать весь остров, – ответила Клотильда. – Нужно просто ещё раз хорошенько поискать...

Настойчивость девушки оправдала себя. На следующий день, во время обеда, один из её товарищей, внезапно, исчез из вида, провалившись в глубокую яму. Спустившаяся следом Клотильда мигом поняла, где она оказалась и крикнула, чтобы все спускались к ней.

– Эта расселина была промыта речной водой, – крикнула она. – Но затем, кто-то расширил её с помощью инструментов. Их следы до сих пор видны на камнях. Мы у цели, друзья. Несите лопаты и кирки. Клад должен быть здесь.

Девушка оказалась права. После нескольких сильных уда-

ров, одна из стен ямы лопнула и оттуда, из прогнивших сундуков, прямо в руки кладоискателей посыпались золотые пирамиды. Вместе с сундуками кладоискатели нашли последнее послание кочевников, начертанное прямо на стенах. Из него следовало, что чума шла по пятам бегущих кочевников и до реки дошла только треть тех, кто сумел сбежать из Тартариса. Хуже всего, что верблюды тоже пали жертвой этой страшной болезни и тогда, старейшины приняли решение спрятать клад и двигаться дальше налегке, с тем, чтобы вернуться за ним позже. Остров показался им идеальным местом. Они углубили естественную расселину, поставили там сундуки, возвели тонкую стену из песчаника, а вход в расселину завалили камнями. Затем, чтобы сбить возможных преследователей с толку, каждое племя взяло с собой по несколько монет и разошлось в три стороны, оставляя монеты на своём пути. Именно их, очевидно, и нашли те дикари, что покупали оружие у контрабандиста.

Ликование по поводу находки клада было бурным и долгим, после чего, все стали складывать золото в специально припасённые плотные кожаные мешки и поднимать его на поверхность. Таким мешков набралось 25 штук и, глядя на них, Клотильда не верила своим глазам. Она даже на секунду забыла, что главные трудности поджидают её впереди.

Как она и ожидала, тем же вечером Мустафа попросил у неё плот.

– Хочу съездить на берег и привезти нам дров, а то на

острове один кустарник, – сказал он.

– Отличная идея, – кивнула девушка. – Тебе помочь?

– Нет, нет, я отлично управлюсь один, – замахал руками Мустафа.

– Хорошо, – сказала Клотильда. – Только не задерживайся. Ночью к реке подходят львы.

Мустафа взял топор, верёвку, забрался на плот и заработал шестом. Ему было невдомёк, что под грудой вещей на плоту скрывалась Клотильда. Она видела, как Мустафа спускается на берег, поднимает большой камень и кладёт под него записку, после чего, насвистывая, удаляется в поисках дров. Девушка проворно выбралась из своего укрытия, подбежала к камню, вытащила послание и быстро прочла каракули Мустафы:

Золото фараона найдено! Перевезём его на берег к завтрашнему вечеру. Будьте готовы напасть ночью, как только потухнет костёр.

Мустафа

Клотильда сунула записку в карман, вытащила другой листок и написала весьма похожими каракулями другое сообщение:

Золото фараона найдено. Они что-то подозревают. Будьте готовы напасть на остров завтра в полночь. Плот будет ждать вас на берегу.

Мустафа

Засунув записку обратно под камень, девушка снова спряталась под снаряжением и благополучно вернулась на остров вместе с Мустафой. Когда предатель уснул, она рассказала друзьям о своём плане и те его полностью одобрили.

Весь следующий день кладоискатели трудились не покладая рук, перевозя золото и снаряжение на берег. Мустафа, уверенный, что всё идёт в полном согласии с его планом, помогал, как мог и время от времени, думая, что никто этого не видит, поглаживал мешки с золотом, точно они уже принадлежали ему. Но в сумерках, когда плот в последний раз должен был отчалить от острова, двое товарищей Клотильды внезапно крепко схватили его за руки, а третий, заткнул ему рот его собственным ботинком.

– Отнесите наше сокровище в пещеру, – насмешливо командовала девушка. – И устройте его там со всеми удобствами, а то до полуночи он себе бока намнёт. И да, пока не забыла, хоть ты и предал нас, ты всё же довёл нас до Тартариса, так что вот, держи свою награду...

Клотильда вытащила одну золотую пирамиду и сунула её в карман Мустафы.

– Надеюсь, тебе и твоим друзьям этого хватит.

Покончив с этим, кладоискатели перебрались на берег, и спрятались недалеко от своих верблюдов, мирно пощипывающих травку. Но перед этим, они проделали кое-какие манипуляции с плотом, привязав к нему напоследок длинную,

тонкую верёвку, конец которой спрятали под воду.

– Осталось только дожждаться гостей, – сказала Клотильда. – Уверена, они не заставят себя ждать...

В двенадцатом часу, на берегу замелькали тени. Три десятка верблюдов, чьи копыта были обмотаны тряпками, чтобы не производить шума, остановились у плота и тридцать наездников спустились на землю.

– Двадцать человек со мной, остальные ждите здесь, – приказал кто-то.

– Вот ещё, нашёл дураков, – раздался в ответ злобный шёпот из темноты. – Хочешь украсть нашу долю? Нет уж, мы отправляемся все!

– Ладно, ладно, не кричи... – сказал кто-то. – Плывём все вместе, только тихо. Вперёд.

Разбойники вкарабкались на плот и медленно поплыли к острову. Там они спрыгнули на берег и стали подкрадываться к тлеющему костру, который Клотильда велела оставить. Кладоискателям не было видно, что происходит на острове, но внезапно, оттуда послышался крики и проклятья, означающие, что бандиты ворвались в пещеру, но вместо золота обнаружили там связанного Мустафу.

– Сейчас! – скомандовала Клотильда, двум своим товарищам. Они быстро подбежали к берегу, вытащили из воды верёвку и потянули её на себя, пока не почувствовали, что она поддалась и повисла свободно.

– Теперь можно разжигать костёр и смотреть представле-

ние... – сказала Клотильда, усаживаясь поближе к берегу.

Спустя несколько минут, разорённые разбойники во главе с Мустафой вновь запрыгнули на плот и погребли к берегу, грозя Клотильде ужасными карами. Но не успели они проплыть и десяток метров, как плот начал разъезжаться прямо у них под ногами, а голодные крокодилы, привлечённые странным шумом, показывать свои уродливые головы из воды.

– Они повредили плот! Спасайтесь! Назад! Вперёд! Помогите! А-а-а-а!

Переполох царивший в ту ночь на реке был жуткий и когда, наконец, встало солнце, то кладоискатели увидели на острове кучку жалких промокших людей, грозящих им кулаками, но не рискующих войти в воду кишашую хищниками.

– Счастливо оставаться! – крикнула им Клотильда, когда всё золото было погружено на верблюдов, и большой караван повернул к дому. – Мы оставили вам наши лопаты, чтобы вы не скучали. Покопайтесь, как следует, может, вам повезёт, и вы найдёте свой клад, вместо того, чтобы воровать чужие... Удачи!

– Ах ты, хитрая лиса! – гремел в ответ бас Мустафы. – Я найду тебя, слышишь!? Ты мне за всё ответишь!

– Жду не дождусь, – откликнулась Клотильда, которой понравилось его сравнение. – Только смотри, как бы лисичка опять не обвела тебя вокруг пальца!

Так закончилась экспедиция Клотильды по поиску Золо-

того каравана, которая сделала её и её команду не только очень богатой, но и знаменитой. С той поры все называли их Золотыми лисами, и впоследствии девушка изготовила для всех членов её команды особые треугольные визитки, в память о золотых пирамидах последнего фараона.

– Вау, – выдохнул Серёжа. – А они ещё искали клады?

– Ещё бы, – усмехнулся папа. – И не один раз. Они опускались на морское дно, в поисках золота затонувших кораблей, они поднимались в горы, в поисках пропавших сокровищ ацтеков, они пробирались по подземным лабиринтам, когда искали рубины Кровавого Раджи, и всюду были первыми, так что вскоре, их визитки помимо золотой подмигивающей лисы стал украшать их девиз «*Semper prima!*»

В одном из таких путешествий, Клотильда познакомилась с Робертом, таким же отчаянным авантюристом, и на радость её матушки, у них родились очаровательные детишки. Родители с детства начали обучать их всем премудростям кладоискания, так что впоследствии, те продолжили дело Золотых лис, постепенно превратив их в целое международное общество, обладающее обширными связями и не упускающее случая сунуть свой любопытный нос всюду, где пахнет сокровищами. Их фирменным стилем стало не только найти клад, но и дать знать тем, кто придёт туда вторым, что Золотые лисы их опередили.

– Но что же было в этой шкатулке? – спросила Варя. – Изумруды?

– Сдаётся мне, друзья мои, – сказал папа, обнюхивая шка-
тулку, – что тут было другое, но не менее ценное сокрови-
ще...

– Что?

– Превосходный швейцарский шоколад с орехами, судя
по запаху, – ответил папа с хитрым видом. – Кстати, по
странному совпадению, у меня как раз есть точно такой же...
Не желаете попробовать?..

Цветочная фея

– Чудеса... – задумчиво бормотал папа, разглядывая свой
розарий. – Как же такое могло случиться? Странно, стран-
но...

– Что-то не так, дорогой, – спросила мама, отрываясь от
своей книги.

Она сидела в беседке вместе с ребятами и слышала папи-
ны вздохи. Все знали, что были его слабостью, и если с ними
что-то случилось, он ужасно расстраивался.

– Похоже, в моём розарии похозяйничали цветочные
феи, – отозвался папа. – Вместо красной розы у меня появи-
лась жёлтая, и нарушила всю симметрию. Ума не приложу,
как такое могло произойти...

– Может продавец просто ошибся и случайно дал тебе
жёлтую розу вместо красной, – резонно предположила ма-
ма. – Такое уже случилось...

– Быть этого не может, – кипел папа. – Это всё равно, что купить апельсины вместо яблок! Их нельзя спутать!

– Не все так хорошо разбираются в розах как ты, дорогой, – певуче отозвалась мама.

– Разумеется, – сказал папа, воинственно протирая свои очки. – Но что мне теперь делать с этой плутовкой?! Нет, тут определённо замешано колдовство...

– Папочка, – не выдержала Варя, – а кто они такие, эти цветочные феи? Они не кусаются?..

– Нет, – засмеялся папа, – они не кусаются, но если их потревожить или обидеть, то они могут разозлиться, и тогда жди беды.

Папа ещё раз тщательно осмотрел свежераспустившуюся ярко-жёлтую розу, словно желая удостовериться, что это не мираж и хмыкнул.

– А вообще-то, мне так даже больше нравится, – заявил он. – Красных роз стало слишком много, и я заметил, что они начали задирать нос и обижать белые. Это никуда не годиться.

Папа вдумчиво понюхал свою новую любимицу, улыбнулся и пошёл в беседку.

– Папочка, а что цветочные феи могут сделать, если они разозлятся, – полюбопытствовала Варя. – Они же маленькие!

– Садовые гномы тоже маленькие, однако, с ними хлопот не оберёшься, когда они недовольны, – важно заметил па-

па. – Цветочные феи могут перепутать все растения в вашем саду. В этом они большие мастера. К примеру, вы проснё-тесь одним чудесным солнечным утром и направитесь к сво-ей любимой клумбе, чтобы понюхать цветы, а там, будет рас-ти чеснок или полынь. Затем, на грядке с клубникой выраст-тут тыквы, на газоне появятся подсолнухи, а вместо огурцов поспеют одуванчики. Нет, сориться с цветочными феями это все равно, что объявлять войну самой природе, – не стоит и пытаться. С феями нужно дружить, а иногда баловать чем-нибудь вкусненьким.

– А что любят феи? – заинтересовалась Варя, тут же пред-ставив себе, как она кормит с руки маленькую фею в розо-вом платье, с прозрачными, как у стрекозы крылышками.

– Феи большие сладкоежки, – сказал папа, хитро погля-дывая на Варю. – Иногда мне даже кажется (особенно когда в буфете таинственным образом пропадает зефир в шокола-де), что они ночами наведываются к нам на кухню и устраи-вают там пиршество...

Варя густо покраснела и сделала вид, что увидела что-то очень важное на потолке беседки, а потому не смотрела на папу.

– Но если маленьким феям не удаётся забраться в буфет, – продолжил папа, добродушно улыбаясь, – то лучшим лаком-ством для них, несомненно, является маленькая капелька лугового мёда, которую нужно с вечера оставить на лепест-ке розы или душистого горошка. Цветочные феи обожают

луговой мёд и с удовольствием примут этот дар, но злоупотреблять такими подарками не стоит, иначе у фей разболят-ся зубы и они нескоро вернуться в ваш сад. Мне вспоминается забавный случай, с одним моим приятелем, который забыл в беседке открытую банку с мёдом, а утром обнаружил там целых пять цветочных фей, которые так объелись сладким, что не могли улететь и жалобно стонали, держась за животики.

– И что же он сделал, – спросил Серёжа, поглаживая спящего у его ног Степашку.

– То, что всегда следует делать в таких случаях, – ответил папа. – Он быстро сбегал на кухню, взял маленькую ложечку для соли, набрал в неё росы и дал каждой бедняжке напиться вдоволь. Это придало им сил, и они в конце улетели во-свояси, держась за руки и жужжа точно усталые пчёлы. От них не было ни слуху, ни духу почти месяц, пока однажды, мой приятель не обнаружил, что у него вдоль всей ограды не зацвели редкие полевые цветы, а его розы прекратили бо-леть и стали давать бутон за бутон. Конечно, кто-то ска-жет, что это просто совпадение и семена цветов принесло ветром с соседнего поля, а розы просто-напросто окрепли, но мой приятель (и я!) абсолютно уверены, что это была бла-годарность фей, за его бескорыстную помощь.

– Чем же так досадил феям, что они посадили у тебя жёл-тую розу? – поинтересовалась мама. – Признавайся.

– В том то и дело, что я ничего такого не припомню, – рас-терянно развёл руками папа. – Я не рвал цветы без разбору,

я не топтал молодую поросль, я не жёг костры, где попало, и совершенно точно никогда не мусорил в лесу. Просто не могу представить, чем я их задел...

– Может это потому, что у тебя стало очень много красных роз, и они начали обижать белые розу, – сказала Варя.

– Хм... – почесал нос папа. – А это хорошая мысль... Этой жёлтой розой феи намекнули мне, что в моём розовом царстве назревает бунт и что мне пора принять меры.

Папа прошёлся взад вперёд по беседке, заложив руки за спину, а потом хлопнул себя по лбу.

– Ну, конечно же, – воскликнул он. – Так и есть. Я совершенно забыл 163 правило разведения роз, которое ясно гласит, что когда красных роз становится в два раза больше чем белых, они начинают становиться очень заносчивыми и если ситуацию быстро не исправить, от гордости превращаются в обычный шиповник. Варвара, ты спасла наш сад от разорения! Я завтра же займусь своими розами и посажу ещё дюжину белых кустов, а жёлтую красавицы помещу в самый центр, что она всегда напоминала мне о моей забывчивости.

Папа радостно потёр руки и глянул на часы.

– Так, – сказал он, – пить кофе ещё немного рано, так что я могу рассказать вам одну интересную историю про старый, заброшенный сад, где жила одна единственная маленькая цветочная фея, которой очень хотелось, чтобы однажды, её владения вновь расцвели и стали такими же прекрасными, как были прежде.

– А почему её сад оказался заброшен, – спросила Варя.

– Потому-что прежние владельцы дома переехали в другое место, – объяснил папа, – и весь участок зарос сорняками и колючками. Бедная фея... Она очень грустила и даже плакала, но ничего не могла поделать. Чтобы вы понимали, цветочные феи вовсе не всемогущи, иначе вся земля давно превратилась бы в цветущий сад. Они могут помочь кому-то, могут помешать, но только кропотливый человеческий труд способен изменить окружающий мир, как в лучшую, так и в худшую сторону. Словом, фея грустила и всё, что она могла сделать, это ухаживать за одной единственной белой розой, которую она спасла. Все остальные цветы погибли под натиском сорной травы и насекомых, но роза жила, и каждый день фея облетала её вокруг, чтобы убедиться, что на ней нет гусениц, и вездесущая крапива не проросла с ней по соседству и не закроет розе солнце. Время от времени, разные люди приезжали на участок, чтобы осмотреть его и купить. Им нравился дом и тихая улица, и река неподалёку, но сад был так запущен, что сделав несколько шагов, они говорили – «Нет, это не для нас. Тут всё слишком заросло и этот сад никогда уже не будет прежним. Не стоит и стараться. Мы лучше посмотрим другие места»

Они уезжали, а фея, в которой каждый раз зарождалась новая надежда, печально возвращалась к своей розе и горько плакала. Она не понимала, почему люди были так трусливы, и боялись взяться за лопату и ножницы, чтобы убрать сор и

разбить новые клумбы.

«Если даже я, крошечная цветная фея, не смотря ни на что, смогла сохранить среди этих ужасных зарослей белую розу, то люди и подавно бы с этим справились, – думала она. – Чего они же боятся? Почему не хотят расчистить сад? Я бы им во всём помогла!...»

Но люди приезжали и уезжали, хваля дом, улицу и ругая сорняки. Бедная фея совсем отчаялась, однако она каждое утро, и каждый вечер заботливо ухаживала за своей розой, не давая ей погибнуть и верила, что однажды, её сад снова будет в цвету. Она ясно видела в своих мечтах новые клумбы, ухоженный газон, маленькие фонарики, воткнутые в землю вдоль уютных тропинок и добрых людей, которые не побоятся трудностей и будут заботливо и кропотливо ухаживать за своей землёй.

Однажды, облетая свои владения, она заметила в своём саду большого ежа, который никак не мог выбраться из него, тут и там натыкаясь на остатки забора. Фея не очень любила ежей, потому что считала, что они воруют её яблоки осенью, но у неё было доброе сердце, и она сжалилась над ежом и показала ему путь наружу.

– Спасибо, – пропыхтел ёж. – Как я могу отблагодарить тебя?

– Пожалуйста, – ответила фея. – Боюсь, ты не можешь мне помочь. Мой сад совсем зачах и моя последняя роза того и гляди погибнет, потому что крапива вокруг становится всё

выше и выше, и скоро совсем закроет ей свет.

– Отчего же люди не очистят его, – удивился ёж. – Это хороший сад. Раньше, тут водились чудесные яблоки...

– Но теперь всё по-другому, – вздохнула фея. – Если бы только люди могли увидеть, как прекрасен может быть этот сад, они бы с радостью занялись им, но они замечают только крапиву и репей...

– Знаешь, – задумчиво произнёс ёж, – кажется, я смогу помочь тебе, но не сегодня, потому что я и так уже опаздываю. Я загляну к тебе завтра, и мы посмотрим, что можно сделать.

Фея вежливо поблагодарила ежа, хотя, по правде говоря, в глубине души не очень-то поверила ему.

«Ежи любят похвастаться, – думала она, глядя как ёж топает своей дорогой. – Он наверняка забудет своё обещание, а если и вернётся, то, что он сможет сделать...»

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, фея полетела к своей розе и ахнула, обнаружила, что на неё напала тля. До самого вечера она кружила вокруг, смахивая тлю колоском и очистила стебли и лепестки, то на следующее утро, тли стало ещё больше и бедная роза начала чахнуть. Фея вновь вооружилась колоском и к концу дня опять победила насекомых, но так устала, что ей стало ясно, ещё одного дня такой борьбы она не выдержит. Она села на ветку старой яблони неподалёку и горько заплакала, видя как в наступающих сумерках, тля снова идёт на приступ.

В этот момент, она услышала чьё-то сопенье и топот. Она вытерла слёзы и увидела, что к яблоне приближается большой ёж, которому она вчера помогла и не один, а с двумя друзьями.

– Привет, – сказал ёж. – Извини что так поздно. Какие-то мальчишки заметили нас в кустах и тыкали палочками, пока им не надоело, и мы не смогли пойти дальше. Где твоя роза?

– Вон она, – сказала фея, – но что толку? На неё напала тля и если люди не помогут мне, то к концу недели она зачахнет, и мой сад окончательно превратится в лесную чащу.

– Не печалься, маленькая фея, – ответил ёж. – Мы поможем тебе.

– Но как? – удивилась фея.

– А вот как, – пропыхтел ёж и стал вместе со своими друзьями бегать от розы к калитке, а затем обратно.

Сначала, фея не поняла, зачем он это делает, но затем захлопала в ладоши от радости и наверняка расцеловала бы ёжа, если бы не его иголки.

– Спасибо вам большое, – сказала она, когда ежи закончили свою работу и стали прощаться. – Теперь всё должно получиться!

– Не за что, – пробурчали ежи, которые вечно прятали свою доброту за иглами. – Рады были помочь... Пошли ребята...

– Вы всегда можете приходиться в мой сад за яблоками, – прокричала им вслед фея, но ежи уже исчезли за изгородью.

Было уже темно, но фея не стала ложиться спать. Она позвала несколько светлячков, чтобы те осветили ей розу, и до самого утра смахивала тлю, так что к утру совершенно выдохлась, но спасла все до единого лепестки. В свете восходящего солнца, вся в каплях росы, белая роза была прекрасна и фея залюбовалась ей, когда услышала, как к воротам подъехал автомобиль, заскрипела калитка и тонкий голосок звонко крикнул:

– Ой, мамочка, смотри какой тут лес!

– Это не лес, солнышко моё, – ответила мама. – это сад, только в нём давно никто не убирался и он весь зарос.

– А можно я пойду и посмотрю его, – спросила свою маму маленькая девочка.

– Можно, – ответила та, – но только не уходи далеко, а не то тебя ужалит крапива. Вон её сколько кругом.

Пока девочка ходила по заросшим тропинкам, мама с папой осмотрели дом, потемневшую от дождей беседку и старый сарай, который оказался ещё очень даже крепким.

– Ну, что скажешь, дорогой, – спросила мама, обняв мужа. – Как тебе тут нравится?

– Дом хороший, – ответил мужчина. – И беседку можно поправить, а сарай я могу превратить в свою мастерскую, только вот сад... Он очень запущен. Даже и не знаю, одолеем ли мы его? Да и стоит ли это делать?..

У феи, которая пряталась поблизости, в густых кустах сирени, замерло сердце. Неужели опять люди откажутся от её

сада? Неужели весь её труд пропадёт напрасно? Неужели её белой розе, это прекрасной королеве сада суждено погибнуть?

– Знаешь, – предложила мама, – а давай спросим Алису? Мне тоже нравится этот дом и эта тихая улица, но понравится ли здесь ей? В конце концов, это она будет бегать по саду.

– Хорошая идея, – кивнул мужчина. – Так мы и поступим, но где наша дочь?

– Она была тут, – испуганно закрутила головой мама. – Алиса, ты где? Алиса, отзовись! Девочка моя!

– Я тут, мамочка... – донеслось из глубины сада. – Идите скорее сюда!..

Родители пошли по тропинке и упёрлись в непроходимую стену крапивы, но затем, увидели в ней крохотную тропинку, точно кто-то специально протоптал её накануне. Они пошли по ней и увидели свою дочь, которая стояла на небольшой лужайке, перед ослепительно белой розой, невест каким образом сохранившейся в этих джунглях.

– Боже, какая красота, – восхищённо воскликнула мама.

– Хм, – удивился мужчина, оглядывая розу. – Просто чудо, что она тут уцелела и так цветёт. Этот сорт называется Айсберг и она действительно белее снега. Правда, я вижу, что на неё напала тля, но это легко исправить...

– Папочка, а мы ведь останемся тут, – спросила Алиса, не отрывая своего восхищённого взгляда от белой красавицы.

Родители с улыбкой переглянулись.

– Вот и ответ, – сказала мама, беря папу за руку.

– Да, моя принцесса, – сказал папа. – Мы остаёмся, но ты должна пообещать нам, что будешь нам помогать расчищать сад.

– Конечно, я буду, – захлопала в ладоши девочка. – А мы построим домик для цветочной феи, которая тут живёт? Просто она мне сказала, что в старом дупле стало сыро и ей постоянно приходится сушить свои платья...

– Само собой, сделаем – улыбнулся папа, подумав о том, что маленьким детям вечно мерещатся феи и гномы. – Мы построим ей самый лучший домик, какой только может иметь фея, и повесим его вот там, рядом с беседкой.

– Нет, – ответила Алиса, словно пошептавшись с кем то. – Его нужно повесить здесь, на старую яблоню, рядом с розой, чтобы фея всегда могла позаботиться о ней.

– Хорошо, хорошо, – засмеялся папа. – Можешь передать своей фее, что мы всё сделаем так, как она считает нужным.

От таких слов, сердце цветочной феи окончательно растаяло, и она дала себе слово, изо всех сил помогать этим людям, в особенности, маленькой девочке, которая нашла белую розу и захотела остаться.

Новые хозяева полностью оправдали все ожидания цветочной феи. К осени, старый сад был расчищен, а следующей весной – обильно покрылся новыми цветами. Рядом с белой розой мужчина посадил две дюжины новых роз и обещал устроить тут настоящий розарий, от которого весь воз-

дух в саду будет пронизан сладким ароматом, который так любят феи.

Папа улыбнулся и направился на кухню.

– Пойду варить кофе, – сказал он. – Уже полдень. Как вам моя история?

– Чудесная, – ответила мама. – Кто тебе её рассказал?

– Я знаю, я знаю, – закричала Варя. – Это фея, верно?

– Не совсем, – усмехнулся папа. – Её рассказал мне один колючий симпатяга, который любит шастать у нас осенью и на которого вечно сердится Степашка, потому что ему кажется, что он таскает его яблоки...

Олух Родосский

Работа закипела с самого утра. Наскоро попив чаю, папа в ужасном волнении забегал по участку сначала в поисках лопаты, затем, в поисках тачки, а после, когда выяснилось, что песок давно закончился и все его метания были напрасны, он погрузил в машину пустые вёдра и умчался.

Вернулся он через два часа, пыльный и грязный, но улыбающийся и ужасно гордый собой.

– Нигде нет песка, нигде. Просто напасть! – тараторил он, выгружая из грязной машины полные вёдра. – Я даже было подумал, не похитили ли инопланетяне весь земной песок, для строительства своих песочных ферм на Венере, но потом, меня осенило – карьер, вот куда мне нужно! АЙ!

При слове «карьер» папа уронил одно из вёдер себе на ногу и с воплями заскакал по лужайке. Степашка деловито обнюхал вывалившийся песок и задрал на него лапу.

– Дорога была ужасной! – продолжал папа, морщась и растирая пальцы на ногах. – Сплошные ямы и ухабы, а ещё эта ужасная пыль. Я ничего не видел, ничего! Но я доехал и набрал песок! Уф, ну и утомился же я, за сегодня, а что делать, плитки на тропинке давно пора перекладывать, да...

Мама скептически осмотрела перепачканную машину и папину одежду, его покрасневшие пальцы, спутанные волосы и сказала:

– Дорогой, может тебе не следовало так себя утруждать ради трёх плиток в конце тропинки? Они, конечно, немного осели, но я мы с ребятами их уже очистили от мха и приподняли...

– Как приподняли?! – подпрыгнул на месте папа. – Как это приподняли? А песок? Вы что, не подсыпали под них песок? Это же очень важно!

– Я принес немного песку с дороги, – сконфуженно сказал Серёжа. – А Варя его разровняла. Всё уже готово, пап, не волнуйся...

– Но?! Как?! Карьер... Я...

Не в силах больше сдерживаться, мама и дети расхохотались.

– Право, дорогой, там работы всего-то на 15 минут, – сказала мама в конце. – Тебе не стоило так утруждать себя...

– Вы наверняка всё неправильно сделали, – не желал смиряться папа. – Пойду, проверю...

Он прошёлся до конца садовой дорожки, присел и стал придирчиво изучать три каменные плитки. Потом он опустился на четвереньки и издал ликующий вопль.

– Я так и знал! Песок слишком мелкий. Вы положили слишком мелкий песок и плитки будут шататься. Придётся всё переделывать...

– Я, пожалуй, пойду, – сказала мама. – Обед будет через тридцать минут.

Через час, когда ребята уже давно съели суп и заканчивали картофельное пюре с курицей, папа вошёл на кухню. Его колени были перепачканы землёй, в волосах желтел песок, но он сиял.

– Порядок, – сказал он, усаживаясь за стол. – Теперь тропинка идеальна.

– Ты у нас такой молодец, – сказала мама. – А что случилось с сиренью?..

– С сиренью? Какой сиренью? А, так, пустяки... – буркнул папа, скорее утыкаясь в тарелку. – Небольшое столкновение с тележкой... Несчастный случай! Да и в любом случае, она ужасно разрослась, и её давно пора было обрезать...

Мама сделала большие глаза и молча села на своё место.

– Всё-таки дача это чудесно, – весело разглагольствовал папа, спустя 5 минут, откинувшись на спинку стула и балансируя на двух задних ножках. – Свежий воздух, физические

упражнения, приключения. Жизнь!

Он энергично взмахнул руками, желая показать, какая она эта жизнь и едва не рухнул назад, но вовремя ухватился за край стол.

– Ловкость – сказал он, ловя укоризненный взгляд мамы и садясь прямо, – это необычайно важное качество, друзья мои. Хотя она недорого стоит без изрядной доли настойчивости. На этот счёт мне вспомнилась история некого Бруда-Друда Тобасского, ловкого брадобрей из Толедо, чьи предки некогда жили в Мавритании. Он с раннего детства поражал людей, проделывая один и тот же фокус. Приметив на краю стола муху, он хлопал рядом с ней ладонью, чтобы она взлетела и в тот же миг, с невероятным проворством ухитрялся привязывать при помощи конского волоса к летящему насекомому небольшой грузик, так что бедняжка камнем падала вниз. Он проделывал это с упражнением каждый вечер в течение 10 лет, и «подвязал» таким образом несчётное количество мух, пока однажды его ловкость не заметил не менее ловкий армейский вербовщик. Он подпоил Бруда-Друда прокисшим квасом и когда брадобрей пришёл в себя, на нём уже красовался новенький мундир, а в контракте на 5 летнюю службу в армии стояла его подпись.

Бруда-Друда был покладистым и миролюбивым малым. Он вздохнул, попрощался со своими друзьями и отправился в путь. На одной из остановок, местный капрал, видя с какой невероятной сноровкой юноша ловит мух, решил отве-

сти новобранца к лучшему учителю фехтования того времени, который как раз гостил неподалёку.

Учителя звали Грансимар Пордые. Он был высок, костляв, носил потрясающей густоты усы и славился тем, что мог в абсолютной темноте, ориентируясь только по слуху подрезать комару крылья, не повредив всего остального. Он был участником несчётного количества дуэлей и войн, но в последнее время его ремесло ему изрядно надоело. Он стал сварлив, желчен и, увидев на пороге зала Бруда-Друда лишь презрительно фыркнул:

– Этот тюфяк? Невозможно!

Однако, капралу удалось Грансимара уговорить испытать новичка.

– Ну, хорошо, хорошо, дайте ему шпагу... – скривился Грансимар, вооружившись в свою очередь лёгкой деревянной тросточкой. – Прошу, месье, нападайте...

Бруда-Друда со смущением оглядел тяжёлую шпагу и робко поинтересовался, что ему нужно делать.

– Вы должны меня атаковать, – прорычал в усы теряющий терпение Грансимар. – Ну же, смелее! Покажите, что вы умеете...

Бруда-Друда пожал плечами, немного покрутил своё оружие в руке, чтобы примериться к его весу, а затем, сделав робкий шаг в сторону отчаянно зевающего Грансимара, он одним молниеносным взмахом отсёк великому фехтовальщику половину его знаменитых усов...

Грансимар, не успевший даже глазом моргнуть, сначала побледнел, затем, позеленел и наконец, покраснев как варёный рак, заорал:

– Всё вон из зала! Вон или я из вас решето сделаю! А вы, *месье*, останьтесь. Мы ещё не закончили...

Когда зал опустел, и изрядно струсивший Бруда-Друда остался наедине с взбешённым Грансимаром, тот требовательно произнёс:

– Ещё раз, *месье*...

– Ещё раз что? – переспросил дрожащий Бруда-Друда. – Вы хотите, чтобы я ещё раз подрезал вам усы?..

– Да нет же, идиот, – завопил Грансимар. – Просто ещё раз атакуйте меня!

На этот раз фехтовальщик поднял свою тросточку и не спускал с бладобрея глаз, однако, спустя мгновение, вторая часть превосходно надушенных и искусно завитых усов Грансимара отделилась от своего хозяина и опустилась на пол.

Учитель схватился за своё лицо и издал протяжный крик ужаса, от которого Бруда-Друда присел и закрыл лицо руками.

– Кто вы?! – закричал Грансимар. – Кто вы, и где вы научились так фехтовать?! Отвечайте немедленно?!

– Я простой бладобрей из Толедо! – захныкал Бруда-Друда, боясь открыть глаза. – И я в жизни не держал оружия в руках до этого дня! Я только третий день в армии...

– Не смей мне врать! – перешёл на визг Грансимар.

– Но это правда, – ответил Бруда-Друда. – У меня просто очень проворные руки. Я могу побрить клиента меньше чем за двадцать секунд и ещё успеть побрызгать его одеколоном и причесать. Меня каждый в городе знает...

– Так ты хочешь сказать, что прославленного Грансимара Пордые, по прозвищу Последний Рыцарь, на глазах у всех был обрит какой-то жалкий толстый цирюльник из Толедо, да?

– Брить людей, это моя работа, господин Грансимар... – смиренно ответил Бруда-Друда, чем, вызвал новый шквал гнева.

– Да ты смеёшься надо мной, наглец! – закричал учитель и, забыв, что в его руке простая трость набросился на бладобрея.

Он колотил беднягу что есть сил, но, увы, ни один из его ударов так и не попал в цель, так как Бруда-Друда все их парировал.

– Невероятно, – вымолвил, наконец, Грансимар, падая на стул. – Это просто не-ве-ро-ят-но! Ты, разумеется, никакой не фехтовальщик, и двигаешься точно хромой слон, но какова реакция?! Поразительно!

– Прошу меня простить, господин Грансимар, – сказал бладобрей, наливая и подавая запыхавшейся знаменитости холодный крушон. – Я вовсе не хотел причинять вам столько хлопот. Это всё капрал. Давайте я просто уйду?

– Ну, уж нет, любезнейший, – сказал Грансимар, внимательно разглядывая брадобрея и постепенно приходя к выводу, что тот самый настоящий простофиля. – Ты никуда отсюда не уйдёшь, пока я не скажу.

Грансимар огляделся, затем поманил пальцем брадобрея к себе и зашептал ему на ухо.

– Слушай меня внимательно, брадобрей и хорошенько всё запоминай. Ты – вовсе никакой не брадобрей.

– Но господин...

– Не перебивай! – побагровел Грансимар. – А не то... А не то я застрелю тебя из пистолета! Итак, ты не брадобрей, а странствующий знаменитый учитель фехтования... Как ты говоришь, тебя зовут?

– Бруда-Друда, господин Грансимар, но друзья всегда зовут меня просто олухом ...

– Превосходно! Странствующий учитель фехтования Олух Родосский, – закончил Грансимар. – Да, чудесно звучит. Ты обучался фехтованию в Каракасе, Калькутте, Амстердаме, Гамбурге, Лондоне и Каире. Ты дуэлянт, картёжник и негодяй. За тобой водятся тёмные делишки, но ты всегда держишь слово и безупречно предан тем, кому присягнул. Ты одержал победу в 338 дуэлях, и лишь раз, на заре своей юности, потерпел поражение, да и то только потому, что поскользнулся на апельсиновой корке. Вот уже пять лет ты странствуешь по свету в своё удовольствие и сегодня, ты, инкогнито, проник в мой учебный зал и вознамерился со-

стызаться со мной в благородном искусстве фехтования... И, само собой, разумеется, проиграл. Тебе всё ясно, Олух?..

Каким бы олухом ни был Бруда-Друда, он живо смекнул, что к чему и почтительно склонил голову.

– Я всё понял, господин Грансимар. Можете на меня всецело положиться, я вас не подведу.

– Превосходно, – ответил фехтовальщик, вставая. – Сейчас мы ещё немного пошумим, так как мои слуги наверняка подслушивают за дверьми, а потом, я позову лекаря, и он увезёт тебя отсюда ко мне домой.

– А почему меня увезёт лекарь, господин Грансимар? – насторожился Бруда-Друда.

– Да потому что ты будешь тяжело ранен, олух! – ответил Грансимар и добавил, видя, как побледнел несчастный брадобрей. – Не волнуйся, это будет обычный клюквенный сок, но ты должен будешь стонать и держаться за грудь. Теперь понятно?

– Да, господин Грансимар.

– Славно. Остальное мы обсудим вечером. Ты готов?

– Да, господин Грансимар.

– Чудесно.

Фехтовальщик встал, снял со стены две тяжёлых сабли, протянул одну из них брадобрею и закричал во весь голос.

– Ну, что, негодяй, не ожидал такого приёма?! Хотел застать меня врасплох?! Я узнал тебя, Олух Родосский и теперь ты ответишь мне за свою дерзость! Защищайся!

Грансимар вновь обрушился на Бруда-Друда, так что искры полетели во все стороны и в течение четверти час прильнувшие к дверям слуги слышали ужасающий грохот, шум падающей мебели и ужасные проклятья, точно за стеной сражалась добрая дюжина великанов. После длинной серии особенно сильных ударов и криков, из-за двери внезапно послышался отчаянный вопль, а затем торжествующий клич Грансимара.

– Ага, каналья, получил?! Это послужит тебе уроком, как обманывать настоящего мастера! Эй, кто-нибудь, позовите сюда моего лекаря! Кажется, бедняга ещё дышит...

Когда слуги вбежали внутрь, Бруда-Друда громко стонал лежа на полу, а его лицо и грудь были обильно залиты клюквенным соком.

– Этому наглецу изрядно от меня досталось, – сказал Грансимар, утирая пот. – Это же надо, притворится брадобреем, стать при помощи обмана новобранцем и всё для того, чтобы меня скомпрометировать! Но ничего, он получил по заслугам. Два славных удара, по одному за каждый мой потерянный ус и ему ещё следует благодарить бога, что сегодня я был в хорошем настроении... Впрочем, надо отдать ему должное, поняв, что он раскрыт, Олух сражался решительно и храбро, так что если он не испустит дух по дороге к дому, я буду только рад и позабочусь о нём. В конце концов, он, в некотором роде, теперь мой военнопленный.

Двое слуг осторожно подняли «окровавленного» Бру-

да-Друда и отнесли его в карету Грансимара. По дороге, они не преминули возможностью расспросить брадобрея о том, кто он и откуда прибыл, и «тяжело раненный» Бруда-Друда, хрипя и захлёбываясь клюквенным соком, поведал им всю «правду».

Лекарь Грансимара ждал их у порога. Он был в курсе дела. Отослав слуг, он быстро смыл с пострадавшего сок, обмотал его голову и грудь чистыми бинтами, уложил его в кровать и удалился. Когда вечером Грансимар прибыл домой, Бруда-Друда успел отлично вздремнуть и был в самом наилучшем расположении духа.

Но хозяин дома был не в духе.

– По городу поползи слухи, – буркнул он. – Не все мне верят. Тебе придётся срочно исчезнуть.

– Но я не могу, – сказал брадобрей. – Меня сразу же объявят дезертиром. Наш капрал очень строгий.

– С ним я уже договорился, – досадливо махнул рукой Грансимар. – Завтра утром, Бруда-Друда Тобасский, брадобрей из Толедо, геройски погибнешь при штурме неприятельской крепости. Возможно, тебя даже наградят, олух.

– И что же мне делать? – спросил Бруда-Друда.

– Отправляйся домой и держи язык за зубами, – ответил Грансимар. – Брей людей, лови мух, делай что хочешь, но обо всём, что здесь случилось – молчок.

– Но как же я появлюсь дома, если я погиб? – удивился брадобрей.

– На счёт этого не переживай, – успокоил его Грансимар. – В армии такое сплошь и рядом. Тут половина начальников умерли ещё лет тридцать назад, но всё ещё продолжают командовать... Короче, к утру, чтоб духу твоего здесь не было, Олух Родосский!

Так, не успев толком начаться, закончилась армейская служба Бруда-Друда. Весть о том, что он погиб опередила его приезд, и он прибыл домой в самый разгар своих похорон. Поначалу, некоторые его друзья здорово переполошились, и кое-кто даже выпрыгнул из окна и убежал, но брадобрей сумел убедить остальных, что это действительно он, что он жив и здоров, а в армии просто царит ужасная неразбериха.

– Там все очень нервные, постоянно ходят строем и чуть что начинают орать как полоумные, – жаловался он. – А ещё там плохо кормят. Ноги моей там больше не будет.

Поминки прошли весело, и следующий день, Бруда-Друда вновь начал брить бороды и стричь усы, но, странное дело, эта работа больше не приносила ему никакого удовольствия. Это открытие настолько поразило брадобрея, что он даже немного порезал щеку одного из своих клиентов, чего с ним прежде никогда не случалось. Виной таких перемен в доселе живом и весёлом брадобрее были слова Грансимара, а точнее, города, в которых, он, Олух Родосский, якобы побывал, когда обучался фехтованию.

– Гамбург, Калькутта, Амстердам, Каир, Лондон, Каракас, – точно заклинания бормотал Бруда-Друда, и каждое на-

звание ложилось тяжким грузом ему на плечи. Он внезапно понял, что в своей жизни не видел ничего, кроме своего родного Толедо, да и в нём никогда не ходил дальше рыночной площади и улицы, на которой работал, и где располагалась его любимая таверна.

«Как же так? – думал он. – Неужели я так и не увижу этих городов? Неужели я всю жизнь так и буду стоять здесь, брить бороды, стричь усы, а по вечера ловить мух на потеху остальным? Это... это... это же ужасно!..»

Когда он поделился своими мыслями с друзьями, они его не поняли.

– Да чего мы не видели в этих твоих Лондонах и Амстердамах? – сказали они. – Нам и тут хорошо. Зачем куда-то ехать, олух?

– Но разве вам не интересно посмотреть мир? – говорил Бруда-Друда. – Вдруг он совсем другой? Не такой, как у нас? Мне кажется это очень интересно...

– Чепуха! – отвечали друзья. – Неужели ты думаешь, что в Гамбурге нет мух? Да пойми ты, олух, везде всё одно и то же!

Бруда-Друда грустно вздыхал и понимал лишь одно, его друзья совершенно его не понимают. Он становился задумчивым и молчаливым. Вечерами, в таверне, он больше не «подвязывал» мух на потеху товарищам, а хмуро сидел в углу и постепенно, о нём стали поговаривать, что после своей смерти он стал другим человеком...

Так длилось несколько месяцев, пока однажды утром, ко-

гда от одной только мысли, что ему снова нужно идти на работу и весь день стричь и брить, у Бруды-Друды одновременно заныли зубы, закружилась голова, и заболел живот. Пошатываясь, он вышел из дома и, то ли по рассеянности, то ли нарочно, повернул не налево, на работу, а направо и уже не останавливался... По пути он продал на городском рынке свои бритвы, купил себе дорожную шляпу, немного еды в дорогу и бодрым шагом покинул Толедо, даже не оглянувшись. Он шел день и ночь, ночуя под открытым небом и питаясь где и как придётся, и два месяца месяц был на пороге дома господина Грансимара. Надменный слуга, открывший ему дверь, хотел было поколотить неряшливого бродягу, осмелившегося просить встрече с его знатным хозяином, но Бруда-Друда был крайне настойчив:

– Передайте, пожалуйста, своему господину, что у меня для него есть весточка от господина Олуха Родосского, – сказал он.

– Господина Грансимара нет сейчас дома, – ответил слуга, презрительно оглядывая его мятый костюм и пыльную шляпу. – Приходи завтра, в это же время и если ты морочишь мне тут голову, то я задам тебе хорошую взбучку, так и знай!

Бруда-Друда ушёл, и весь день бродил по городу. Затем он переночевал под мостом и вновь явился к дому Грансимара. На этот раз слуга был менее брезглив и позволил ему войти внутрь через чёрный ход.

– Жди тут, – сказал он, указывая брадобрею на лавку. –

Мой господин сейчас к тебе выйдет.

Грансимар не заставил себя ждать. Он вбежал в прихожую, запер за собой дверь, схватил Бруда-Друда за воротник и начал трясти его как грушу:

– Как ты посмел явиться сюда, наглец?! Кто тебе разрешил?! Разве я не предупреждал тебя?! Нет?!

– Простите меня, господин Грансимар, – смиренно пролепетал брадобрей. – Мне просто некуда больше идти. Вы единственный человек, который может мне помочь.

– Ну, конечно... – презрительно фыркнул Грансимар, отпуская Бруда-Друда и поглаживая вновь отрастающие усы. – Дай ка я угадаю – тебе нужны деньги, верно? Ты хочешь меня шантажировать, да? Негодяй!

– Нет, господин Грансимар, что вы, – усиленно замотал головой брадобрей. – Я просто очень хочу увидеть Лондон, Каир, Амстердам, Каракас, Калькутту и Гамбург и готов делать для вас всё, что угодно, только помогите мне, а не то я умру...

У Грансимара вытянулось от удивления лицо.

– Постой, постой, – начал он, – ты хочешь сказать, что...

Грансимар хлопнул себя по ляжкам и от души рассмеялся. При всей своей вспыльчивости и ревностной жажде славы, он был неплохим человеком, и откровенность молодого человека ему понравилась.

– Ты второй раз поражаешь меня, Олух, а это мало кому удаётся, – сказал он. – Так ты что же, устал быть брадобреем

в Толедо?

– Ужасно устал, господин Грансимар, – горячо ответил Бруда-Друда. – Я даже продал свои бритвы!

– Как мило, – вновь расхохотался фехтовальщик. – Что ж, я не могу обещать тебе всего, что ты просишь, но время от времени я действительно путешествую и, если ты будешь служить мне верой и правдой, *и не будешь трепать языком*, то кто знает, быть может, твои мечты и сбудутся.

– Я буду нем, как могила, господин Грансимар и сделаю всё, что вы прикажете! – воскликнул брадобрей и в его глазах сверкнули слёзы. – Только бы мне посмотреть мир!..

– Хорошо, хорошо, – ответил Грансимар. – Я возьму тебя на службу, но ты должен изменить внешность. Побрейся наголо и отрасти бороду, чтобы никто случайно не узнал тебе Олуха Родосского.

– Благодарю вас, господин Грансимар!

– Не за что, Бруда-Друда, не за что.

Молодой человек быстро освоился на новом месте. Он охотно брался за любую работу, и делал её играючи и ловко, хоть и не всегда правильно. К примеру, однажды Грансимар попросил его запрячь лошадей в карету и он сделал это так быстро, что все только диву дались. Правда, он поставил лошадей сзади, а не спереди, чем вызывал общий смех, но это были сущие пустяки. По всему было видно, что он славный малый, трудолюбивый и честный, и Грансимар в который раз говорил себе, что не прогадал, взяв его к себе.

Но были и недовольные. Двое слуг, Люк и Камбус, которые считали своим долгом обкрадывать своего господина и делать любую работу как можно неторопливее и нерасторопнее, сразу же невзлюбили Бруда-Друда. Они всячески пытались насолить ему и выставить в дурном свете. Однажды, они намазали полы в гостиной салом, а потом, как ни в чём не бывало, поручили молодому человеку отнести туда огромный поднос с очень ценным фамильным чайным сервизом Грансимара. Едва бедняга ступил на скользкий пол, как ноги у него разъехались и он рухнул на спину. Вся посуда на подносе взмыла в воздух, и катастрофы было не миновать, если бы не ловкость Бруда-Друды, которая спасла положение. Лежа на полу, он на лету поймал все чашки и блюда, заново расставил их на подносе и на четвереньках доставил сервиз до места без потерь. Люк и Камбус пожелтели от досады и в другой раз, узнав, что Грансимар поручил молодому человеку отнести ювелиру на починку свой золотой медальон, решили устроить ограбление. Они наняли несколько прохвостов с городских окраин и те неожиданно напали на Бруда-Друда с камнями и палками. Но брадобрей вновь вышел сухим из воды. Он легко увернулся от всех камней и ударов, так что бродяги только поколотили друг друга и вынуждены были уйти ни с чем, кроме синяков и шишек. Узнав об этом, злопыхатели едва не лопнули от злости и решили окончательно избавить дом от присутствия Бруда-Друды. Они украли у Грансимара драгоценные запонки и подки-

нули их в карман куртки Бруна-Друды. Как они и предполагали, расвирепевший Грансимар заявил, что пока запонки не будут найдены, никто не покинет дом и устроил поиски. После того как весь дом тщательно обыскали с чердака до подвала, Грансимар решил лично проверить карманы у своих слуг. Когда он подошёл к Бруда-Друде, тот, к своему ужасу, внезапно нащупал злополучные запонки у себя в штанах. Он видел, как ухмыляются Люк и Камбус за спиной Грансимара, но не потерял головы. Он зажал роковые запонки в ладони, и в тот момент, когда господин Грансимар протянул к нему руки, в одно мгновение одел их ему на манжеты, после чего, преспокойно сказал:

– Прошу прощения, господин Грансимар, но мне кажется, что то, что вы так усердно ищете, вовсе и не пропадало...

– Что за чёрт?! – удивился Грансимар, с изумлением разглядывая «потерянные» запонки на своих руках. – Я же точно помню, что не одевал их сегодня! Хотя... Х-м-м-м... В любом случае, спасибо тебе, Бруда-Друда, ты образцовый слуга, не то, что эти лодыри, вроде Люка и Камбуса, которые не видят ничего дальше своего носа...

Опасность вновь миновала, но Бруда-Друда понял, что дальше так продолжаться не может. Рано или поздно слуги победят его, а значит, нужно действовать самому и положить конец их издевательствам.

– Чего доброго, меня выгонят, и тогда я не увижу мир, – решил он. – Нет, так дело не пойдёт...

Удачный случай представился через пару недель, накануне дня рождения господина Грансимара. Как всегда перед этим праздником, на рынке совершалось множество крупных закупок, и Люк вместе со своим другом Камбусом неизменно пользовались этим, присваивая себе немалую часть выделенных на торжество денег. В этот раз они рассчитывали особенно крупно поживиться за счёт своего хозяина, так как Грансимару исполнялось 40 лет, и он желал отпраздновать свой юбилей на широкую ногу.

Их схема была проста. Пользуясь доверием хозяина, они покупали на рынке товар за одну цену, а дома дружно говорили, что заплатили вдвое больше, после делили прибыль пополам. Чтобы не запутаться в своих махинациях, Камбус вёл специальную записную книжку, в которую, год от года, подробнейшим образом записывал все их операции, с указанием точных сумм и количества купленных товаров. Эту записную книжку он хранил в своей комнате, в тайнике, а ключ от двери всегда носил при себе, во внутреннем кармане сюртука. Бруда-Друде не составило труда выяснить всё это, так как не он один не любил Люка и Камбуса и вскоре, у него созрел план.

Ранним утром 30 апреля, когда по дому начали расплзаться аппетитнейшие запахи, Бруда-Друда «совершенно случайно» столкнулся в коридоре с Камбусом, да так неудачно, что сбил беднягу с ног, и вдобавок сам упал сверху. Он, конечно же, немедленно встал и рассыпался в глубочайших

извинениях, любезно прося его простить, на что Камбус, только что подсчитавший свою выручку и будучи на седьмом небе от счастья, милостиво простил Бруда-Друду, ограничившись только одной небольшой оплеухой.

– И не смей мне больше попадаться на глаза сегодня! – сказал он молодому человеку и ушёл, насвистывая весёлую песенку.

Он даже не заметил, что ключ, который он так бережно хранил в сюртуке, перекочевал из его кармана в карман брадобрея, а на его месте лежит другой, весьма похожий.

Извинившись ещё раз и проследив, что Камбус занят важным делом – дележом прибыли с Люком, Бруда-Друда поспешил в его комнату, открыл её и начал искать тайник. Он облазил всё сверху донизу, но ничего не нашёл, пока не заметил отпечатки ботинка на подоконнике. Он забрался туда и почти сразу же обнаружил над окном небольшое углубление, где и лежала записная книжка. Он сунул её в карман и вышел вон, не забыв запереть за собой дверь.

Спустя какое-то время, он вновь наткнулся на Камбуса и вновь был так неловок, что они оба едва не скатились с лестницы. В этот раз Камбус был вне себя, и готов был поколотить молодого человека, но Бруда-Друду спасло появление первых гостей.

– Мы поговорим позже, – процедил Камбус сквозь зубы и удалился, тогда, как брадобрей побежал в свою комнату, достал из ящика изящную шкатулку, которую он купил накану-

не, положил туда записную книжку и перевязал свой подарок широкой алой лентой. Пока гости ели и пили, он незаметно прокрался в гостиную и положил шкатулку в грудку других подарков, после чего удалился.

Грансимар начал открывать подарки ближе к вечеру. Когда в его руки попала изящная шкатулка, он с интересом повертел её в руках, снял ленту и с удивлением уставился на записную книжку. Так как никто из гостей по-прежнему не желал признаваться, чей это подарок, Грансимар наугад открыл её и прочёл несколько строк. Его лицо вытянулось, а затем посерело. Он сразу же узнал изящный почерк своего слуги и немедленно понял, что всё это значит. Не говоря ни слова, он схватил свою шпагу и бросился на кухню, где пировали слуги. Камбус тоже всё сразу понял. Завидев своего рассерженного хозяина с обнажённой шпагой в руке и воинственно растопыренными усами, он вскочил на ноги и дал дёру. Грансимар, зарывчав точно лев, погнался за ним, громя на своём пути всё, что ему попадалось под руку. Погоня продолжилась в саду, затем перенеслась на улицу и закончилась только у моста, откуда Камбус спрыгнул в грязную речку и поплыл прочь.

Напарник Камбуса казался удачливее своего друга. Под шумок он успел прихватить украденные деньги и незаметно улизнуть из дома через чёрный ход. Прижимая к груди саквояж с деньгами и радуясь своему спасению, он свернул с улицы в небольшой переулок и тут, по странному совпаде-

нию, нос к носу столкнулся с теми самыми бродягами, что он некогда нанял, чтобы ограбить Бруда-Друда.

– Какой приятный сюрприз, милорд, – насмешливо сказал один из них, приподнимая над головой свою дырявую шляпу и отвешивая Люку издевательский поклон. – Вы, позволите?..

С этими словами, он мерзко улыбнулся и потянул из рук оторопевшего Люка саквояж.

– Позвольте вам помочь, господин Люк... Я вижу этот саквояж слишком тяжёлый для вас...

Люк хотел закричать, у него получилось только что-то хрипло прокаркать, после чего ему заткнули рот его же шляпой, раздели догола, крепко связали и бросили в сточную канаву, где он и пролежал до самого утра, пока его не нашли.

К этому времени, буря в доме Грансимара понемногу улеглась. Именинник выпил несколько стаканов лимонада и повеселел.

– В конце концов, – заявил он, спустя час, – я избавился от двух мошенников, которые много лет меня обворовывали. Это чудесный подарок, друзья мои, просто чудесный. И главное, что сейчас он пришёлся особенно кстати, так как я как раз собирался отправиться в кругосветное путешествие. Да, да, и не отговаривайте меня. Я устал сидеть на одном месте и обучать всяких богатых выскочек искусству фехтования. Никакой достойной войны в данный момент тоже нигде нет, а значит, чтобы не заскучать, я уеду. А теперь, прошу,

друзья, признавайтесь, кто из вас подарил мне эту чудесную записную книжку, а? Ну кто?

Но гости только удивлённо пожимали плечами, и лишь на следующий день, скромняга Бруда-Друда рассказал Грансимару обо всём, что творилось в его доме за его спиной.

– Я рад, что не ошибся в тебе, – сказал Грансимар, выслушав молодого человека. – По правде говоря, я давно подозревал, что этот плут Камбус нечист на руку, но я и понятия не имел, как далеко всё зашло. Отныне, ты мой управляющий. И вот моё первое задание – купи надёжную карету и четвёрку отменных лошадей, которые выдержат долгое путешествие.

– Мы куда-то поедем, господин Грансимар? – воскликнул Бруда-Друда, прижав руки к груди.

– Да, – ответил Грансимар. – Для начала мы отправимся в Гамбург, затем в Амстердам, оттуда переправимся в Лондон, а после отплывём в Калькутту, по пути посетив Каир, а оттуда махнём в Каракас. Я намереваюсь объездить как можно больше стран. Ты со мной?

– Конечно, господин Грансимар! Разумеется! – запрыгал от радости Бруда-Друда. – Только можно я сбрею свою бороду? Она ужасно колючая!

– Ладно, так уж и быть, – засмеялся Грансимар. – И не забудь проследить, чтобы слуги как следует упаковать мои шпаги. Тебе пора взять несколько уроков фехтования.

Так, благодаря природной ловкости и собственной на-

стойчивости. Бруда-Друда Тобасский, скромный брадобрей из Толедо, чьи предки жили в Мавритании, добился всего, чего хотел и посетил Гамбург, Каир, Лондон, Амстердам, Калькутту, Каракас, а также многоженство других прекрасных городов, а заодно, научился отменно фехтовать, так что иногда, в шутку, называл себя не иначе как Олухом Родосским.

– А вы случайно не знаете того олуха, что воткнул лопату в мои георгины? – послышался рассерженный мамин голос с улицы. – Кому это только пришло в голову, а?

Папа вздрогнул, суетливо поправил очки и внезапно заторопился.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Мне ещё нужно дописать одну главу. Совсем забыл, совсем...

Он пружинисто поднялся и крадучись двинулся к двери.

– Мама всё равно тебя найдёт, – хихикнула Варя.

– Да, пап, лучше сразу признайся, – сказал Серёжа.

– Чепуха! – закричал папа, делая вид, что подкручивает невидимые усы и проверяет свою шпагу. – Я всегда готов к бою! А где мои очки?..

Куся

– А Степашка не сможет его поймать, – спросила Варя.

– Нет, – засмеялся папа. – Если им кого-то и стоит опасаться, то только солнечных лис.

– А разве такие существуют? – удивилась девочка.

– Само собой, разумеется, – ответил папа. – Видишь ли, в природе всё находится в равновесии. Если есть солнечные зайчики, то должны быть и солнечные лисы. Так устроен мир.

– Тогда они должны быть гораздо проворнее Степашки, – заметил Серёжа.

Ребята сидели вместе с папой на скамеечке под сосной и бездельничали. В руках у Серёжи было карманное зеркальце, с помощью которого он направлял луч света на стену бани, заставляя Степашку потешно носиться за ним взад-вперёд. Скотч-терьер обиженно лаял и вставал на задние лапки, когда солнечный зайчик, раз за разом ускользал от него в самую последнюю секунду, и в конце концов устал и обиженно улёгся под жасмином.

«Какая-то неправильная игра... – размышлял он, глядя как зайчик снова подкрадывается к нему по дорожке и почти касается носа. – Я никак не могу его укусить! Пусть лучше бросят мне мячик...»

Когда пятнышко света заползло Стёпе на нос, он выдержал и, громко клацнув зубами, вновь пустился за ним в погоню.

– А какие они, солнечные лисы? – спросила Варя. – У них, наверное, большие зубы?

– Нет, – сказал папа. – По правде сказать, у них вообще нет зубов, потому что солнечного зайчика всё равно нельзя

съесть. Да и на лис они совсем не похожи. Их так называют только потому, что они ловят зайчиков.

– А на кого же они похожи? – поинтересовался Серёжа, откладывая в сторону зеркальце, чтобы дать Стёпе немного отдохнуть.

– Они похожи на большой прошлогодний лист, который кувыркается в траве, – сказал папа, охлопывая свои карманы в поисках очков, – но стоит вам присмотреться к нему внимательнее или попробовать подойти ближе, как этот «лист» тут же исчезает, точно мираж и вы начинаете думать, что он вам просто померещился. В этом отношении, солнечные лисы не менее хитры и изобретательны, чем их рыжие сородичи. Обычно, они держаться в тени и предпочитают охотиться из засады, но бывает, что они нападают на свою добычу прямо среди бела дня и гонятся за ней, точно кошка за мышью.

– Ой, я, кажется, только что видела солнечную лису, – воскликнула Варя. – Вон там, на газоне!

– Тогда сиди тихо и наблюдай за ней, – понизил голос папа. – Солнечных лис куда как меньше, чем солнечных зайчиков, и увидеть их очень хорошая примета. Это всё равно, что встретить...

Папа задумчиво почесал нос, а затем радостно выдал:

– Это всё равно, что встретить соснового шишкоеда.

– Кого-кого, – недоверчиво спросили ребята.

– Карликовый сосновый шишкоед, – повторил папа. – Их ещё называют северными ленивцами, хотя между ними мало

общего. Шишкоеды действительно достаточно медлительны, но, на мой взгляд, они гораздо симпатичнее. У них такие чудесные вечно грустные глазки!

Папа изобразил грустные глазки шишкоеда, а для достоверности поднял с травы шишку и откусил от неё маленький кусочек.

– Как можно есть шишки? – скривился Серёжа. – Они же сухие и невкусные!

– Шишкоеды другого мнения на этот счёт, – улыбнулся папа. – Для них, сосновые шишки, деликатес, в особенности, когда они ещё зелёные и мягкие. Шишкоеды просто объедаются ими и потом сидят на ветках сонные, и тихонько икают. Они очень забавные и такие милые, точно крохотные пухлые плюшевые медвежата. Живут они в дуплах, а их детёныши рождаются зимой, когда вокруг свирепствуют холода и завывает вьюга. Малыши кушают мамино молочко, а когда подрастают, наступает весна, и они лакомятся свежими маленькими зелёными шишками.

У них практически нет врагов, за исключением домашних кошек, так что шишкоеда не встретишь близ городов и дач, но, если забраться вглубь весеннего соснового леса, и не шуметь, вы вполне можете заметить среди ветвей странных, бесхвостых, упитанных белок, задумчиво поедающих шишки. Кстати, шишкоеды иногда зимуют в старых скворечниках, поэтому очень важно чистить их осенью, после того, как птицы покинули свои домики.

Между прочим, согласно одной легенде, шишкоеды, это бобры, которым просто надоело жить в вечной сырости и они решили забраться повыше, и даже учились одно время летать, но ничего кроме синяков не заработали. Их хвосты, со временем, исчезли, но желание что-то погрызть осталось. Именно этим, на мой взгляд, объясняется тот факт, что пока малыши спят, их мамы нередко выгрызают небольшие поделки из сучков или кусков коры, которые затем служат подрастающему поколению игрушками. Так что, друзья мои, если вы случайно найдёте в лесу странный сучок, над которым явно кто-то потрудился, хорошенько осмотритесь. Вполне возможно, что где-то рядом живут эти удивительные зверьки, которые некогда, перегораживали своими плотинами реки и строили на их берегах хижину.

– Папочка, а расскажи её что-нибудь, – попросила Варя. – А тот так не хочется ничего делать...

– Да, пап, – поддержал сестру Серёжа. – Мама сказал поливать грядки, но нам так не хочется...

– О, – усмехнулся папа, – в таком случае, я просто обязан рассказать вам историю по галчонка Кусю, которому настолько не хотелось ничего делать вовремя, что он даже отказывался учиться летать и едва не погиб.

– Так не бывает, – закричала Варя. – Ты это специально выдумываешь, чтобы мы не ленились!

– Ничего подобного, – мотнул головой папа. – Эту историю я случайно услышал своими собственными ушами из

разговоров двух сорок на нашей сосне. Я тогда дописывал свою книгу на втором этаже, и оставил окно открытым. Вас с мамой в тот день не было – вы гостили у бабушки, и я работал с утра до вечера, спеша успеть сдать свою работу в срок. И вот, одним утром, я как обычно сел за свой письменный стол и начал писать, но у меня что-то плохо получалось, и я рассеянно рисовал всякие каракули, когда услышал их болтовню и заинтересовался. Сороки сидели в гуще ветвей сосны, так что мы не могли видеть друг друга, но утро было таким тихим, что я всё отчётливо слышал, будто сам сидел рядом. Сначала, они обсуждали соседского кота Матвея, который напугал их тем утром, когда они хозяйничали у мусорных баков. Затем, эти болтушки обсудили наших соседей, потом, крикливых чаек с соседних озёр и, наконец, когда их болтовня мне уже порядком наскучила, и я собирался их прогнать, одна из сорок стала рассказывать эту историю, и я решил не торопиться и дослушать. Я передам этот рассказ своими словами, потому что сороки любят рассказывать всё задом наперёд и вечно сбиваются с темы на тему, так что даже мне бывает трудно понять, с чего они начали и что имеют в виду.

Папа наконец-то нашёл свои очки и радостно водрузил их на нос.

– Итак, галчонок Куся вылупился самым первым и к тому моменту, когда из последнего, пятого по счёту яйца появилась его младшая сестрёнка, Ляпа, он уже порядком окреп и

смотрел на неё свысока. Их гнездо, как и гнёзда всей их стаи, располагалось на чердаке большого дома. Целый день десятки галок сновали туда-сюда, разыскивая в пищащем царстве своих птенцов, и кормили их дождевыми червями, жуками и прочими вкусностями. Куся был самым большим галчонок в их семье, и ему всегда доставались лучшие кусочки, но еды в тот год хватало на всех и птенцы дружно росли и однажды, настал волнительный день, когда первые, самые смелые малыши, под одобрительные крики их родителей, покинули чердак и улетели в соседнюю рощу.

– Тебе тоже пора учиться летать, – сказала Куся его мама тем утром. – Ты самый крупный галчонок в стае, ты должен быть одним из первых.

– Я не хочу, – ответил Куся, удобно развалившись в своём гнёздышке. – Сегодня я что-то не в настроении. Я попробую как-нибудь в другой раз. К том же, сегодня холодно и сыро. Вот если бы там светило солнышко, тогда другое дело...

На следующий день ещё несколько птенцов улетели из своих гнёзд, и одним из них был его брат, Тума, у которого он ещё совсем недавно отбирал червяков. Куся слышал, как родители радовались полёту Тумы, но день выдался дождливым и он решил остаться.

«Мне некуда спешить, – подумал он. – У меня ещё полно времени и я всё успею сделать как-нибудь потом...»

Ещё через день выглянуло яркое солнышко, и сразу десяток птенцов стартовал в новую жизнь. Теперь уже целая стая

молодёжи весело перекликалась где-то неподалёку, а оставшиеся птенцы оживлённо вслушивались в этот шум и строили свои собственные планы.

Вечером, в гнездышке Куся остался только он и его сестрёнка, которая хоть и была всё ещё мала, но отважно подходила к крошечному оконцу в глубине чердака и смотрела вниз, желая летать как все взрослые.

– Почему ты до сих пор не улетел, – спрашивала она Куся. – Там так интересно и светло. Неужели тебе не хочется попробовать парить как папа с мамой?

– А куда мне спешить, – ответил Куся. – У меня полно время. Да и день сегодня был слишком ветреным...

– Я собираюсь лететь завтра утром, – сказала Ляпа. – Полетели вместе со мной! Все наши друзья уже живут в роще и разгуливают по парку. Это же жутко интересно.

– Нет, я не хочу, – отозвался Куся. – Да и сама подумай, как ты сможешь полететь, если ты никогда не летала раньше? Вдруг ты разобьёшься?

– Мама сказала, – пискнула храбрая сестрёнка, – что это совсем неважно. Всё что мне нужно будет сделать, это спрыгнуть вниз, расправить свои крылышки и махать ими. Все так делают.

– Но твои крылышки ещё слишком слабы, – резонно заметил Куся.

Ну и что, – настаивала Ляпа. – Как только я начну летать, они очень быстро окрепнут, и я смогу легко кружиться со

всеми и самостоятельно добывать себе еду.

Они проспорили до глубокой ночи, а когда проснулись, снаружи был густой туман.

– Полетели, – в последний раз предложила Ляпа.

– Нет уж, – сказал Куся, сладко позёвывая. – Мне некуда спешить... И ты не торопись. Посмотри, какой туман? куда ты полетишь? Это может быть опасно... Но сестрёнка не послушала Кусю и прыгнула прямо в туман, точно нырнула в молоко и исчезла. Куся позвал свою сестрёнку, но она не отозвалась, и он вернулся в своё гнёздышко, которое вдруг стало для него тесным. Покрутив головой, он увидел, что на чердаке, кроме него, осталось всего несколько птенцов, да и те готовились к полёту и чистили свои перышки.

«И чего они все так торопятся, – подумал Куся. – Мне вот не хочется летать и я спешить не буду. На чердаке так уютно и сухо. Нет, я ещё подожду...»

Куся нахохлился и задремал, а когда проснулся, то понял, что он впервые в жизни остался совершенно один, и ему стало страшно. Он попищал немного, грустно бродя меж покинутых гнёзд, в надежде найти кусочек еды, но её не было. Родители не покормили его этим утром, и он рассчитывал, как следует подкрепиться в обед, но и в обед они не появились, и только под вечер к нему прилетела его мама.

– Вставай, Куся, – сказала она. – Нам пора улетать. Тут стало небезопасно. Пока нас было много, коты боялись заходить сюда, но теперь, когда мы живём в роще, они скорее

всего заберутся на чердак и тогда тебе не поздоровиться. Полетели скорей.

– Но я голоден и не хочу лететь, – жалобно захныкал Куся. – И на улице уже темнеет... А вдруг я упаду?

– Не бойся, глупенький, – сказала мама. – Ты птица и ты создан для полёта. Просто прыгай вниз и маши крыльями, как делали твои сёстры и братья, и ты сам не заметишь, как окажешься в роще.

– Нет, – замотал головой Куся. – Я не хочу. Может быть завтра...

Мама долго уговаривала непослушного птенца, но когда сумерки окончательно сгустились, она сдалась.

– Ну, как хочешь, – вздохнула она. – Но запомни, что мы больше не будем носить тебе еду, потому что ты уже взрослый и должен сам её добывать. Если передумаешь, лети в рощу, там ты нас легко найдёшь.

– Но так нечестно, – запищал Куся, но мама уже улетела, оставив его в темноте.

Галчонок посидел немного на краю карниза, ежась от холодного ветра и мелкого дождя, но так и не решился прыгнуть, хотя и видел, что вдали, над рощей, летают его родственники, устраиваясь на ночлег.

«Всё равно я не полечу, – решил Куся. – Они просто разыгрывают меня. Наш дом тут, под крышей, где тепло и сухо, и никому никуда не нужно прыгать. Они нарочно дразнят меня, чтобы потом посмеяться, но я умнее их всех и ничего

делать не буду...»

Куся снова обошёл чердак и, никого не найдя, устроился на ночлег, уверенный, что утром все вернутся. Он закрыл глаза и задремал, но к счастью, ему не спалось от мучавшего его голода, и около полуночи, галчонок услышал, как кто-то бродит в темноте меж покинутых гнёзд и негромко мурлычет. Куся никогда не видел котов, но он сразу понял, что ему не стоит попадаться ему на глаза. Он затаился в гнезде, стараясь не шелохнуться, но старый кот всё равно учуял его запах и медленно приближался к нему, беззвучно ступая своими лапами, в которых прятались острые и длинные когти. Куся видел, как продолговатая тень подкрадывается к нему всё ближе и ближе, пока до неё не осталось буквально несколько метров, и тогда галчонок не выдержал и бросился наутёк. Громко фыркнув от неожиданности, кот помчался следом, но Куся лучше него знал чердак и первым добежал до спасительного выхода карниз. Он выскочил наружу и замер в нерешительности – под ним и вокруг него была крошечная тьма, и только несколько окон в доме ещё горели, тускло освещая двор.

«Что-то я уже не хочу прыгать, – как обычно подумал Куся. – Вот если бы сейчас было светло...»

В этот момент, кошачьи когти схватили его за хвост и потащили обратно, на чердак. Галчонок пискнул, дёрнулся и, оставив пучок перьев в когтях своего преследователя, кубарем полетел вниз. От неожиданности и темноты, Куся никак

не мог понять, где верх, а где низ и наверняка разбился бы, не плюхнись он сначала на ветви клёна, а уже потом в лужу. Мокрый и грязный, наощупь, галчонок забрался под скамейку, забился в угол и просидел там до самого утра, трясясь от страха, голода и холода. Теперь он понимал, почему все так спешили научиться летать вовремя, и корил себя за медлительность.

С рассветом, Куся выбрался из своего укрытия и огляделся. Двор был ещё пуст, но в окнах уже мелькали люди, а кое-кто гулял с собаками, которые смотрели на галчонка не очень дружелюбно. Умудрённый опытом, Куся не мешкая запрыгнул на спинку скамейки, с неё на ветку рябины, а оттуда на толстый сук клёна, что спас ему жизнь. Он кое-как отряхнул свои перья и загрустил, думая о том, какой он был глупый, что не послушался своих родителей и сестрёнку. Тут его и нашла мама.

– Вот ты где, – сказала она, усаживаясь рядом. – Я всё утро искала тебя на чердаке, но там было пусто, и кругом валялись перья. Я очень испугалась за тебя, Куся.

– На меня напал кот, и я спрыгнул вниз, – рассказал ей свою историю Куся. – Но я не смог полететь и упал.

– Это от того, что тебе пришлось прыгать в темноту, вместо того, чтобы учиться днём, как делают все, – сказала мама. – Но ничего, сейчас у тебя всё получится. Просто прыгай с этой ветки и маши крыльями.

– А вдруг я упаду, – опять начал хныкать Куся. – Давай

ещё немного подождём?

Мама нахмурилась.

– Ты опять за своё? Учти, кошки отлично лазают по деревьям. Кстати, мне кажется, одна уже ползёт по стволу...

– Где? Где? – закричал Куся и взмыл в воздух. – Где кошка?!

– Кошка далеко, – засмеялась мама, поднимаясь в воздух следом за сыном. – А нам пора лететь в рощу. Вся стая уже давно там.

– Но как же я доберусь туда, – запищал Куся. – Я же не умею летать?!

– Глупенький, – отозвалась мама. – Ты уже летишь. А когда у тебя отрастут новые перья, то тебе не будет равных, потому что самый сильный и красивый галчонок на всём белом свете. Летим...

– И они долетели, – спросила Варя, видя, что папа замолчал.

– Долетели, – ответил он, – хотя, признаюсь, что в этот самый момент я случайно задел локтем чашку и сороки при-
тихли.

– А что они ещё рассказывали? – спросил Серёжа.

– Много интересного, – сказал папа, внимательно разглядывая свои ногти. – К примеру, они болтали о каких-то ребятах, которые, вместо того, чтобы пропалывать грядки, как им велели, бросались чёрной смородиной, а потом, тайком пробрались на кухню и таскали конфеты...

Ребята застыли с раскрытыми ртами и испуганно переглянулись.

– А ещё, – продолжил папа, всё также рассматривая свои руки, – они говорили...

– Пап, знаешь, что то мне уже надоело про сорок слушать, – заявил Серёжа, вскакивая на ноги. – Мы пойдём, поработаем...

– Да, – горячо закивала головой Варя. – Ну, *очень* скучно... Мы лучше грядки польём.

– Да куда вы так торопитесь, – удивился папа. – Грядки же не смогут убежать. Давайте я ещё вам что-нибудь расскажу?

– Нет, нет, – заторопились ребята. – У нас полно дел... Всё ведь нужно делать вовремя, верно?

Не-воротись ручей

Вечер выдался на редкость холодным и дождливым. Старые яблони клонились под порывами ветра почти до самой земли, и казалось, что за окном не август, а ноябрь, и за окном вот-вот замелькает снег. Прислушиваясь к завываниям ветра, Степашка свернулся на кресле в такой плотный комок, что походил на пушистый шар и категорически отказался идти на прогулку. В такую погоду он легко спал круглые сутки, и только запах еды мог на время вывести его из этого оцепенения. Мама сидела на кресле и задумчиво листала новые журналы по архитектуре, делая время от време-

ни, какие-то заметки на полях, а папа, что-то увлечённо писал в своём блокноте, улыбаясь и хмурясь. Что же до ребят, то переиграв за день во все настольные игры, они просто маялись от скуки, глядя сквозь влажные окна на трепещущий от непогоды сад.

– Папочка, – сказала Варя, рисуя на стекле кривые рожицы, – а расскажи нам какую-нибудь историю... Нам скучно...

– Почитайте свой английский, – отозвалась из своего угла мама. – Вы про него совсем забыли в последнее время...

– Это скучно... – пробубнил Серёжа. – Я сразу засыпаю, когда открываю учебник...

Мама покачала головой и хотела что-то возразить, но папа опередил её. Он захлопнул блокнот, сладко потянулся и произнёс:

– Отличный вечер для страшной истории, вы не находите?..

Да, да! – оживились ребята, и пересели к папе на диван. – Расскажи!

– А вы не будете потом бояться? – спросил папа, хитро прищурюсь.

– Нет! – пискнула Варя, хотя знала, что обязательно будет бояться и прятаться под одеялом с головой.

– Ну что же, – промурлыкал папа. – В таком случае, я хочу рассказать вам старую-престарую сказку, про Чёрное болото и Не-воротись ручей. К слову сказать, по преданию, эта история случилась недалеко отсюда, среди Шушморских болот,

куда люди остерегались ходить с тех самых пор как поселились здесь, потому что сразу поняли, что там таится неведомая, злая сила...

Варя заранее поёжилась и с опаской покосилась на темнеющее окно, где бушевал ветер. Она представила себе, как сейчас страшно и неудобно в лесу и придвинулась ближе к папе.

– В одной из деревень, недалеко от Белого леса, названного так из-за густых туманов, что нередко окутывали его, жили со своими родителями брат с сестрой. Брату было 10 лет и по тем временам. Он считался уже взрослым и как мог, помогал своему отцу, а девочке было 8, но и она трудилась целый день, рядом с матерью. Однажды, оба родителя отправились на ярмарку, велев ребятам сторожить дом.

– Мы вернёмся сразу после обеда, – сказали они. – Смотрите, никуда не уходите, пока нас нет, и впускайте в дом чужих.

Ребята обещали родителям всё сделать, как им велели, но едва взрослые исчезли за поворотом просёлочной дороги, схватили свои корзинки, сунули в карманы немного хлеба и побежали к старому лесу.

– Но зачем? – удивился Серёжа. – Разве они не знали, что там опасно?

– Знали, – грустно усмехнулся папа. – Родители каждый день говорили им, что даже приближаться к Белому лесу опасно, но дети хотели сделать им подарок и принести боль-

шую корзину грибов и целое ведро ягод, поскольку в Старом лесу и того и другого было сколько угодно. Сначала, они не собирались заходить далеко и ходили по опушке, но, постепенно осмелев, прошли вглубь леса и стали подбирать гриб за грибом, и срывать спелые ягоды целыми горстями.

Когда корзина и лукошко были полны, довольные и гордые собой ребята, собрались возвращаться, но услышали плеск воды неподалёку. Надо сказать, что день обещался выдаться жарким, и им очень захотелось умыться. Они осторожно прошли вглубь леса, и вышли на берег небольшого ручья, в котором, к их восторгу и изумлению, сновали крохотные золотые рыбки. Дети никогда не видели ничего подобного и захотели поймать несколько рыбёшек, но они были очень проворные и никак не давались им в руки.

– Давай прогуляемся немного вверх по ручью, и посмотрим, откуда он вытекает, – предложил мальчик. – Может там есть целое озеро, где водятся целая куча таких рыбок. К тому же, ещё нет и полудня, мы легко успеем вернуться домой, если захотим.

– Давай, – охотно согласилась девочка, зачарованно глядя на рыбок и позабыв про все наставления родителей. – А мы не заблудимся?

– Нет, – уверенно сказал мальчик. – Мы всё время будем идти по берегу ручья, а как только мы захотим домой, повернём назад, и он приведёт нас из леса.

Эта идея показалась детям очень разумной. Они постави-

ли свои тяжёлые корзины под кусты и пошли вдоль берега, не подозревая, что это и есть тот самый Не-воротись ручей, к которому категорически нельзя приближаться, и уж тем более пить из него воду. Солнышко приветливо светило им сквозь листву, водичка весело журчала у их ног и они беззаботно шагали вперёд, абсолютно уверенные, что в любой момент смогут вернуться.

Незаметно для себя, они миновали Волчью поляну, за которой, лес стал иным, хотя и не изменился с виду. Солнышко всё также весело сверкало в прозрачных водах ручья и беззаботные рыбки резвились в его лучах, но если бы ребята внимательно посмотрели по сторонам, то заметили бы, что лес вокруг потемнел, и кто-то жуткий крался под его покровом вслед за ними, скрываясь за деревьями и сторонясь света...

Они шли так около часа, а затем, когда им обоим пришла в голову мысль о возвращении, на тропинку перед ними выпрыгнул маленький оленёнок и недоумённо уставился на ребят своими большими глазами.

– Ах, оленёнок, – воскликнула девочка и, забыв про всё на свете, протянула к нему руки. – Не бойся, малыш... Я тебя не обижу...

Оленёнок отступил на несколько шагов, но не убежал, продолжая разглядывать ребят, словно раздумывая, стоит ли ему убегать или нет. Ребята осторожно приблизились к малышу и почти дотронулись до его носа, но оленёнок снова попятился, а затем и стукнул землю своим маленьким ко-

пытцем и запрыгал на месте.

– Он хочет поиграть, – догадалась девочка. – Давай, немного побегаем с ним, а потом пойдём домой?..

Дети стали играть с весёлым оленёнком в догонялки, уходя всё дальше и дальше вверх по ручью, а затем, когда малыш внезапно исчез среди густого ельника, почувствовали, что ужасно устали. Они сели на траву, съели по куску хлеба и напились из ручья. Вода показалась им сладкой на вкус, но они решили, что это от земляники, росшей у самого берега и роняющей свои спелые ягоды в ручей, но дело, конечно же, было вовсе не в ней.

Дети не могли знать, что вода Не-воротись ручья заколдована. Через пару минут, когда они уже хотели тронуться в обратный путь, им вдруг ужасно захотелось спать, и они решили прилечь ненадолго. Едва они коснулись головой мягкой травы, как их глаза закрылись, и они глубоко уснули. Тот, кто прятался в чаще подошёл ближе, но свет солнца падал прямо на ребят и он, ворча, отступил в тень вековых елей, решив дождаться сумерек.

Несомненно, ребята проспали бы до самой темноты, убаюкиваемые журчанием ручья и шелестом листвы, если бы одна из разыгравшихся рыбок не выпрыгнула из воды и не упала на щёку мальчику. Едва оказавшись там, золотая рыбка утратила свои чары и превратилась в обычную пиявку, которая тут же присосалась к нему, чтобы напиться крови. От её липкого и холодного прикосновения мальчик проснулся,

сел и растерянно оглянулся. Солнце уже было низко, и в лесу стали сгущаться сумерки, от которых у него мороз побежал по коже.

– Скорей, просыпайся, – закричал он и стал толкать свою сестру, но та никак не могла проснуться, так как выпила слишком много колдовской воды.

Наконец, ему удалось растолкать её.

– Мы проспали слишком долго, – взволнованно сказал он. – Побежали скорее обратно.

Они взялись за руки и со всех ног помчались вдоль берега назад, но к их удивлению, ручей неожиданно стал ветвиться и расходиться в разные стороны.

– Ты помнишь эту развилку, – спросил мальчик.

– Нет, – замотала головой девочка. – А ты?

– И я нет. Наверное, мы просто её не заметили.

– И куда же нам свернуть?

– Пойдём по тому берегу, по которому пришли сюда, ответил мальчик. – Он должен привести нас к нашим корзинам.

Они снова побежали и снова наткнулись на развилку, а потом ещё на одну, и ещё и ещё, и всё потому, что один по берегу Не-воротись ручья можно было пройти только в одну сторону, и нельзя было вернуться. Дети бежали и бежали, думая, что приближаются к дому, но на самом деле, они всё глубже убегали в лес, прямо к Чёрному болоту. Теперь им обоим казалось, что кто-то преследует их, прячась за ство-

лами деревьев и от страха, они мчались ещё быстрее, так что ветер свистел у них в ушах.

Тем временем, встревоженные родители уже давно обшарили всю рощу, где должны были быть ребята, а затем, чувствуя неладное, направились к лесу. По пути им встретился пастух, который сказал, что видел их детей на опушке леса этим утром. Родители в ужасе переглянулись и поспешили туда.

– Только бы они не отправились на Змеиный ручей, – волновался отец. – Они даже представить себе не могут, насколько это опасно.

– Ну, зачем, зачем они только пошли в этот проклятый лес!?! – плакала мама. – Я же столько раз предупреждала их не ходить туда!

– Не волнуйся, – успокаивал её мужчина, – мы немедленно пойдём следом и отыщем их до заката. Они же дети и не могли уйти далеко. У нас ещё есть время.

Родители скрылись в лесу и через некоторое время нашли подле ручья корзинки ребят полные грибов и ягод.

– Боже, – воскликнула мама. – Это же Змеиный ручей!

– Да, – ответил побледневший ручей, – и, похоже, он увёл их...

– Но что же нам делать? Как им помочь?

– Я побегу следом, – сказал отец. – Возможно, я ещё успею догнать их до темноты, а ты, возвращайся в деревню, собери людей и с рассветом отправляйтесь по моим следам...

Быть может, вы ещё сможете нам помочь...

Темнота постепенно насадала на лес, а ребята всё бежали и бежали вдоль заколдованного ручья, боясь оглянуться назад. Ручей становился всё уже и уже, и вода в нём почернела и пахла болотом. Вместо рыбок там теперь плескались жабы, а по берегам свивались в кольца и шипели змеи.

– Мы тут не проходили, – плакала девочка. – Мы идём не туда! Нам нужно повернуть!

– Но уже повернули, – отвечал мальчик. – Куда бы ни шёл этот ручей, пойдём в ту сторону. Нам нельзя тут оставаться. Быть может, мы наткнёмся на чьё то жильё...

Вскоре, под кронами деревьев стало так темно, что дети больше не могли бежать, и просто брели на ощупь по узкой тропинке, прислушиваясь к жутким шагам и шорохам за своей спиной. Внезапно, они вышли на прогалину, и сразу же у них под ногами захлюпала вода.

– Наконец-то мы вышли из леса, – обрадовалась девочка, оглядываясь по сторонам. – Но где это мы?..

– Кажется, я знаю, где мы... – ответил мальчик, крепче сжимая руку сестры. – Мы не вышли из леса. Мы в самой его чаще. Это Чёрное болото...

В этот момент, у них за спиной послышалось хриплое ворчание, и какой-то большой зверь стал продираться сквозь кусты в их сторону. Не разбирая дороги, ребята бросились бежать вдоль края болота, в свете медленно поднимающейся над лесом огромной жёлтой луны. Большой зверь неуклонно

преследовал их, держась в тени деревьев, так что они могли видеть только его сверкающие глаза и слышать его порывистое дыхание. По-видимому, он был слишком тяжёлым и боялся провалиться в болото, а потому ждал удобного момента и не спешил бросаться на детей.

– Сюда, – крикнул Серёжа, заметив небольшую тропку, ведущую вглубь болота. – Побежали сюда.

Дети свернули на узкую тропинку, залитую лунным светом, и побежали по ней, не подозревая, что это вовсе и не тропинка, а просто луч луны на поверхности колдовского болота, по которому можно пройти вглубь трясины, но нельзя вернуться обратно...

Вода громко хлюпала у них под ногами и порой, им казалось, будто бы они бегут по воздуху, но они не останавливались. Мало-помалу дорожка расширялась, покуда не вывела их на настоящую, твёрдую землю. Сойдя с лунной тропинки, дети обернулись и увидели, что по их следам бежит какой-то громадный зверь похожий не то на медведя, не то на волка. По счастью, в этот самый момент, небольшое облако заслонило луну, и тропинка исчезла. Зверь протяжно взвыл и провалился в болото, откуда уже не смог выбраться, сколько ни старался.

– Пойдём отсюда, – сказал мальчик. – Нам нужно найти какое-нибудь укромное место, чтобы переночевать.

Они пошли вглубь длинного песчаного острова, который лежал в самом центре Чёрного болота и вскоре приблизи-

лись к камню, такому большому, что на нём можно было бы построить несколько домов. Камень был гладкий и округлый, но в одном месте вода выточила в нём желобок и как раз по нему дети вскарабкались наверх.

– Тут безопасно, – сказал мальчик. – Никто большой не сможет забраться на этой камень, а маленького я так ударю палкой, что он не захочет сюда больше соваться.

Мальчик выразительно потряс крепким сучком, что поднял с земли и девочка немного успокоилась.

– А что мы будем делать дальше? – спросила она, прижимаясь к брату. – Как мы найдём дорогу домой?

– Я что-нибудь придумаю, – ответил мальчик. – Папа говорит, что всегда есть выход, просто нужно хорошо подумать.

Они кое-как устроились на жёстком камне, и девочка мгновенно заснула, а мальчик, хоть и ужасно устал, никак не мог сомкнуть глаз. Ему постоянно мерещилось, что кто-то бродит вокруг камня и хочет взобраться на него, и он крепче сжимал в руке свой сук, но никто не появлялся, за исключением множества бесшумно снующих в лунном свете летучих мышей. Один раз, мальчику показалось, что он слышит голос отца где-то вдалеке, но он побоялся крикнуть в ответ, не зная каких чудовищ, может привлечь из темноты его голос.

Мало-помалу всё вокруг стихло и болота погрузились в мрачный сон, нарушаемый лишь мерным шорохом сухого камыша и криками выпи. Страшная усталость навалилась на

мальчика. Не выпуская из рук своего «оружия», он лёг рядом со спящей сестрой и закрыл глаза. Он почти уснул, когда ему почудилось, что он слышит какой-то странный звук высоко в небе. Мальчик привстал и протёр глаза. Прямо над большим камнем кружились дикие гуси, которые опускались всё ниже и ниже, пока мальчик не понял, что эти птицы совсем не похожи на обычных гусей. Они были в несколько раз крупней, а главное, несли на себе наездников... Бежать было слишком поздно, и всё что успел сделать мальчик, это разбудить сестру, закрыть ей рот ладонью, и быстро спрятаться вместе с ней в небольшое углубление на краю огромного камня. Шорох и свист крыльев наполнил ночную тишину, и птицы по одной стали снижаться и садиться на камень, пролетая буквально в паре метров над головами спрятавшихся детей. Всего на камень опустилось одиннадцать огромных, черных как смоль диких гусей, и с каждого из них слезла болотная ведьма, похожая на старого, сморщенного, беззубого тролля. Каждая ведьма надела на голову своему гусю кожаный колпак, закрывающий птице глаза, и гуси мгновенно успокоились, сбились в кучу и заснули. Ведьмы расселись кружком недалеко от перепуганных ребят, разожгли огонь и стали жарить на нём свою добычу – летучих мышей, жаб и гадюк.

Поужинав, ведьмы принялись обсуждать события минувшего дня.

– Где же эти проклятые дети? – сказала одна ведьма, свер-

кая единственным уцелевшим глазом. – Не могли же они вернуться обратно. Не-воротись ручей не отпустил бы их.

– Они почти что были у нас в руках, – прошипела другая, ведьма, с длинным расплюснутым носом. – Я притворилась оленёнком, завела их в самую чащу и заставила напиться воды из ручья! Они так сладко спали, но твои глупые пиявки разбудили их!

– Если бы не мои пиявки, которых я превратила в золотых рыбок, они бы вообще не пошли вдоль ручья, – огрызнулась хромая ведьма, с кривыми зубами. – Нет, это всё проклятый Оборотень, который следил за ними и хотел съесть их первым, не поделившись с нами. Это он напугал детей, и мы их потеряли...

– Ничего, ничего, – мерзко захихикала ещё одна скрюченная старуха, – им всё равно некуда деться... Я слышала, что Зверь утонул в болоте этой ночью, когда пытался поймать ребят, а это значит, что теперь мы одни охотимся на них, и никто нам больше не помешает... Я повсюду разослала своих шпионов, гадюк, воронов и болотных крыс. Скоро, очень скоро они найдут их, и тогда мы запируем по-настоящему... О, я с удовольствием полакомлюсь этим мальчишкой!

– А я девчонкой!

– А я обоими!

Ведьмы захохотали и стали обсуждать, как лучше приготовить детей, которые лежали в десяти метрах от них, боясь даже дышать.

– Постоите, – вдруг сказала до сих пор молчавшая ведьма, по виду самая старая и противная. – Ребят уже ищут. Их отец вчера вечером добрался до кромки болот, несмотря на то, что я всю дорогу пугала его и путала тропинки. Он не робкого десятка и когда я бросилась на него в виде волка, он так стукнул меня своей дубиной по лбу, что я едва унесла ноги...

Ведьма потёрла большую шишку у себя на лбу и поморщилась.

– Но самое главное, – продолжила она, – что он наверняка приведёт других людей. – Конечно, им не добраться до нашего священного камня и не стереть на нём заклятья, что дают нам власть над этим лесом, но всё равно нам следует остерегаться. Не мне вам говорить, что произойдёт, если надписи будут стёрты и этот валун, что мы с таким трудом притащили сюда из подземных нор, расколется на части. Дух леса, который томится под ним, будет освобождён и он отомстит всем нам за то, что мы целую тысячу лет держали его в заточении. Нет, нужно найти этих негодников до того, как лес будет кишеть людьми... Мы бросим их одежду на краю болот, чтобы все решили, что они утонули... Что же до их отца, то вы трое, – старая ведьма ткнула корявым пальцем в трёх ведьм напротив, – вы лично займётесь им. Делайте что хотите, но остановите его! Попробуйте завести его в болото, или пусть его ужалит змея, а если и это не сработает, – обернитесь тремя красавицами, и когда он доверится вам, выко-

лите ему глаза и оставьте на съедение волкам...

Трудно себе представить, с каким ужасом ребята слушали разговор болотных ведьм, каждую секунду ожидая, что их заметят и разорвут в клочья, но ведьмы были слишком увлечены своим разговором, чтобы замечать, что-либо вокруг себя.

– Ну, ладно, – наконец, сказала главная ведьма и встала. – У нас полно дел. Летите и разыщите этих детей, а вы позаботьтесь об их отце. Я же отправлюсь на опушку леса, и постараюсь задержать тех, кто идёт им на подмогу. Ох и нагною же я на них страху! Ох и напущу же я туману! Ох и заскрежещу я зубами!

Ведьмы стали рассаживаться на своих гусей, но в последний момент, главная ведьма сказала.

– На всякий случай, ты, останься здесь и охраняй камень. Эти люди иногда такие хитрые, что лучше поостеречься...

– Но почему я, – завопила одноглазая ведьма, боясь, что детей найдут без неё и ей останутся только косточки.

– Ты всё равно плохо видишь, – засмеялась главная. – Но не бойся, мы оставим тебе немного...

Все снова засмеялись, сняли колпаки с голов своих чёрных гусей и взлетели.

– Помни, – прокричала главная ведьма, – береги этот камень пуще собственного глаза!

Одноглазая ведьма пробурчала себе под нос какие-то проклятья, пнула от злости своего мирно спящего гуся и улег-

лась спать. Она долго ворочалась с боку на бок, кряхтела и кашляла, но наконец, утомилась и захрапела.

– Что нам теперь делать, – прошептала девочка, дрожа от страха. – Может, нам стоит потихоньку спуститься с камня и спрятаться где-нибудь в другом месте?

– Не выйдет... – покачал головой мальчик. – Ты же слышала, что все гадюки, болотные крысы и вороны выслеживают нас. Мы не успеем пройти и ста шагов, как нас заметят.

– Но что же делать? – шептала девочка. – Скоро рассвет. Тогда нас точно найдут.

– Мы не будем дожидаться рассвета, – ответил мальчик, и его глаза блеснули решимостью. – Я знаю что делать...

Он прислонил свои губы к уху сестры и изложил ей свой опасный план.

– Ты думаешь у нас получится, – спросила побледневшая девочка. – Я боюсь!

– Получится, если ты мне поможешь, – сказал храбрый мальчик. – И помни, мы спасаем не только себя, но и нашего папу и других, кто спешит нам помочь.

– Верно, – прошептала девочка. – Я буду стараться изо всех сил, чтобы помочь папе с мамой. Это из-за нас они в ужасной опасности.

– Тогда вперёд, – приказал мальчик.

Ребята осторожно выбрались из своего укрытия и стали подкрадываться к спящей ведьме. Она оказалось совсем небольшой, ростом с мальчика. Её руки, лицо и шея были

черно-коричневыми, точно морёное дерево и морщинистыми как кожа черепахи. На месте одного глаза зиял глубокий провал, а из разинутого во сне рта стекала чёрная слюна.

Мальчик взял тряпичную сумку ведьмы, аккуратно потряхнул из неё всё содержимое и разорвал сумку на лоскуты. Скрутив их вместе, он быстро сделал длинную, крепкую верёвку. Ведьма зашевелилась и прекратила храпеть, точно собираясь проснуться, но девочка легонько подула ей на лицо, как делал её мама и та снова успокоилась. Мальчик тем временем проворно связал ведьме ноги и руки. Ведьма забурчала во сне, и открыл глаз. Истошный вой огласил болота, но мальчик был готов к этому и сунул в рот ведьме заранее припасённый камень. Старуха брыкалась, рычала, царапалась и почти вырвалась, но сестра ухватила её за ноги ноги, и вместе они сбросили ведьму в болото.

– Скорей, – крикнул мальчик, раздувая угли в потухшем ведьмовском костре и зажигая в нём свою палку. – Нам нужно найти эти надписи и стереть их пока не рассвело и остальные ведьмы не вернулись.

Они стали бегать по камню, в поисках загадочных символов и нашли их в самом его центре. Чёрные и красные буквы, похожие не то на змей, не то на каких-то уродливых птиц испещряли поверхность валуна. Ребята оторвали куски ткани от своих рубах и попытались стереть их, но буквы не желали пропадать, сколько они не старались.

– Может, принести воды из болота, – предложила девоч-

ка. – Я сбегаяю!

– Нет, – сказал мальчик. – Тут что-то другое... Если бы их можно было смыть водой, то они пропали бы после первого же дождя...

В задумчивости, он опустил свой факел ещё ниже и случайно коснулся им одного символа и тот сразу же скрючился, и стал извиваться точно червяк.

– Огонь, – воскликнула девочка, заметив движение буквы. – Они боятся огня!

Мальчик крепче горящий конец палки к камню и буквы засуетились, точно пытаюсь сбежать, а затем, начали медленно растворяться.

Когда последний магический символ пропал, ребята почувствовали, как огромный валун задрожал и начал покачиваться.

– Бежим, – закричал мальчик. – Сюда! Садись впереди!

Они запрыгнули на чёрного гуся и сорвали с него колпак. Гусь злобно зашипел на непрошенных наездников, и хотел ущипнуть их своим грозным клювом, но мальчик сжал бока птицы ногами и заставил её взлететь. Тяжело взмахивая крыльями, гусь поднялся на несколько метров и как раз вовремя, потому что чёрный камень начал давать трещины и разваливаться на части, точно что-то распирало его изнутри.

– Быстрей, быстрей, – кричал мальчик гусю, но тот летел неохотно, и то и дело пытался сбросить ребят.

– Нам во что бы то ни стало нужно перелететь через тря-

сину, – кричал мальчик. – Давай, гусь, давай! Вперёд!

Но гусь привык носить на своей спине тощую маленькую ведьму, и вес двух детей был для него слишком велик. Он опускался всё ниже и ниже, почти касаясь крыльями глади болота и того и гляди мог рухнуть в него.

– Ну, давай, миленький мой, давай, – умоляла гуся девочка. – Пролети ещё чуть-чуть! Ну, пожалуйста!

Гусь, чувствуя, что ему самому грозит опасность, удвоил усилия и вот, в лучах наступающего утра впереди замаячил берег. Птица поднатужилась из последних сил и вынесла ребят к лесу, где и рухнула. Дети соскочили с тяжело дышащего гуся и побежали в лес.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как все жабы вокруг подняли тревогу, зовя ведьм, но в этот момент, с болота, с того места, где лежал черный камень, задул сильный ветер и всё в лесу разом смолкло, потому что узнало голос истинного хозяина Белого леса – Лесного духа.

Очнувшись от долгой спячки, он словно туман стал заполнять свой лес и захваченные врасплох ведьмы бросались наутёк, но мало кому из них удалось избежать наказания. Только самой главной ведьме, той, что страшила людей на опушке леса, удалось ускользнуть от гнева Лесного духа. Она улетела в соседний лес, густой и непроходимый, но больше не имела такой власти, так как осталась совсем одна. Ведьма поселилась на крохотном гнилом болоте и до конца жизни не высовывала оттуда свой нос, питалась одними мухомора-

ми, потому что все зубы у неё выпали во время бегства из Белого леса, когда она впопыхах врезалась в дерево.

Когда ветер стих, и Лесной дух снова стал полноправным хозяином своих владений, он немедленно помог отважным ребятам найти дорогу домой. Птички показывали им тропинки, звери вели их за собой и кусты расступались перед ними, давая дорогу. Очень скоро, ребята вышли на берег ручья, чьи воды больше не были колдовскими и повстречали там их отца.

Он пережил трудную ночь, отбиваясь в темноте от различных тварей, что натравливали на него ведьмы, и едва не попался на их уловку с тремя красавицами, но вовремя вспомнил историю, что давным-давно рассказывал ему его дедушка. В ней говорилось, что ведьмы любят принимать чужие обличья, но их всегда можно узнать, если бросить в них щепотку соли, которая сразу же покажет их истинный лик. Поэтому, когда на рассвете, отец встретил на своём пути трёх невесть откуда взявшихся прекрасных девушек, то сразу заподозрил неладное, но не подал виду. В его кармане нашлось несколько крупинок соли, и он незаметно бросил их на спину одной из красавиц. Как он и предполагал, под маской девушки скрывалась старуха и отец, недолго думая, огрел её своей тяжёлой дубиной. Поначалу, ведьмы оторопели от такой неожиданной атаки, но затем пришли в ужасную ярость, окружили мужчину, и ему, несомненно, пришлось бы туго, не появившись вскоре Лесной дух, который разбросал ведьм и

развевал их по ветру.

Отец обнял своих детей, и они втроём зашагали к дому, навстречу спешившим им на помощь людям во главе с их мамой.

Много слёз радости было пролито в тот день и много слов было сказано, и не все из них были правдой, но факт остаётся фактом – с той поры люди смело ходили в Белый лес за грибами и ягодами, и пили воду из Не-воротись ручья и с ними ничего не случалось. Некоторые смельчаки даже пробирались на болота и рассказывали потом, что своими глазами видели там одиннадцать осколков огромного чёрного камня, точно разорванного изнутри какой-то исполинской силой. С годами, десять осколков ушли под землю, но последний, одиннадцатый, всё ещё виден.

Говорят, что раз в году, в ночь на Иван Купала, над этим местом кружат огромные чёрные гуси, поджидая своих жутких наездниц, а затем, не дождавшись их, улетаются прочь, роняя траурные перья. Там, где такое перо касается земли, вырастает черная ольха и поэтому то, чтобы увидеть этот камень, нужно пробираться через чащу, где каждое дерево норовит удержать тебя своими кривыми ветвями...

Папа снял очки, посмотрел сквозь них на лампу и принялся протирать их носовым платком.

– Ну, как вам история? – любопытствовал он.

– Кажется, я больше никогда не пойду собирать грибы на наши болота, – нервно рассмеялась мама.

– Чепуха, – усмехнулся папа. – Шушморские болота почти в 40 километрах от нас. Нам нечего бояться. По эту сторону реки ведьм нет...

– Что ты хочешь этим сказать, – насторожилась мама.

– Только то, что сказал, – ответил папа и хитро подмигнул ребятам. – Хотя знаешь, у меня есть смутные подозрения насчёт одной красавицы, с которой я знаком...

Папа встал и стал рыться в своих карманах.

– Что ты ищешь? – удивилась мама, не замечая улыбки ребят.

– Вот, кажется, нашёл немного... – пробормотал папа, разглядывая что-то на своей ладони.

– Что там? – недоумевала мама. – Ты опять что-то затеял?

– Что ты, дорогая, – захохотал папа, делая вид, что солит мамины колени. – Просто хочу посмотреть, кто ты на самом деле!

Приключения Шарара

Вечер был прохладным и ветреным. Все сидели за столом и прислушивались к шуму за окном и от этого, на кухне было особенно уютно. Самовар ещё не остыл и тихонечко пел свою песенку, важно попыхивая дымом и паром, точно сверкающий игрушечный паровозик, густо обещанный баранками.

– Папочка, – спросила Варя. – А почему самовар поёт?

– Потому что у него хорошее настроение, – бодро отозвался папа. – Отчего же ещё? Всякая вещь поёт, когда её любят и ценят. Это нормально. Даже мои очки поют, когда я их не теряю...

– И стулья могут петь, – недоверчиво поинтересовалась Варя.

– Конечно, – кивнул папа, – и стол и стулья и даже наш старый шкаф – все могут петь.

– А варенье, – спросила Варя. – Варенье может петь?

– Может, – кивнул папа. – У варенья чудесный тенор, но вот беда, если ты и дальше будешь его есть в таком количестве, у тебя могут заплакать зубы. А когда у кого-то плачут зубы, начинает петь сверло...

Папа противно зажужжал, точь в точь как машинка у зубного врача и Варя в ужасе застыла с полной ложкой вишневого варенья у самого рта.

– Что же мне делать, – расстроилась она и её глаза заблестели. – Я так люблю варенье! И конфеты. И пирожные...

– Ну-ну, – поспешил успокоить её папа. – Не пугайся. Немного сладкого никому не повредит, просто нужно знать меру, а иначе, тебя ждёт поход к стоматологу. Так-то вот.

Варя со вздохом отложила ложку и грустно уткнула подбородок в кулаки.

– Так нечестно, – заявила она. – Всё сладкое такое вкусное. Как тут можно удержаться?

– Бери пример с мамы, – сказал папа. – Она может есть

его, сколько ей вздумается, но не делает этого.

– Просто она не сладкоежка, – протянула Варя. – Ей нас не понять...

– Хорошенькое дело, – встрепенулась мама. – Между прочим, я обожаю сладкое, но не ем его по многу, потому что...

– Почему? – заинтересовалась Варя.

– Это не важно, – ответила внезапно покрасневшая мама. – Просто я держу себя в руках и всё.

Папа лукаво усмехнулся.

– Сдаётся мне, что кто-то водит нас за нос...

– Ничего я и не вожу, – разнервничалась мама. – Просто я... Словом... Ну... Я боялась зубных врачей. Я даже иногда сбегала с уроков в школе, когда наш класс поочерёдно вызывали к зубному. Бр-р-р-р, терпеть не могу их машинки, это так ужасно!

Ребята изумлённо переглянулись папой.

– Ты сбегала с уроков? – недоверчиво спросил папа. – Ты?

– Да, я, и что, – с вызовом ответила мама. – Я была маленькой, но потом я выросла и стала есть меньше сладкого и теперь с моими зубами всё в порядке.

– Что ж, – сказал папа, почёсывая нос. – Раз речь зашла о зубных врачах и тех, кто их боится, самое время рассказать вам историю Зубного Дракона и Белой Крепости.

– А Зубная Фея там будет? – обрадовалась Варя.

– Совсем немного, – поморщился папа. – Её роль слишком преувеличивают. Только и слышишь – Зубная Фея тут,

Зубная Фея там, но на самом деле... Впрочем, обо всё по порядку.

Папа налил себе чашку чая и устроился поудобнее.

– Всё это случилось в те времена, когда люди ещё не научились верить сказкам и считали их совершенно обычным делом, которое время от времени может случиться с каждым, особенно, если пойти туда, куда ходить не следует или разговориться с тем, с кем этого делать не нужно. На старых картах можно было встретить предупреждение гласящее – Осторожно, в этих местах живёт Дракон! – с указанием объездных путей. Сейчас, конечно, всё это кажется смешным, но поверьте, те, кто составлял подобные карты, знали, о чём идёт речь...

Так уж случилось, что в то время жил один мальчик, которого звали Шарар, и он очень любил всё сладкое и особенно пахлаву. Он готов был есть её целыми днями напролёт, но потом, когда нужно было идти к лекарю, врачующему зубную боль, страшно пугался и даже пару раз сбегал из дому. Надо сказать, что тогда зубы лечили совсем не так как сейчас и даже взрослые бледнели при виде ужасающего вида щипцов, которые лекарь раскладывал по выходным на базарной площади у входа в свой шатёр, поджидая несчастных пациентов.

В один из дней, когда у Шарара снова разболелись зубы и отец пообещал отвести его к врачу, мальчик вновь покинул свой дом и печально побрёл по городу, держась ру-

кой за вспухшую щёку.

– И почему это у меня вечно болят зубы, – думал он, грустно глядя себе под ноги. – За что мне такое наказание? Я просто маленький мальчик, которому ещё рано ходить к зубному лекарю, но я частый гость в его шатре. Почему так? Это несправедливо...

С такими мыслями, Шарар долго бесцельно бродил по улицам, совершенно не глядя по сторонам и в конечном итоге оказался в Старом городе, где все переулки были на одно лицо. Начинало темнеть, и он решил возвращаться домой, потому что знал, что сегодня отец уже не отведёт его к лекарю, так как тот работал только пока ярко светило солнце. Он свернул в один переулок, потом в другой, затем в третий, но никак не мог выйти из этого лабиринта. Уставший, голодный и мучимый жаждой, он решил постучать в неприметную дверцу в глиняной стене и спросить дорогу к базару, откуда бы он точно добрался до дома. Дверь долго не открывали, но Шарар слышал, что за ней кто-то возиться и терпеливо ждал, рассчитывая на помощь. Наконец, дверь приоткрылась, и он увидел в сморщенную старуху с холодными как лёд глазами, и всклокоченными волосами.

– Что тебе нужно? – зло прошипела она. – Я больше не торгую... Уходи, пока не появилась стража... Брысь, отсюда, брысь...

И старуха так жутко покосилась на него, что он попятился.

– Простите, – пробормотал он, – я просто гулял один и

немного заблудился и хотел узнать дорогу к базару...

Глаза старухи блеснули, и она вдруг разом подобрела.

– А-а-а, – сказала она совсем другим тоном. – Так ты один и заблудился... Что ж, я охотно помогу тебе, но сначала, мальчик мой, прошу тебя, выпей стакан холодного шербета, день выдался жарким...

Шакару не понравился тон странной старухи, но он действительно очень хотел пить и поэтому, простодушно последовал за ней в дом, где пахло пряностями и какими-то странными травами.

– Вот держи, – сказала старуха, протягивая ему стакан с холодным напитком. – Это лучший шербет во всей округе. Клянусь, ты никогда не пробовал ничего подобного...

Мальчик осторожно попробовал шербет на вкус и улыбнулся – напиток был действительно очень вкусным и освежающим, если не считать непривычного запаха.

– Пей, пей, мальчик, – настаивала старуха, и мальчику казалось, что в полумраке дома её глаза светятся точно угли. – Никто в целом свете не приготовит тебе такой шербет какой сделала я... Никто...

Мальчик сделал несколько глотков и вдруг, голова у него закружилась, и последнее что он увидел, это злобная усмешка на лице склонившейся к нему старухи, которая, к слову сказать, была ведьмой.

Едва мальчик уснул, старуха бросилась к очагу и стала варить какое-то зелье, поминутно оглядываясь на спящего Ша-

рара и ехидно приговаривала:

– Из тебя получится отличный осёл, мой милый... Просто замечательный... Теперь мне не нужно будет таскать коренья и травы у себя на спине... Теперь у меня буде помощник... Умный помощник... Самый умный осёл в мире...

И старуха расхохоталась точно ворона, помешивая ложкой варево в котелке.

К тому времени, когда зелье было готово, отец Шарара уже всюду искал его по всему городу. Меняла на углу одной из улиц сказал ему, что видел похожего мальчика, который шёл в Старый город и отец заволновался ещё больше, потому что у этого места была дурная слава. Поговаривали, что ночами там раздаются странные крики и будто бы кто-то летает по небу под покровом тьмы. С факелом в руках, отец бегал по пустынным переулкам и звал сына и один раз, ему показалось, что тот слабо откликнулся ему. Он бросился на звук и что есть силы, заколотил в неприметную дверь в глиняной стене.

– Отворяйте, – кричал он. – Отворяйте немедленно иначе, клянусь небом, я выломаю дверь, и горе будет всем, кто прячет моего сына!

С этими словами он выхватил свою саблю, но, дверь открылась и перепуганная, сторбленная старуха с седыми волосами высунулась наружу.

– Что вам нужно? – пролепетала она.

Не отвечая ей ни слова, отец ринулся внутрь дома и сно-

ва стал звать сына, но там никого не было, за исключением молодого ослика, который тревожно кричал и рвался с привязи.

– Кого ты ищешь, незнакомец, – прошамкала беззубым ртом старуха. – Я давно живу одна и никого кроме этого ослика, что я купила вчера в деревне, здесь нет. Уходи из моего дома немедленно, а иначе, я скажу страже, что ты ворвался в мой дом и грозил убить меня и тебе не поздоровиться...

– Я ищу своего сына, Шарара, ему 10 лет, – ответил отец. – Ты не видела его поблизости?

– Я плохо вижу и редко выхожу из дома, – ответила старуха, пряча от отца свои ведьмины глаза. – Уходи и дай мне спокойно уснуть. У очень болят ноги...

В смятении, отец извинился перед пожилой женщиной и побежал дальше, искать сына и бегал до самого утра, но так нигде и не нашёл его. Его нельзя винить – узнать Шарара в облике ослика было невозможно, к тому же, он был ещё слишком слаб от зелья и еле держался на ногах.

– Ты чуть всё не испортил, мерзкий мальчишка, – зашипела ведьма, убедившись, что отец далеко. – Ты заплатишься за это! Завтра, мы отправимся в горы, за чёрными травами. Ты весь день будешь возить меня и таскать сумки, но я не дам тебе ни крошки еды и ни капли воды, а если ты взбунтуешься, я так поколочу тебя, что ты не сможешь ходить, а потом столкну в пропасть.

От таких ужасных слов мальчик задрожал от кончика своего хвостика, до своих длинных ушей и горько заплакал, а старуха, улеглась спать и захрапела.

Весь следующий день, как и обещала ведьма, они провели в горах и к вечеру, Шарар едва мог идти, умирая от жажды и голода. Дома, старуха бросила ему немного сена и налила в грязную миску мутной воды.

– Вот твой ужин, – буркнула она, – и скажи спасибо, что я сегодня добрая...

Шарар выпил противную воду, с отвращением стал жевать невкусное сено.

«И зачем я только сбежал из дома, – думал он. – Лучше бы я каждый день ходил к зубному, чем влачил такое ужасное существование... Несчастный я несчастный...»

И он снова заплакал, прислушиваясь к храпу старой ведьмы.

Неизвестно сколько бы длились страдания Шарара в доме колдуньи, если бы однажды, ему не помог случай. Как-то раз, старуха отправилась на базар, не взяв с собой Шарара, но крепко привязав его к крыльцу. Пока её не было, на крышу дома села птичка и принялась весело щебетать. Глядя на неё, Шарар вздохнул, как умеют вздыхать только ослики.

– Эх, если бы я только был хотя бы птичкой, а не ослом, я мог бы упорхнуть из дома ведьмы и вернуться домой. Даже если бы родные и не узнали меня, я всё равно был бы свободен, а не сидел взаперти, получая сено и воду, да удары хво-

растиной. Эх, бедный я бедный...

– Что ты такое говоришь, – прочирיקала птичка, услышав слова ослика.

– Ты понимаешь меня, – удивился Шарар.

– Конечно, – засмеялась птичка. – Все звери и птицы понимают друг друга. Только один человек говорит на своём тарабарском языке и не хочет ничего слушать.

– Послушай, птичка, – сказал Шарар. – Я вовсе не осёл, я мальчик по имени Шарар. Колдунья превратила меня в осла, что бы я помогал ей в её чёрных делах, но я хочу сбежать от неё. Помоги мне, пожалуйста!

Птичка сначала не поверила, но потом, когда Шарар рассказал ей всё подробно, задумалась.

– Даже не знаю, как тебе помочь, – сказала она, наконец. – Я только маленькая птичка, а она – ведьма. Она может убить меня одним своим взглядом, если захочет. Нет, я не смогу тебе помочь.

Но Шарара продолжал умолять птичку и, в конце концов, та согласилась.

– Хорошо, я попробую что-нибудь разузнать о колдунье и о том, как тебе помочь, – пообещала она и упорхнула, как раз перед тем, как старуха вернулась домой.

– С кем это ты тут болтал, негодник, – подозрительно спросила она. – Не вздумай сбежать от меня! Я всё равно тебя отыщу и накажу так, что тебе мало не покажется!

Она отвязал Шарара, и отправилась с ним за дровами, для

своей печи.

Прошла неделя, но о птичке не было ни слуху, ни духу, и Шарар уж было решил, что она о нём забыла, но, на исходе дня, когда старуха возилась со своими травами, он услышал, как кто-то тихонько зовёт его у окошка. Он подошёл поближе, стараясь не стучать громко копытами, и увидел свою знакомую.

– Привет, – сказала птичка. – Я не забыла про тебя, и я принесла хороши новости. Я знаю, как помочь тебе.

– Как, как, – едва не закричал Шарар.

– Тс-с-с-с! – ответила птичка. – Ведьма может услышать.

– Как мне спастись, – прошептал ослик чуть слышно.

– Чтобы снова стать человеком, тебе нужно сделать специальное зелье, – ответила птичка. – Оно состоит из тех же ингредиентов, что и то, с помощью которого старуха превратила тебя в осла, только их нужно бросать в котёл в обратной последовательности.

– Но как я смогу сварить его, – воскликнул Шарар. – У меня нет рук, и я не знаю рецепта!

– Рецепт зелья хранится в её книге, что стоит на полке рядом с очагом – отвечала птичка. – Что же до остального, то тут я тебе помочь не могу. Я и так сильно рискую.

Шарар поблагодарил птичку и пообещал ей, что как только снова станет человеком, то даст ей столько зерна, что ей никогда больше не придётся заботиться о пропитании.

Той ночью Шарар не спал и строил планы, как ему устро-

ить так, чтобы ведьмы не было дома, пока он будет варить зелье. Он знал, что раз в неделю, под вечер, она уходит на базар по своим ведьмовским делам и никогда не берёт его с собой, а только крепко привязывает у крыльца.

«Если я сумею быстро выпутаться, – решил он, – то мне хватит время отварить зелье, если же нет, тогда будь что будет, всё равно это не жизнь...»

На следующий день, пока старуха копалась в своих сундуках, тихонько зашёл на кухню и всё так хорошенько осмотрел, чтобы не терять потом времени. Он решил, что если постараться, то при помощи своих копыт и зубов он вполне сможет разжечь огонь, поставить на него котёл и бросить туда всё. Он даже примерился сможет ли он достать книгу встав на задние ноги и у него всё получилось.

«Отлично, – приободрился духом Шарар. – В пятницу, когда старуха уйдёт, я начну действовать и да поможет мне бог...»

И вот наступила пятница. После полудня, как обычно, старая ведьма привязала Шарара к крыльцу и заковыляла к выходу.

– Не вздумай попытаться убежать, негодник, – погрозила она ему своим сухим пальцем. – если я узнаю, что ты что-то замышляешь, я продам тебя торговцам и ты будешь работать в каменоломнях, где скоро ослепнешь и умрёшь. Стой тихо и я дам тебе воды и гнилой моркови на десерт когда вернусь.

Шарара покорно выслушал её, и старуха удалилась, шар-

кая ногами. Подождав несколько минут, чтобы убедиться. Что она ничего не забыла и не собирается возвращаться, Шарар что есть сил стал колотить своими сильными задними ногами по крыльцу и очень скоро сломал его и освободился. Кое-как размотав верёвку, он бросился в дом и оторопел – книги, в которой были все рецепты ведьмы, нигде не было видно! Он обегал весь дом, но не смог найти её и понял, что подозрительная колдунья унесла её с собой.

– Всё потеряно, – закричал он. – Всё потеряно! Без этой проклятой книги, у меня ничего не выйдет! Я пропал! Старуха вернётся и тогда мне не миновать каменоломни! Горе мне горе...

– Не отчаивайся, Шарар, – вдруг услышал он и испуганно огляделся. – Я знаю все рецепты старухи, я помогу тебе.

– Но кто ты? – удивился Шарар, не видя никого вокруг себя. – И где ты прячешься? Покажись!

– Я, – услышал он печальный голос, – прежний хозяин этого дома. Много лет назад, эта ведьма, под видом красивой девушки, вошла в мой дом и напоила меня зельем, а когда я уснул, превратила меня в зеркало.

Шарар повернулся к зеркалу, и на мгновение ему почудилось, что оно грустно улыбается.

– Я боялся заговорить с той раньше, – сказал хозяин дома, – но теперь, я вижу, что медлить нельзя ни минуты. Разжигай огонь, подвешивай над ним котелок и подготовь то, что я тебе скажу. Но прежде, ты должен завалить дверь, что-

бы старуха не могла войти в дом, на случай, если она вернётся раньше срока.

Шарару не нужно было повторять дважды. Он мигом опрокинул шкаф поперёк входа, припёр его сундуком, раздул угли и подвесил котелок.

– Итак, – командовал хозяин дома. – Возьми пучок чёрной травы, что вы недавно собрали в горах, затем, приготовь корни Лунной папоротника, потом. Отсыпь щепотку сушеных ящериц и кожу змеи. Когда зелье закипит, добавь туда поочерёдно три, затем две, а после одну ложку ведьмовского дёгтя и убавь огонь, чтобы напиток не сбежал. Когда он посинеет, брось туда зубы троллей, горсть пиявок и полную чашку пауков, что хранятся в серванте. Да смотри, накрой котелок крышкой, а не то они разбегутся и всё придётся начинать сначала! Под конец, когда зелье снова станет серым, налей туда 15 капель медвежьих слёз, брось два сухих листа с Волчьего дерева и четверть щепотки колдовского порошка из ступки. Сними зелье с огня, дай ему настояться и скажи про себя:

Зараман Покур Абссадис Капибур Кастра!

и твой напиток готов. Выпей три глотка, а остальное, выплесни на зеркало и беги отсюда со всех ног к своему отцу, а обратно возвращайтесь уже со стражей и, если никого тут не застанете, сожгите этот дом со всем скарбом не жалея ничего.

Шарар всё сделал так, как ему велел хозяин дома, но в са-

мый последний момент, он вдруг услышал шаркающие шаги ведьмы и от страха, уронил в котелок целую щепотку колдовского порошка, вместо четверти. Времени, чтобы всё переделать у него всё равно уже не было, и он поспешно снял котелок с огня и приготовился произносить заклинание.

– Ах ты, негодник, – истошно заревела ведьма и стала ломиться в дверь, точно это была не древняя старуха, а дикий зверь. – Немедленно открывай! Открывай. А не то будет хуже!

Дверь трещала и скрипела, но ещё держалась, когда Шарар стал произносить заклинание:

– *Зараман Покур Абсадис Капибур Кастра!*

Напиток вспенился и пожелтел. Он быстро отпил три глотка, выплеснул остатки на зеркало и почувствовал, как тело ослика начинает сжиматься, быстро превращаться в его обычное тело. В тоже время, он мог видеть, как зеркало стало стекать на пол и приобретать человеческие очертания, из которых вскоре поднялся статный мужчина.

– Беги через крышу, – приказал он Шарару. – Беги, а я задержу ведьму. У меня с ней старые счёты...

Мальчик бросился на чердак, но вдруг понял, что не может подняться по ступеням, так как они стали слишком велики для него. Он испуганно обернулся и увидел, что мужчина тоже стремительно уменьшается.

– Сколько ты бросил колдовского порошка, – закричал он. – Четверть щепотки?

– Нет, – признался Шарар. – Я испугался шагов старухи и насыпал больше.

– Горе нам, горе, – обхватил руками голову мужчина. – Через несколько минут мы станем такими маленькими, что даже муравей не сможет заметить нас под ногами, а самая крохотная песчинка будет казаться размером с дом.

– Как же нам быть? – расстроился мальчик.

– Пока не знаю, – ответил хозяин. – В любом случае, нам нужно убираться отсюда подобру-поздорову. Посмотри, дверь уже почти открыта. Бежим!

Они кинулись под стол, пробежали под кроватью и, когда разъярённая ведьма ворвалась в дом, были размером с кузнечиков.

– Вы не могли убежать, – кричала ведьма, озираясь и принюхиваясь. – Я знаю, вы прячетесь где-то тут. Я найду вас и вам не поздоровиться!

Она понюхала остатки зелья и расхохоталась.

– Ха-ха-ха! Вы перепутали рецепт и превратились в букашек! Что ж, тем хуже для вас! Теперь никто и никогда не услышит и не увидит вас!

Пока ведьма кричала и топала ногами, мальчик и хозяин подбежали к двери, которую ведьма забыла закрыть и выскочили наружу. Их обоих уже почти не было видно и поэтому, первый же лёгкий ветерок поднял их вместе с пылью в воздух и понёс над домами, так что они очень скоро потеряли друг друга из вида. Крыши домов, одна за другой, про-

плывали под мальчиком, а ветер всё нёс и нёс его, покуда не стих над городским базаром и Шарар не полетел вниз, но не быстро, а еле-еле, точно пёрышко и не приземлился точно на лоток торговца восточными сладостями. Сколь ни был мальчик напуган всем тем, что произошло с ним, он, первым делом, принялся уплетать сладости, которые походили на скалы и наелся ими так, что у него раздулся живот, и ему стало трудно дышать.

«Всё равно это лучше, чем быть ослом, – решил он. – По крайней мере, меня никто не будет бить и не отправит работать в каменоломни. Что же до пропитания, то тут мне хватит еды на тысячу лет и ещё останется...»

С этими мыслями, он сладко уснул на горе пахлавы, рахат-лукума и нуги. Но едва он сомкнул глаза, как почувствовал, что снова куда-то лети.

– Что? Куда? Зачем? – воскликнул он в растерянности, а когда увидел, что происходит, закричал что есть мочи, но его голоса никто не слышал.

Толстый мальчик, протянул продавцу мелкую монетку, потянувшись своими пухлыми пальцами к лотку, схватил понравившуюся ему сладость, на которой оказался Шарар, и сунул её в свой огромный рот.

Мальчик отчаянно уцепился за кусок пахлавы, но его сбросило с ней, и он со всего маху рухнул на что-то твёрдое и потерял сознание.

Шарар очнулся от крика толпы и топота ног.

– Драконы, драконы! Скорее! Готовьте копья! Готовьте стрелы! Драконы! Драконы!

Не понимая, что происходит, мальчик открыл глаза и сел. Вокруг него носились люди одетые в белые латы, и по всему было видно, что они очень взволнованны.

– Ты чего тут прохлаждаешься, – закричал ему один из воинов. – Где твои доспехи? Где твоё оружие? Ты что, не слышал – Зубные драконы снова атакуют Белый Замок! Скорей, на стены, все на стены!

Повинуясь этому призыву, Шарара поднялся, подобрал кем то обронённое белое копьё, и побежал за остальными, поминутно удивлённо озираясь. Всё вокруг было белым и гладким, точно поверхность бильярдного шара и он вдруг понял, что находится на поверхности зуба.

– Сюда, сюда, – послышались впереди крики и звон оружия. – Они здесь, они карабкается на стену! Все сюда! Скорей!

Вместе с другими защитниками Шарар подбежал к краю зуба и увидел, что как несколько десятков коричневых драконов ползут по белоснежным стенкам зубов справа и слева от него, цепляясь за них своими огромными когтями. Каждый раз, когда когти дракона цеплялись за зуб, на ней оставались царапины и трещины, но самое страшное было в другом. Уцепившись за зуб, драконы начинали вгрызаться в него, нороя прогрызть насквозь. Белые воины обрушивали на драконов град стрел и сталкивали их со стен своими ко-

пьями, но драконов было много, а защитников мало, и Шарар слышал, как хрустят стены Белой крепости под зубами ужасных драконов.

Бой продолжался двух часов, затем, драконы отступили, оставив на стенах борозды от когтей и выбоины от зубов.

– Мы победили, мы победили! – радостно закричал Шарар, который сам лично скинул в пропасть двух драконов. – Теперь они не посмеют снова напасть на нас!

– Ты многого не знаешь, друг мой, – печально усмехнулся стоявший неподалёку белый воин. – Они будут приходить снова и снова, и их будет всё больше и больше и однажды, я уже видел такое, им удастся прогрызть стену и тогда, мы уже не сможем защитить её. С каждым днём, отверстие будет всё больше и больше. Драконы проберутся в него, и будут расширять его изнутри, пока белая башня не потемнеет и не рассыплется в прах. Да, друг мой, так и будет...

– Но что же делать? Как же нам быть? Как нам укрепить стены?

– Мы не можем укрепить эти стены, – ответил другой воин, постарше. – вы воины и всё, что мы можем сделать, это сражаться день и ночь с драконами покуда у нас есть силы, но всё это бесполезно, пока драконов кормят.

– Но кто их кормит и зачем? – удивился Шарар. – Они же плохие!

– Ты будешь смеяться, – ответил старый воин, – но драконов кормит сам владелец Белого Замка. Эти существа очень

любят сладкое, и чем больше им его даёшь, тем больше их вылупляется и нападает на замок. Иногда, хозяин замка кормит их сладким по несколько раз за день и драконы атакуют его непрерывно, так что мы ничего не можем поделать. Смотри, какие страшные рубцы они оставляют на стенах! Да, эти стены крепки и мы – отважные воины, но если так будет продолжаться, то очень скоро, царапины превращаться в трещины, трещины в дыры, и тогда, залечить их сможет только огромное сверло, которого хозяин замка ужасно боится.

– Но разве нельзя как-то предупредить хозяина, что нельзя кормить драконов? – удивился мальчик.

– Наш голос никто не слышит, – ответил воин. – Мы слишком маленькие. Да и наш хозяин терпеть не может таких разговоров. Он просто любит есть пахлаву, рахат-лукум и пить сладкий шербет, после которого драконы обретают силу. Он надеется, что стены устоят, а если и заметит в них маленькую дырочку, то не спешит обратиться за помощью, хотя такое отверстие можно заделать за 20 минут и никакие драконы будут ему нестрашны ещё очень и очень долго. Эх, мальчик мой, если бы я был владельцем этого замка, уж я бы никогда не кормил этих тварей. Я бы ел фрукты и овощи и не пил бы сладкой воды и стены замка сияли бы как снег и были бы крепки как гранит.

В этот момент, огромный кусок халвы снова влетел в рот и спустя всего пару минут со всех сторон снова раздали крики

«Драконы! Драконы! Все на стены!».

– Теперь ты понимаешь, о чём я говорю, – сказал воин, поправляя свой шлем и крепче сжимая копьё. – И так каждый день! Никакая крепость в мире не сможет выдержать многолетнюю осаду, особенно если тот, кто владеет этой крепостью, кормит своего врага. Ладно, довольно слов, вперёд, друзья мои, драконы уже близко!

Битва вновь закипела на белых стенах, и в этот раз Шарар сбросил с неё своим копьём целых 7 драконов, но он видел, что этого мало, так как все стены были исцарапаны, а в одном месте, он с ужасом заметил, что стена крошится и образует проход внутрь. Дыра пока что была ещё не большой, и защитникам удавалось сдерживать атаки драконов, но он понимал, что так продлиться недолго и в этот момент он задумался.

«Но ведь я сам владелец Белого Замка и я сам, долгие годы кормил драконов, которые разрушали его. Только сегодня, я съел такое количество сладостей, что мне даже страшно представить, сколько драконов у меня сейчас во рту!»

Размышления мальчика были прерваны новой атакой драконов, а затем, ещё одной и только ночью воцарился покой. Белые воины чистили свои доспехи, запасались стрелами на утро и точили копьё, а Шарар прохаживался между ними и везде слышал одно и то же:

– Если бы я был хозяином замка, я бы не кормил драконов!.. Я бы кормил Зубных Фей, которые залечивают зубы

и полируют их своими мягкими тряпочками... Я бы всегда чистил их утром и вечером и навсегда бы забыл о леденцах!.. Если бы я заметил даже самую маленькую дырочку в стене, я бы сразу пошёл к лекарю и починил бы её... Я был бы мудрым и ответственным хозяином и мой самок сверкал бы и радовал глаз...

«Я буду таким хозяином, – размышлял Шарар. – Отныне, я не буду помогать разрушать свой собственный замок. Напротив, я буду делать всё, чтобы его стены были крепки, и тогда мне не нужно будет бояться лекаря на городской площади и сбегать из дому... Э-хе-хех, если бы я только снова оказался дома...»

В конце концов, Шарар уснул среди других воинов и проспал до самого утра, когда снова услышал же знакомые крики «Драконы!» и всё повторилось заново.

Шарар прожил вместе с защитниками крепости больше месяца, сражаясь бок о бок и видя, что, несмотря на все их усилия, драконы постепенно побеждают. В те редкие дни, когда драконов не кормили сладким, они были вялыми и немногочисленными. Стража легко сбрасывала их со стен, а зубные феи быстро стирали следы их когтей и в белом замке царил мир и спокойствие, но затем, всё начиналось по новой, и этой схватке не было видно конца.

Всё это время, Шарар не переставал думать о доме. Он страстно хотел попасть туда, но не знал, что ему делать. После долгих размышлений, он решил, что ему снова нужно

попасть в дом к ведьме и каким-то образом стать большим.

«Я не знаю толком, как я это сделаю, – думал мальчик, отдыхая между схватками с драконами, – но в любом случае, оставаясь здесь, я никогда не вернусь домой, а так, у меня будет шанс. Я буду незаметно наблюдать за ведьмой и рано или поздно, мне улыбнётся удача...»

Когда он объявил о своём уходе, многие расстроились, так как он показал себя храбрым воином, но он смог всё объяснить и поклялся, что отныне будет хороши хозяином и ни один дракон не получит сладости из его рук. Дело оставалось за малым – выбраться изо рта толстого мальчика, который обожал сладкое, но у Шарара был план. Он решил, что в следующий раз, когда мальчик чихнёт. Он, вместо того, чтобы прятаться, как делали все белые воины, наоборот подпрыгнет как можно выше и его вынесет наружу. «Чих» не заставил себя ждать долго и как только ветер стал набирать силу, Шарар помахал своим друзьям рукой на прощанье, выскочил из укрытия, подпрыгнул, что есть сил и ураган умчал его и выбросил наружу. Удача сопутствовала Шарару. Он вновь оказался на базаре, на груди инжира и на мгновение зажмурился, так как давно не видел солнце.

– Ура, – закричал Шарар, не боясь, что его могут услышать. – Я снова вижу солнце и небо! Какое счастье! Осталось, дожидаться колдуньи и запрыгнуть к ней в корзину.

Шарара забрался груды инжира и принялся ждать и на третий день колдунья появилась. Правда, она прошла очень

далеко от него, но теперь он знал её маршрут и впереди у него была целая неделя, чтобы преодолеть два десятка метров, до того ряда, где она проходила. Раньше, это показалось бы ему смешным, но теперь, это было целым путешествием, и он едва успел добраться до нужного места вовремя. По пути он дважды попадал под виноградопад, с трудом увернулся от персика, чуть не утонул в молоке, попал в сырное болото, чудом спасся от разъяренной мухи и целые сутки провёл в заточении под капустным листом. Но ему всё удалось и когда старуха проковыляла мимо него, он разбежался, прыгнул и сумел уцепиться за край её корзины, полной вонючих трав и кореньев. Оказавшись в доме ведьмы, он устроился в углу, недалеко от очага и стал наблюдать за всем, что происходило в этом жутком доме. Он выяснил, что колдунья очень недовольна его бегством, потому что без ослика, ей приходилось самой таскать дрова и поэтому, она хотела получить нового помощника, но боялась, так как новое исчезновение мальчика взбудоражит весь город.

– Я не повторю своей ошибки, – шипела она у плиты, думая, что её никто не слышит. – Нет... Я сделаю себе ослика из кого-нибудь ещё, например из жабы или крысы. Конечно, он не будет таким умным как ослик-мальчик, но зато, у меня не будет нужды привязывать его и вечно бояться, что он сбежит...

Старуха пробовала сделать ослика из жабы, но тот оказался слишком прыгуч и рассыпал её дрова, а ослик из крысы

всё грыз. Тогда она превратила в ослика соседскую кошку, но тот всё время пытался забраться на дерево. В бешенстве, ведьма испробовала всё, но каждый раз ослики были недостаточно хороши. Шарар недоумевал, почему колдунья просто не купит себе хорошего ослика на базаре. Он не знал, что колдуньям нельзя использовать обычных зверей и птиц, иначе, их могущество утратит свои силу и они превратятся в обычных старух. Уже обессилив от своих неудач, ведьма решила попробовать ещё раз и превратить в ослика маленького трудолюбивого муравья. Только муравей был слишком мал, чтобы сразу превращать его в ослика и старуха стала готовить увеличивающее зелье, чтобы сперва, сделать его размером хотя бы с небольшую собаку. Шарар понял, что наступил решающий момент, и он не должен медлить. Он придвинулся к самому очагу, готовясь улучшить момент и добраться до зелья.

Ведьма долго колдовала над котлом, добавляя травы и какие-то порошки, шепча заклинания и разводя руками и, под вечер, напиток был готов, и она поставила его на окно, чтобы он остыл, а сама пошла за муравьём. Шарар бросился к котелку и, обжигаясь, стал карабкаться по его стенкам. Это был не лёгкий труд, но он знал, что другого шанса у него может не быть и достиг-таки края посуды. Каково же было его изумление и радость, когда он увидел, что на краю котла уже стоит прежний хозяин дома, который тоже вернулся обратно, чтобы вернуть себе свой облик и прятался в соседнем

углу! Они обнялись, наскоро рассказали друг другу свои истории и, убедившись, что зелье достаточно остыло, и они не сварятся заживо, прыгнули внутрь. В эту самую минуту, в дверь вошла ведьма и от удивления остолбенела, увидев Шарара и хозяина дома. Не дав ей опомниться, они набросились на неё и заперли в шкаф.

– Скорее, бежим за подмогой, – крикнул хозяин, и они помчались к рынку, чтобы привести в дом стражников.

Они вернулись через полчаса, но когда ворвались в дом, обнаружили там только одного огромного муравья. По всей видимости, он случайно попал в разлившееся по полу зелье и вырос до исполинских размеров и съел ведьму, а когда ведьма выбралась из шкафа, набросился на неё и съел.

На этом, собственно, и заканчиваются приключения Шарара. Хозяин дома, тем же вечером сжёг все вещи колдуньи и снова зажил в своём доме, а мальчик, наконец-то, вернулся домой, где его уже не чаяли увидеть. От радости, отец купил ему столько пахлавых рахат-лукума, что от них ломился стол, но к его удивлению, мальчик съел только малюсенький кусочек и отказался от остального.

– Я больше не кормлю Зубных драконов, пап, – сказал он. – Принеси ка мне лучше яблок и груш, и я расскажу тебе всё, что со мной произошло, а завтра, я пойду на базар, к зубному лекарю, потому что я должен быть уверен, что стены моего замка крепки и им ничто не угрожает.

Папа вытащил из кармана очки и водрузил их себе на нос.

– Вот такая история, друзья мои. Как вам? И это всё – правда, уж будьте уверены. Зубные драконы существуют и горе тому, кто кормит их с утра до вечера.

– Что же, теперь даже малюсенький кусочек нельзя съесть? – жалобно спросила Варя.

– Малюсенький кусочек съесть можно, – улыбнулся папа. – Но если ты вдруг заметишь, что драконы всё же побеждают, не тратьте время понапрасну, и не прячьтесь от доктора, если вы конечно не хотите попасть в лапы колдуньи из Старого города.

Вертолёт

– Варя, Серёжа! Кто-нибудь, отберите у него клубок! – позвала из гостиной мама. Она сидела на диване и вязала папе свитер, а Степашка, точно маленький котёнок, незаметно утащил у неё клубок красных ниток и весело катал его по полу.

– Это просто наказание какое-то, а не собака, – пожаловалась на него мама. – То он клубок запутает, то погрызёт зонтик, то спрячет мои ботинки. Как с ним бороться?

– Просто ему скучно в городе, – сказа папа, на мгновение отрываясь от книги. – На даче он спокойнее... Правда, Стёпа?

Стёпа наострил уши и озорно твякнул. У него было отличное настроение с самого утра, с того самого момента, ко-

гда Варя и Серёжа тайком передали ему под стол свои котлеты. Стёпа проглотил их одним махом и благодарно облизал пальцы хозяевам. Приятная котлетная тяжесть до сих пор ощущалась у него в животе, и он был бодр и резв. Потеряв клубок, он мигом нашёл себе новую цель. Прокравшись за журнальным столиком, он внезапно атаковал папины тапки. Пока папа испуганно болтал в воздухе босыми ногами, Степашке удалось схватить один из них в зубы и умчаться в коридор. Там он забрался на шкафчик с обувью и притаился среди свисающих плащей и курток.

– Определённо, в прошлой жизни он был кошкой, – рассмехался папа. – Не удивлюсь, если однажды увижу его на люстре.

– Кстати о люстрах... – сказала мама, не поднимая голову от вязания. – Никто мне не скажет, почему она висит криво?..

Ребята переглянулись и сосредоточенно продолжили играть в шашки, а папа сделал вид, что не слышал вопроса.

– Понятно, – покачала головой мама. – Снова заговор. Наверняка опять ставили какие-то опыты. Признавайтесь, что на этот раз? Воздушный шар, самолёт, космический корабль?

– Почти угадала, – ответил папа, и по его губам проскользнула улыбка. – Мы испытывали игрушечный вертолёт. Я немного усовершенствовал его, чтобы добавить скорости, но, кажется, слегка не рассчитал траекторию...

– Сколько раз я просила вас не делать этого дома, – устало сказала мама. – Вам что, пустыря мало?

– Там холодно и ветер, – сказал Серёжа.

– Да, – кивнула Варя, и добавила серьёзным тоном. – Это ухудшает *аэроакадемические* свойства...

Мама на мгновение оторвалась от вязания и с удивлением посмотрела на дочь.

– Какие, какие свойства? – переспросила она.

– *Аэроакадемические*, – звонко повторила Варя, и все засмеялись.

– Пап, а кто придумал вертолёт? – спросил Серёжа.

– Люди, – ответил папа.

– Это понятно, – отмахнулся Серёжа. – Кто именно?

– И что это тебе понятно? – насупился папа. – Между прочим, первенство в изобретении вертолёта у людей давно оспаривают древесные гномы и сухопутные дельфины.

– Вау! – выдохнули ребята и, оставив шашки, подошлись к папе. – Расскажи нам про древесных гномов и сухопутных дельфинов!

– Охотно, – ответил папа, закрывая книгу и придирчиво осматривая свои очки в поиске пятен. – В своё время я даже хотел написать диссертацию о древесных гномах и получить докторскую степень, но это в прошлом... Впрочем, и о сухопутных дельфинах, я тоже немало слышал. К слову, сами они себя именуют *доронго-бами*, что в приблизительном переводе означает: *прощай вода*. С их слов, они вышли

на берег несколько десятков миллионов лет назад у берегов Южной Америки.

Со временем, доронго так хорошо научились передвигаться по суше, что вскоре перебрались в горы. Некоторые исследователи прослеживают их связь с культурой и обычаями древних инков, ацтеков и майя. К примеру, считается, что именно из-за них все эти древнейшие цивилизации Южной Америки так и не изобрели колеса. Дело в том, что круг был у доронго запретным символом, обозначающим смерть и забвение, и любое его изображение было под строжайшим запретом. Также доронго не имели в своём обиходе никаких металлических инструментов. Даже сложнейшие хирургические операции они делали с помощью остро отточенных камней и вулканического стекла.

При этом, доронго строили обсерватории, храмы и, само собой разумеется, бассейны, так как любовь к воде была у них в крови. К сожалению, от цивилизации доронго мало что осталось. Люди оказались более приспособленными к жизни на земле, и гораздо более коварными. Они вытесняли сухопутных дельфинов всё выше и выше в горы, так что постепенно, от былой империи остались лишь несколько разрозненных городов на недоступных вершинах. Именно тогда, у доронго появилась суровая необходимость в летательных аппаратах, позволяющих связать уцелевшие осколки цивилизации воедино. Они придумали планеры и воздушные шары, но те были слишком капризны и непригодны для надёж-

ного сообщения. Тогда доронго придумали самолёт, но идея осталась на бумаге, так как расчёты показали, что для такого чуда техники необходима длинная взлётно-посадочная полоса, которую было просто невозможно соорудить в горах. Крах, казался, неминуем, когда молодой изобретатель по имени Тескватуайя, что значит: Человек чьё сердце летит, представил совету старейших своё новое изобретение – *летатель*. Это было грубое деревянное подобие первых вертолётов, которое, по задумке конструктора, должно было принимать на борт 15 пассажиров и перевозить их по воздуху на расстояния около 200 километров. Идею одобрили, и изобретатель приступил к изготовлению надёжного двигателя, но не успел, так как в высотных городах вспыхнула эпидемия красной чумы. Всего за один месяц, две трети жителей погибли, а их тела превратились в чёрные, иссохшие, похожие на пепел мумии, которые разносил по горным ущельям ветер. Болезнь не щадила никого и тогда, оставшиеся в живых доронго в одну ночь покинули горы и двинулись к океану. Что было дальше никому неизвестно. По одной версии, они сели на корабли и взяли курс на Океанию, где и поныне живут среди тысяч тропических островов. По другой, при помощи морских дельфинов, их дальних родственников, чей язык они всё ещё помнили, им удалось спуститься на морское дно и построить там город, дав тем самым основание для легенд об Атлантиде. Как бы то ни было, одно известно точно – Тескватуайя не покинул родных стен. Он

бродил по пустынным улицам среди порхающего серого пепла и думал о том, как ему усовершенствовать двигатель, чтобы его *летатель* взмыл ввысь и унёс бы его от смерти и забвения.

Он умер как и все, быстро и легко. И, так же как и все обратился в горсть пепла, которую ветер разнёс по мастерской, где громоздилась громада незаконченного деревянного монстра, который мог бы спасти древнюю, загадочную цивилизацию.

– Мне так жалко бедных сухопутных дельфинчиков, – всхлипнула Варя. – Это несправедливо!

– Увы, – развёл руками папа. – Их история драматична, но она не нова. Многие цивилизации сгинули в глубине веков, и теперь нам остаётся лишь гадать, были ли воздвигнуты их города и храмы руками людей или иных, более мудрых, но менее удачливых существ.

– Я надеюсь, дорогой, – внушительно сказала мама, подавая Варе носовой платок и бросая на папу сердитый взгляд, – что история древесных гномов не будет такой мрачной...

– О, да, конечно, – переполошился папа. – С гномами всё было совсем по-другому, не волнуйтесь. Знаете, с ними вечно приключаются всякие комичные истории, и этот случай не был исключением.

Папа заново протёр свои очки и ухмыльнулся.

– Всё началось с потопа. Точнее, гномы сами устроили потоп, когда перегородили подземный ручей неумелой дамбой.

Они рассчитывали всегда иметь под ругой небольшое водохранилище, для полива сладкой плесени, из которой они делали варенье. Однако, вместо того, чтобы посоветоваться с бобрами, всемирно известными специалистами по строительству плотин, гномы решили, что никакой премудрости тут нет, и они отлично управятся сами. (А надо сказать, что гномы очень недолголюбивают бобров: им вечно кажется, что те смотрят на них свысока...) В результате, после первого же небольшого дождя, подземный ручей располнел, как Степашка после обеда, смыл хилую преграду на своём пути и затопил весь склад сушёных светлячков...

– А зачем гномам сушёные светлячки? – спросила Варя, прекратив шмыгать носом.

– Чтобы освещать ими дорогу в темноте, – ответил папа. – Конечно они не такие яркие, как свечи, но зато куда более безопасные. Правильно высушенного светлячка нужно лишь слегка намочить в воде и готово – маленький зелёный фонарик освещает вам путь в течение нескольких часов. Намокшие от наводнения светлячки засветились все разом и бестолку сияли весь день точно россыпь изумрудов, после чего погасли и оставили гномов без света. Но и эту беду гномы наверняка пережили бы, не начнись ужасное землетрясение... Позже конечно выяснилось, что мимо просто пробежало большое стадо слонов, но гномы были настолько потрясены обрушившимися на них бедствиями, что кое-кто стал поговаривать о конце света...

Гномы вообще легко поддаются панике и те бедняги, о которых идёт речь, не были исключением. Стоило одному из них неосторожно ускорить шаг, как побежали все, а когда кто-то крикнул «Караул!», началось форменное столпотворение. Гномы носились в потёмках, сбивали друг друга с ног, охали, ахали, потирали вспухающие на лбах шишки и совершенно не знали что делать. Тут то и прозвучал призыв выбираться на поверхность, которому последовали все. Спешно схватив свои пожитки, целое поселение гномов бросилось по подземным коридорам наверх, выскочило наружу и, так как была ночь, и кругом было совершенно темно, не сбавляя шага, стало карабкаться вверх по огромному дереву, думая, что они всё ещё находятся под землёй.

Заря застала бедолаг высоко в кроне могучего баобаба, в сотне метрах от земли, которой даже не было видно сквозь плотную завесу листьев. Когда лучи солнца коснулись перепуганных обитателей подземелья, они в ужасе сжались в плотный комок и приготовились умереть, но... ничего не происходило. Солнце продолжало приятно пригревать, свежий ветерок шелестел в листве, а в дебрях листвы весело заливались птицы. Перекусив теми припасами, что были у них с собой и, напившись росы скопившейся в больших листьях, гномы приободрились, так как нет более печального зрелища, нежели голодный гном, вынутый из-под земли.

– А тут не так уж и плохо, – заметил кто-то. – Только глазам немного больно, точно в них светят факелом, но зато тут

тепло и не пахнет червями. . .

– Так то оно так, – пропыхтел другой гном, – да только что мы будем есть на обед? У нас почти не осталось еды. . .

– Нужно тут всё хорошенько разведать, – предложили молодые гномы и отправились исследовать свой новый дом.

Само собой на самом баобабе они никакой еды не нашли, но спустившись ниже, обнаружили на соседних деревьях массу сладких фруктов. Раньше гномы только изредка лакомились ими, когда те падали на землю. Фрукты всегда были мятые, грязные, а подчас и гнилые, но сейчас, они могли срывать только самые сочные и красивые плоды и лакомиться ими, сколько их душе было угодно. Такая новость заставила замолчать даже самых мрачных скептиков, желающих поскорее вернуться под землю. Гномы удобно расположились среди ветвей и приступили к трапезе. Они успели изрядно набить животы, как вдруг, на них обрушился град гнилых персиков и мандаринов. То были местные мартышки, которым не понравилось соседство гномов. Он с самого утра наблюдали за ними из-за укрытия, не зная, что им предпринять, но увидев, что маленькие нахальные обезьянки в ярких костюмчиках и смешных колпачках воруют их фрукты, не выдержали и закидали их подпорченными плодами. Гномы спешно отступили и укрылись в большом дупле. Там они отёрли с себя фруктовую жижу и стали думать, что им делать дальше. Было очевидно, что мартышки теперь не оставят их в покое и будут постоянно им досаждать, но как

дать им отпор? Несколько гномов попытались также бросить в обезьян несколько апельсинов, но им явно не хватало сноровки. Мартышки обрушили на них шквал фруктов и гномы вновь отступили в дупло.

– Они слишком проворные, – сказал один гном, выковыривая из ушей персиковую кашицу. – Нам никак не совладать с ними. Они прыгают с ветки на ветку, прячутся за листвою, а затем внезапно выскакивают и метко бросают свои персики.

– Точно, – сказал второй, отплёвываясь от гнилого мандарина. – Они тут живут всю жизнь, а мы чужаки, того и гляди свалимся вниз. Нам лучше вернуться под землю. Вода скоро спадёт, и наши туннели высохнут. Да, там нет таких вкусных фруктов, но нет и этих несносных мартышек!

– А ещё, – заметил третий гном, потирая шишку на лбу, – нам мешает солнце, к которому мы не привыкли. Нет, нам точно не одолеть их...

– Пойдите, – сказал толстый гном, не жалевший возвращаться в холодные и мрачные туннели. – А что если поквитаться с ними ночью? Во мраке мы видим не хуже котов, а вот мартышки темноты боятся.

– Отличная идея! – поддержали его остальные. – Мы покажем этим хвостатым гномам как нас задирать. За дело, ребята, устроим им весёлую ночь!

Одни гномы принялись распускать свои шерстяные носки и вить из них тонкие, прочные верёвки, а другие, срезали

несколько тонких ветвей и принялись мастерить свистки. К вечеру, всё было готово. Когда закат запылал над саванной, мартышки оставили гномов в покое и поспешили на соседнее дерево, где они всегда проводили ночь. Гномы, скрытно, двинулись за ними следом. Когда окончательно стемнело и мартышки уснули на ветвях, несколько проворных гномов тихонько подобралась к ним, и связали шерстяной верёвкой хвосты всей обезьяньей стаей воедино. После чего, каждый гном взял в рот по свистку и по команде толстого гнома дунул в него что есть мочи. Перепуганные мартышки устроили дикий переполох. Они прыгали, путались в чужих и собственных хвостах, кричали, визжали и, оборвав, наконец, связывающую их верёвку бросились врассыпную. Гномы поздравили себя с победой, и пошли спать и с той поры лакомились свежими фруктами безо всяких неприятностей. Более того, если в округе появлялась новая стая обезьян, то стоило им только завидеть верёвку в руках хотя бы одного гнома, как они поднимали жуткий визг и спешно уносили ноги, так как знали, с этими странными существами шутки плохи. Ко всему прочему, гномы вскоре и сами выучились отменно бросаться фруктами и даже устраивали состязания по метанию груш.

Гномы легко научились устраивать себе дома из листьев и лиан, хотя, если была такая возможность, предпочитали селиться в дуплах. Жизнь под куполом неба пришлась им по душе. Только некоторые из них так и не смогли привык-

нуть к солнцу и ветру, и вернулись обратно, остальные же продолжили обустраивать свой баобаб и изучать окрестности, так как гномы ужасно любопытны. Но одно дело путешествовать по глубоким норам или ветвям деревьев, и совсем другое, спускаться на землю. Тут гномов ждали новые испытания и в первую очередь это были хищники. Леопарды с удовольствием охотились на крохотных человечков, и гномов спасало только то, что в силу своих внушительных размеров, эти хищники не могли забраться на тонкие ветви, способные выдерживали вес гномов. Однако настоящим бичом стали сервалы. Эти небольшие, проворные кошки могли преследовать гномов буквально повсюду, и остановить их мог только дружный вооружённый отпор. К счастью, по части вооружения, гномы всегда были на высоте. У них имелись мечи и палицы, а для защиты от сервалов они сделали себе отличные копья и никогда с ними не расставались. Мало-помалу, гномы начали забывать о подземельях. Предания о том, что когда-то давно все они жили под землёй стали казаться сказками. Их слушали, удивлялись, немного боялись, но мало верили.

«Как можно вечно жить в холодных и мрачных норах, не видя солнца и звёзд, питаясь вареньем из плесени и оладьями из жуков? – вопрошала молодёжь. – Это просто сказки для малышей. Мы всегда жили на деревьях, собирали фрукты, бились с сервалами и метали в цель груши по большим праздникам...»

Так, живя в кронах деревьев, гномы столкнулись с той же проблемой, что и сухопутные дельфины. Им необходимо было средство способное доставить их с одного, отдельно стоящего дерева, на другое, минуя при этом землю, где гномов поджидало немало опасностей. Отчасти, решение было найдено давно. Специальные плащи, которые носили гномы, позволяли им планировать меж деревьев, как это делали белки-летяги. Однако некоторые упитанные гномы, (а таких было большинство, так как гномы обожали сладкое) не могли спланировать дальше своего носа и им требовалось нечто более внушительное, нежели простой кусок ткани за спиной. Так началась эпоха изобретений.

Каких только странных приспособлений не придумали гномы, чтобы подняться в воздух. Это были прыгунки на деревянных пружинах, позволяющие скакать как кенгуру и подлетать на десятки метров. Затем появились подобия воздушных шаров, следом катапульты, позволяющие выстрелить гномом в направлении нужного дерева. Правда, если прицел был взят неверно, то бедняга, под общий хохот, улетал далеко в джунгли и возвращался обратно только под вечер весь исцарапанный и злой. Гномы пытались приделывать крылья себе на руки, приручать больших птиц, чтобы те носили их на спине и даже пытались парить над землёй при помощи одной только силы мысли, но лишь набили себе кучку синяков.

Наконец, после долгих лет мучений, всеобщее внимание

гномов завоевал новый проект под названием *вращекрыл*. Это был странный гибрид примитивного велосипеда и допотопного вертолѐта, где в качестве двигателя использовалась живая сила: четверо гномов одновременно крутили педали, чем приводили в действие четырёхпалый винт. Оболочка летательного аппарата была выполнена в виде корзины, что обеспечивало её лёгкость, хорошую вентиляцию, так как крутить педали на жаре было трудным занятием и эластичность, в случае если вращекрыл терял скорость и падал на землю. В целом, отдавая должное инженерному гению гномов, конструкция была весьма интересной, за одним исключением, поднять её в воздух никак не удавалось. Гномы меняли винты, корзины, увеличивали и уменьшали количество педалей, но всё было тщетно. В их расчёты явно закралась какая-то незначительная ошибка, но найти её так никому и не удавалось. В конце концов, идею вращекрыла забросили, и плетѐный прародитель вертолѐта остался висеть на ветвях гигантского баобаба, пугая птиц и служа детям качелями. Вскоре гномы создали канатную дорогу между деревьями и на этом окончательно похоронили свои мечты о покорении воздушной стихии. Впрочем, как мне иногда кажется, они не очень то и старались. Хоть древесные гномы и мнили себя особенными, в душе они всё равно оставались обычными гномами, которым уютная кровать и хороший обед дороже любых путешествий, пусть даже и на вертолѐте.

– Пап, пап, – спросил Серѐжа, – а когда люди придумали

вертолёт?

– Тут нет единого мнения, – ответил папа. – Одни говорят, что его придумали ещё в Древнем Китае, другие, что его автор Леонардо да Винчи, а я по-прежнему уверен, что это дело рук одного предприимчивого малого по имени Верто Леот, который, помимо изобретения вертолёта, придумал также губную гармошку, вареники и ботинки со шнурками. Как-нибудь расскажу и о нём!

Дым

– Скорей, – махнул рукой папа. – Мама в доме, нам нужно спешить...

Хихикающие ребята подбежали к двери парника и юркнули внутрь. В руках у них была большая связка зелёных бананов. Папа, оглядевшись по сторонам, последовал за ними, предварительно строго наказав Степашке:

– Сиди тут и карауль! Если что увидишь – предупреди нас. Понял?

Стёпа с самым серьёзным видом уселся у двери парника, показывая, что всё отлично понимает и готов участвовать в игре.

Провозившись пару минут внутри маленького парника, весёлая троица выскочила наружу и побежала ставить самовар. Степашка, всё это время внимательно разглядывающий большого жука на дорожке, побежал следом. Приближалось

время ужина и ему нужно всё держать под контролем...

– Как ты думаешь, она сразу заметит, – хихикал Серёжа.

– Не знаю, – смеялась Варя. – Мама очень внимательная...

– Держу пари, что она не сразу поймёт, что за странные огурцы вызрели у неё в парнике, – захохотал папа. – Главное, всё правильно преподнести...

Посмеиваясь таким образом, они быстро наполнили самовар шишками и вскоре, из его трубы повалил густой дым, означающий, что вечер не за горами как и следующая папина история.

– Папочка, – сказала Варя, протирая глаза от дыма, который попал её в глаза, когда она украдкой пыталась разглядеть в самоваре Огневого. – А зачем нужен дым? Он всем только мешает и щиплет глаза. Откуда он появился?

– О, – улыбнулся папа, – это очень интересная история. Я бы даже сказал – легенда. Ведь действительно, сначала огонь был просто огнём, безо всякого дыма. Он спокойно горел, освещая жилище и помогая готовить пищу, и все радовались теплу и свету, что он давал. Однако, как вы уже, наверное, знаете, некоторым людям вечно чего-то не хватает. Они постоянно стремятся усовершенствовать всё, что попадётся им на глаза и, порой, это приводит к самым неожиданным результатам...

Папа подбросил несколько шишек в самовар и присел на скамеечку. Стёпа уселся рядом и лизнул его в ухо. Папа поправил очки и продолжил.

– Одним из таких злополучных усовершенствователей был Сарим. Ему вечно не сиделось на месте, но вместо того, чтобы усовершенствовать что-то действительно нужное, он вечно занимался невсё чем. К примеру, уже в раннем детстве, он пытался усовершенствовать крылья у стрекоз, улучшить пение жаб, вырастить красную траву и сделать камни мягкими. Все думали, что малыш просто проказничает, и с возрастом это пройдёт. Родители даже представить себе не могли, что перед ними величайший мечтатель и авантюрист древности, который только начал делать свои первые, робкие шаги, на пути к усовершенствованию мира.

Когда Сариму исполнилось 17, он приступил к работе по выведению фиолетовой коровы, трёхглазой лошади и пятилапой собаки. Сей труд был им оставлен, после того как он споткнулся ночью о камень, разбил нос и взялся увеличить луну, что бы та сияла ярче и освещала дорогу. К сожалению, у Сарима не оказалось под рукой достаточно высокой лестницы, и его честолюбивым мечтам не суждено было сбыться, хотя, я абсолютно уверен, это усовершенствование действительно могло бы иметь грандиозный успех т.к. фонарей тогда ещё не было и в помине.

Неудача с ночным светилом не обескуражила предприимчивого юношу, и он целых пять лет усиленно создавал говорящих рыб, лающих кошек и мяукающих собак. Друзья стали покидать Сарима, как и надежда его родителей, что их сын станет когда-нибудь преуспевающим торговцем верблю-

дами, но юноше не было до этого дела. Он строил домики для звёзд, рисовал на воде и учил соседскую свинью лазить по деревьям.

После очередной неудачи (пытаясь помочь свинье вскарабкаться на забор, «учёный» упал и сломал руку), он полгода прожил тихо и мирно, а затем и вовсе женился. Родственники Сарима облегчённо вздохнули и устроили шумное торжество, но всего через день, в самый разгар медового месяца, природная страсть к совершенствованию вновь взяла верх Саримом, и он взялся за создание летающего осла – предвестника будущих транспортных самолётов. Истощенные ослиные крики едва не разрушили семейное счастье, но каким-то чудом брак всё же уцелел и у молодых даже появились дети.

Когда, одним утром, несчастный ослик сбежал от непризнанного гения, Сарим не расстроился и тут же с головой ушёл в работу по усовершенствованию больших пальцев левых ног, одновременно пытался изобрести механизм, позволяющий убирать рябь на воде и делать закат зелёным. Помимо этого, он ставил опыты по выращиванию беззвучных комаров, несъедобных арбузов и двухголовых лошадей, которые могли бы скакать в любую сторону без разворота.

Родные окончательно махнули рукой на Сарима, но он не отчаивался и решительно приступил к созданию бескрылых орлов, пресмыкающихся жирафов, а также, задался вопросом усовершенствования формы облаков и увеличения раз-

меров древесной тли.

Также, древние манускрипты сохранили записи о том, что Сарим пытался создать черепах-скороходов, сделать воду, в которой нельзя утонуть, вырастить деревья без корней и листьев и практически вывел голого ежа, но того съела лисица, которую он хотел сделать мышью.

День и ночь неутомимый естествоиспытатель трудился в своём сарае, иногда выскакивая оттуда с радостными криками, так как на ум ему приходила очередная идея как что-то улучшить, и он спешил записать её на песке, чтобы не забыть. Его энтузиазм и вера в себя были настолько невероятны, что однажды, ему почти удалось убедить жителей своего родного города посеять в пустыне халву, чтобы осенью снять богатый сладкий урожай. В последний момент затея провалилась и Сарима даже слегка поколотили, впрочем, сделано это было без особого рвения и злобы, так как все в городе знали, что он большой чудака.

Воистину, это был человек с огромным потенциалом и неукротимой верой в себя. Потратить он хотя бы одну десятую часть своей энергии на создание полезных и необходимых вещей для человечества, и лавры Леонардо да Винчи, несомненно, достались бы ему, но, увы, Сарим был верен себе и занимался совершенно бесполезными вещами. Результаты всех своих опытов он тщательнейшим образом записывал на песке и каждую ночь, ветер бесследно стирал их, готовя для безудержного авантюриста новый чистый лист, каждое утро.

В один из дней, когда наш герой задумчиво бродил по улицам, в поисках предмета для усовершенствования, он увидел запыхавшегося гонца, который спешно вбегал в город, чтобы оповестить его о приближающемся вражеском войске. Услышав дурную весть, горожане загудели, засуетились и спешно стали готовиться к обороне и один только Сарим стоял точно громом поражённый, обдумывая новую идею – создания огня от которого идёт дым.

«Если у огня будет дым, – рассуждал он, – необходимость в таких гонцах пропадёт. Можно будет просто зажечь огонь, и большой столб дыма оповестит город о приближающейся беде задолго её прибытия. Да, эта задачка по мне... Мне нужно срочно заняться этим, срочно!..»

Сарим помчался домой и немедленно начал ставить опыты, невзирая на то, что вражеское войско стояло у стен, и всем жителям грозила ужасная опасность. Проявляя истинные чудеса отваги и стойкое презрение ко всем лишениям, Сарим, всю осаду, которая длилась 399 дней, смешивал различные комбинации горючих материалов, изучал древние манускрипты и трудился не покладая рук, одержимый идеей дыма. На этот раз, его старания не пропали даром и однажды, над его сараем поднялся густой столб чёрного дыма, который был виден со всех концов города.

– Ура, ура, – кричал изобретатель, бегая вокруг своей горячей лаборатории. – Я сделал это! Я изобрёл его! Я разгадал тайну огня с дымом! Ура!

Жена не разделяла радости своего мужа. Вид охваченного пламенем сарая, с которого огонь вот-вот грозил перекинуться на их единственный дом, напугал её. Вместе с соседями, она принялась тушить пожар, уничтожая тем самым труд изобретателя, но Сарим успел выхватить дымящую головню из разваливающегося сооружения и помчался с ней к царскому дворцу, чтобы рассказать о своём удивительном усовершенствовании огня. Его долго не хотели пускать внутрь, но Сарим был не тот человек, которому можно было сказать нет. Всеми правдами и неправдами он попал в царские покои и наполнил их едким дымом, от которого у всех стали слезиться глаза, а его Величество изволило чихнуть.

Однако, к всеобщему удивлению, идея необычайно понравилась правителю, который был в отличном настроении, так как враг потерпел неудачу и начал отступление от стен города.

– Отличное изобретение, Сарим, – сказал царь. – Если бы имели его год назад, нас не смогли бы застать врасплох. Молодец! Я беру тебя на царскую службу и назначаю главным дымоведом государства. Продолжай трудиться, делай то, что считаешь нужным, и да убоятся нас наши недруги.

От таких слов, голова пошла кругом у Сарима и он, первым же делом, решил заменить у всех жителей города обычный огонь, на новый, дымный.

– Теперь каждый из вас сможет предупредить город, если возникнет такая необходимость, – объяснил он своё реше-

ние. – Даже если я случайно потеряю секрет огня с дымом (А я могу!), я с лёгкостью смогу одолжить его из ваших очагов и наш город всегда будет в безопасности.

Горожанам, только что пережившим долгую осаду, пришла по душе такая идея. Поначалу, конечно же, дым раздражал их и ужасно щипал глаза, но они решили, что пусть уж лучше в домах будет немного дымно, чем туда нагрянет неожиданный враг. Все дружно потушили свои очаги, и Сарим, точно Новый Прометей, лично обошёл каждый дом с дымящимся факелом в руке, торжественно зажигая дымный огонь, который он назвал *Стерегищим*.

Стерегищий огонь полностью оправдал себя, не раз предупреждая город от неожиданных атак кочевников и алчных соседей. Благодаря ему, царство росло и процветало, и Сариму были прощены все его прежние ошибки. Он стал уважаемым членом общества, и даже мог бы стать богатым, если бы не тратил все свои деньги на всё новые и новые усовершенствования...

Постепенно, новый чудо-огонь распространился по всему свету, заняв место прежнего и в какой-то момент, люди с ужасом осознали, что обычный, бездымный огонь навсегда ими утрачен. Они повсюду бегали в поисках обычного огня и даже объявили награду за его находку, но всё было тщетно. В последний раз его видели на первых Олимпийских играх в Древней Греции и с тех пор, он окончательно исчез из вида. Но самое главное, большинство людей настолько уверовали

в то, что нет дыма без огня, что и слышать уже не хотят о каких-либо изменениях в этой области. Им кажется, что все усовершенствования, это лишь чьё-то глупое чудачество, но, я верю, друзья мои, что однажды, найдётся очередной мечтатель, который заставит их изменить своё мнение о давно привычных вещах.

– А что было с Саримом дальше? – спросил Серёжа. – Он усовершенствовал ещё что-нибудь?

– Ха, – усмехнулся папа. – Сарим не сидел без дела. Имея под рукой царскую казну, он перепробовал множество идей. Он пытался усовершенствовать куриные яйца, чтобы те были квадратными и не скатывались со стола. Он солил озёра, чтобы разводить там морских рыб, и опреснял моря, чтобы запускать в них карасей и щук. Он хотел сделать звёзды чёрными, а ночное небо белым. Он десять лет ходил на руках, вместо ног, желая увидеть всё в новом свете, и всё-таки засеял пустыню халвой, но такого успеха как с дымом уже нигде не смог достичь. Правда, говорят, что Мёртвое море, что расположено в Израиле, его рук дело и ему удалось-таки изобрести воду, в которой невозможно утонуть человеку, но учёные всё ещё спорят на этот счёт. Также, утверждают, что именно благодаря Сариму возникли традиции плевать против ветра и дразнить гусей, но это чистой воды домыслы. Забавно, но сам Архимед на старости чрезвычайно заинтересовался трудами Сарима. По одной из легенд, он был пронзён мечом римского воина, в тот самый момент, когда

записывал на песке формулу бездымного огня, которую он заново открыл...

Степашка громко гавкнул и кинулся к маме, которая наконец-то закончила свои дела и вышла из дома. Папа быстро подмигнул ребятам и сделал скорбное лицо.

– Как дела? – весело спросила мама. – Всё хорошо?

– Всё нормально... – ответил папа, и негромко вздохнул. – Вот, самовар ставим...

Ребята промолчали, и стали сосредоточенно подбрасывать шишки в самовар.

– Что случилось? – сразу встревожилась мама. – Кто-то заболел? Вы что-то разбили? Потеряли? Сожгли?

– Да всё нормально, мама, не волнуйся, – пробубнил Серёжа, пряча от мамы глаза. – Всё в порядке...

– Да, – грустно ответила Варя. – Всё отлично...

– Да что случилось?! – окончательно разволновалась мама. – Отвечайте сию же минуту! Я же вижу, что что-то не так!

– Понимаешь... – начал папа. – Твои огурцы... Я же говорил тебе, что они какие-то...

Папа опять грустно вздохнул и покачал головой.

– Что с моими огурцами? – засуетилась мама. – Они высохли? Вы их случайно обрезали? Всё перекопал крот?

– Да нет... – сказал папа, – просто... Они, как бы это тебе сказать... Словом, тебе лучше самой посмотреть... Они стали очень странные... Может это какая-то мутация?..

– Мутация?! – воскликнула мама и кинулась к парнику. –

Какой ужас! Мои огурчики!

Весёлая тройца, стоически сдерживая смех, двинулась за ней.

– Ты бы взяла фонарик, а то уже стемнело, что ты там разглядишь, – заботливо предложил папа, но мама не желала ничего слышать.

– Что же могло случиться, – восклицала мама. – Может это удобрения? Или вода? Не нужно было их так часто поливать...

Встревоженная и озабоченная, она шагнула в парник и через прутья мгновений, оттуда раздалось:

– Ой! ой, ой, ой! Что же это такое? Что стало с моими огурчиками? Срочно, кто-нибудь, принесите мне фонарик! Вы слышите меня? Срочно!

Ошарашенная мама выскочила из парника, держа в каждой руке по большому банану, и непонимающе уставилась на них.

– Как? Что это? Что с ними такое? Это какая-то болезнь? Я не понимаю...

Её трагический монолог был прерван дружным хохотом.

– Что вы смеётесь? Что происходит? – удивилась мама. – Это... Это что же получается?.. Это бананы что ли, да?..

При слове «бананы», Серёжа упал на траву, и продолжил смеяться лёжа, а папа с Варей бегали вокруг, держась за животы. Степашка тоже участвовал в веселье и громко лаял. Успех был полный.

– Ну какие-же вы поросята! – сказала мама, порозовев до кончиков ушей. – И я тоже хороша... Как же я сразу не догадалась... Бананы...

Глядя на веселящихся ребят, она сама начала хихикать и вскоре смеялась громче остальных.

– Ох, – вздыхал папа через четверть часа, с трудом переводя дух и утирая слёзы. – В последний раз я так смеялся, когда мы повесили груши на твою любимую рябину и стали рвать их на глазах у соседки... Какое же у неё было лицо!

– Вы невозможные, – сказала мама, обмахиваясь руками. – Вы слышите – не-воз-мож-ны-е! Это просто безобразие!

– Зато с нами весело, – отозвался папа. – Кстати, ты когда-нибудь слышала про Сарима? Уверен, ему бы понравилось выращивать бананы на огуречных грядках.

– Я не знаю, кто этот ваш Сарим, – ответила мама, – но очевидно он тот ещё хулиган. И как вам только такое в голову приходит?!

– Просто мы стараемся немного усовершенствовать этот мир, – улыбнулся папа. – На наш взгляд, в нём явно ощущается нехватка смеха!

– И бананов! – захихикали ребята. – И кстати, мам, мы сегодня поливали помидоры, и нам показалось, что они тоже какие-то странные... Может, тебе стоит и их проверить, а?

Лучшее в мире лекарство

– Больно, – участливо спросил Серёжа, глядя как мама обрабатывает зелёнкой разбитые локти и коленку его сестры.

– Не очень, – поморщилась Варя. – Только щиплет сильно...

– Это потому, что девочкам не нужно лазить по заборам, – сказала мама. – Куда это ходит?

– А Вика с Галей тоже лазили, – запальчиво возразила Варя.

– Но они просто перелезли через него, а не пытались по нему гулять, – заметила мама. – Я ещё понимаю, когда это делает Серёжа, но ты...

– Я не виновата, – сказала Варя. – Просто подул ветер и я потеряла равновесие...

– Ты прямо как твой папа, – усмехнулась мама. – у него всегда виноват кто-то другой... Всё, можешь идти, но прошу тебя, не лазай больше по заборам. Или хотя бы не падай с них...

– Хорошо, мамочка, спасибо, – ответила девочка.

– Так, что тут у нас происходит? – слышался папин голос. – Ранение? Ты в порядке?

Папа бодро вбежал на веранду, а за ним вкатился Степашка, пытающийся сорвать с папиной ноги сандалий.

– В порядке, – ответила Варя, показывая папе зелёные локти и коленку.

– Чудесный цвет, – улыбнулся папа. – Очень тебе идёт...

Мама нахмурилась и рассерженно пихнула папу в бок.

– Я хотел сказать, – деланно спохватился папа, – что это, конечно же, никуда не годиться... В нашей семье никто никогда не падал с заборов, потому что мы все ловкие как кошки...

Мама гневно вскинула брови, но папа уже выскочил из беседки и спрятался за сосной.

– Напомни мне, пожалуйста, – крикнул он Варе, – и я дам тебе пару уроков заборолазанья, которые преподал мне твой прадедушка – великий мастер этого дела...

– Это просто безобразие, – воскликнула мама. – Чему ты их учишь?! Нельзя лазить по заборам. Это неприлично!

– Быть может, – засмеялся папа, – но какое же это детство, если ты не шалишь и не разбиваешь в кровь коленки?

– К вашему сведению, – гордо сказала мама, – я в детстве по заборам не лазила. Вот так.

– Охотно верю, – кивнул папа, выходя из-за своего укрытия, – но помнится мне, что кто-то рассказывал, как он купался в лужах после уроков... Кто бы это мог быть?..

Мама густо покраснела и сердито посмотрела на папу.

– Это было всего один раз, – буркнула она, – и мы к твоему сведению, мы вовсе не купались в лужах. Просто наш плот развалился, и мы с подружкой свалились в воду...

– Так вы ещё и плот построили, – захохотал папа. – Ну и видок, наверное, был у тебя, когда ты пришла тем вечером домой!

– Мы сразу же побежали домой к подруге, высушили наши вещи и даже успели их погладить, – улыbnулась мама. – Её бабушка нас не выдала.

– Пап, – спросил Серёжа, – а ты лазил по заборам в детстве?

– Не знаю как в детстве, – усмехнулась мама, – но на первое свидание вот этот вот субъект пришёл в разорванных штанах, потому что он, видите ли, опаздывал и решил пройти коротким путём, через парковую ограду...

– Я бы ни за что не упал, если бы не тот ужасный порыв ветра, который, по всей видимости, подстроили парковые колдуньи, – воинственно заявил папа. – Но им не удалось мне помешать! Я встретился с вашей мамой точно в назначенное время, хотя, признаю, что мои сверкающие доспехи слегка пострадали...

Мама махнула на папу рукой и закрыла аптечку.

– Я пойду в дом и прилягу, – сказала она. – От этой жары я совсем разбитая.

– А мы тогда выпьем по стаканчику холодного квасу, – предложил папа.

Степашка, заметив, что все направляются на кухню, поспешил присоединиться.

«На кухне вечно творятся всякие удивительные чудеса, – размышлял он, стараясь не отставать. – Только там, прямо мне на голову могут свалиться кусок сыра или пряник... Я люблю чудеса! Они вкусные...»

Папа вытащил из холодильника большую бутылку самодельного кваса и налил всем по стакану, а укоризненно посмотревшему на него Степашке дал кусок морковки.

– Папочка, – сказала Варя, потягивая жгучий, ледяной напиток. – А зачем мазать ранку зелёной? Чтобы красиво было?

– Разумеется, – кивнул папа. – Красота это вообще страшная сила, а когда она соединяется с наукой, то её просто невозможно остановить. От этой красоты микробы и погибают.

Папа на мгновение замолк и чему-то улыбнулся. Ребята весело переглянулись – их явно ждала новая папина история.

– Мне вспомнилась история, про одного забавного врача, который мечтал найти лекарство от всех болезней, – сказал папа.

– И он отправился в путешествие? – спросила Варя.

– Нет, – усмехнулся папа. – Это врач был абсолютно убеждённый домосед и ненавидел странствия. Он был просто убеждён, что свежий воздух, чистая вода, здоровый сон и физкультура только вредят человеку. Он день и ночь грезил таблетками и микстурами, которые способны сделать человека бодрым и жизнерадостным, и однажды, оставил все дела и решил посвятить остаток жизни поиску такого лекарства.

Верный своим принципам, он заперся в своей квартире, воздвиг огромные баррикады из книг и медицинских справочников и начал поиск. Он самоотверженно трудился каж-

дый день, не редко засиживаясь до поздней ночи и выпивал столько кофе, что заваривал его не в кофейнике, а в большой суповой кастрюле и черпал его половником. Он читал, читал и читал научные труды, начиная с древних китайских трактатов и заканчивая современными исследованиям, по крупицам собирая информацию, чтобы создать свой чудодейственный рецепт здоровья и долголетия. Так как у него было очень мало времени на готовку еды, врач ел только макароны и шпроты, запивая их литрами сладкого, крепкого кофе. Его труд продвигался весьма успешно, и он постепенно начал экспериментировать в своей домашней лаборатории, смешивая различные препараты и горькие микстуры, и испытывая на себе результаты своего труда. Он был уверен, что вот-вот откроет новое лекарство и осчастливит весь мир, но, каждый раз ему не хватало самой малости.

Как-то раз, своего коллегу пришёл навестить его знакомый. Он с интересом выслушал рассказ о том, как идут дела, прочитал записи, осмотрел готовые лекарства и рассмеялся.

– Дружище, – сказал он, – тебе не кажется, что ты напрасно теряешь время? Конечно, это очень здорово, что ты прочёл столько книг и трудишься в своей лаборатории круглые сутки, но посмотри на себя в зеркало? Ты стал толстым, ворчливым и постоянно жалуешься, что у тебя нет сил, и вечно болит голова. Может тебе стоит хотя бы ненадолго прерваться и пройтись подышать свежим воздухом?

– У меня нет на это времени, – буркнул доктор-изобрета-

тель. – Мне нужно больше трудиться, а чтобы побороть усталость, я просто буду варить две кастрюли кофе вместо одной и все дела.

– Слушай, – сказал его приятель, – я сам люблю пить кофе и есть макароны, но поглощать их в таком количестве вредно. Ты попросту заболеешь и попадёшь в больницу. Это я тебе как врач говорю. Купи себе хотя бы яблок, и не клади столько сахара в кастрюлю.

– Чепуха, – отмахнулся доктор. – Я сам врач и знаю что для меня лучше. К тому же, как только я изобрету своё лекарство, я мигом приму его и излечусь. Нет, сейчас не время останавливаться. Я чувствую, что я близок к цели, так что извини, мне нужно работать дальше. Пока-пока.

Изобретатель буквально вытолкнул за дверь своего друга, проглотил макароны со шпротами, сварил вторую кастрюлю кофе и продолжил трудиться в поте лица.

Он читал, смешивал, пробовал, перечитывал, переделывал и снова начинал всё заново. В какой-то момент, он обнаружил, что больше не влезает в свои штаны. Тогда он распустил их сзади, а вместо ремня стал использовать бельевую верёвку. Рубашки тоже не хотели застёгиваться у него на пузе, но он не обращал на это внимания и скреплял их скотчем, чтобы они не мешали ему трудиться.

– Я знаю, что я близок к разгадке, – бормотал он, бегая по квартире туда-сюда. – Знаю! Мне просто нужно выпить ещё немного кофе, принять аспирин и я закончу свою работу.

Когда его коллега снова навестил его, принеся с собой сумку с фруктами, он застал изобретателя мечущегося по квартире в поисках своей записной книжки.

– Где она, где она?! – вопил он, носясь как безумный, с выпученными глазами, распоротыми штанами и в рубашке скреплённой скотчем. – Я ничего не могу найти! Я ничего не помню! Что со мной!

– Успокойся, – сказал его друг. – Ты так суетишься, что у тебя всё валится из рук. Остановись на секунду, прошу тебя, а то у меня уже рябит в глазах от твоей беготни.

– Суечусь?! – завопил изобретатель. – Я суечусь?! Да я уже неделю ползаю как черепаха! Но ничего, вчера я заказал себе новую 10 литровую кастрюлю и теперь я сразу смогу сварить себе достаточно кофе и не тратить на это столько времени в течение дня.

Говоря это, доктор прихлёбывал кофе из огромной кружки, которая при ближайшем рассмотрении оказалась цветочной вазой, к которой он приделал ручку.

– Я ничего не успеваю, ничего, – кричал изобретатель, не в силах устоять на месте ни секунды. – Это просто кошмар. Иногда мне кажется, что время просто остановилось! Я даже почистить зубы не успеваю и сплю в одежде, стоя, чтобы не тратить время утром!

– А что же ты ешь? – спросил приятель.

– Шпроты, – ответил доктор. – Теперь я ем только шпроты, потому что макароны очень долго готовятся, а у меня со-

всем нет времени. О, если бы я только мог, вообще не есть! Это было бы просто чудесно!

Изобретатель продолжил носиться, сбивая всё на своём пути и непрерывно что-то бормоча.

– А как твоя работа, – спросил коллега. – Ты близок к цели?

– Как никогда, – прорычал доктор, наливая в свою вазу новую порцию кофе и бросая туда 46 кусочков сахара. – У меня порой такое чувство, что моя голова сейчас взорвётся, но я очень близок, очень. Я практически вижу формулу у себя в голове, но мне не хватает совсем чуть-чуть, понимаешь?! Самой малости! Но ничего, с новой кастрюлей я точно управлюсь за месяц и закончу работу к Рождеству. Я уверен.

– Рождество был три недели назад, дружище, – покачал головой приятель. – Послушай, я очень волнуюсь за тебя. Я понимаю, как для тебя важна твоя работа, но прошу тебя, прервись хоть на денёк, выпишись и поешь нормальную еду, что я тебе принёс. А ещё лучше, возьми отпуск на пару недель, и отдохни, как следует, а потом с новыми силами возвращайся к работе. Я даже могу помочь тебе, если ты согласишься сделать паузу. Ну, как?

– Две недели безделья, – закричал исследователь. – Две недели?! 20160 секунд ничегонеделья?! Да ты в своём уме?! У меня под руками колоссальный труд и никто, – ты слышишь, – никто не может сделать его вместо меня! Я не могу себе позволить даже жевать шпроты! Я их просто гло-

таю, а тут приходишь ты и говоришь, чтобы я всё бросил?! Нет, это решительно невозможно!

Изобретатель схватился за голову и снова пустился в бега.

– Послушай, – начал, было, приятель, понимая, что всё зашло слишком далеко. – Я ...

– И слушать ничего не желаю! – заорал полоумный доктор. – Я уже потратил на тебя уйму времени! Я сплю всего 3600 секунд в сутки, и ты украл у меня из них целых 300! Выметайся из моей лаборатории и не мешай мне заниматься наукой! Я покажу вам, лодырям, как нужно совершать открытия! Я вам всем покажу!

Он выпихнул опешившего друга на лестничную клетку, захлопнул дверь и не открывал её, несмотря на долгие настойчивые просьбы. В конце концов, приятель ушёл, а доктор продолжил свои исследования, смешивая трясущимися руками порошки, горстями глотая аспирин и запивая его кофе.

– Я сделаю это, – рычал он. – Я покажу этим лежебокам, как нужно трудиться! Я близок к цели! Я знаю! Я почти добился своего! Ещё немного! Ещё совсем немного!

Трудно представить, что творилось в квартире изобретателя в последующие дни, но судя по количеству упаковок от кофе и пустых банок шпрот, он устроил свои старания, пока, как того и следовало ожидать, его организм не взбунтовался и доктор не рухнул на пол без чувств. Забытая на плите кастрюля с кофе вскоре выкипела и начала подгорать, так

что из форточки его квартиры повалил дым. Пришедший навестить изобретателя приятель заметил его и вызвал пожарных, которые взломали дверь и вовремя потушили начинающийся пожар. Изобретателя вынесли на свежий воздух и доставили в больницу, где он беспробудно проспал целую неделю. Врачи были в шоке, когда взяли у него все анализы, потому что такого больного и истощённого человека они давно уже не видели.

– Он словно никогда в жизни не отдыхал и не ел ничего кроме консервов, – говорили они его приятелю. – Что с ним случилось? Он жил на необитаемом острове, где было только кофе, сахар и шпроты?

– В некотором роде да, – отвечал приятель. – Только на этот остров он высадился добровольно и категорически отказывался его покидать. Но он же поправиться?

– Буде надеяться, – ответил лечащий врач, – но на это потребуется много времени, а после того, как он выйдет из больницы, ему обязательно нужно будет отдохнуть где-нибудь в уединении и покое. Я бы прописал ему рыбалку, велосипед, прополку огорода и полное отсутствие всяческих волнений. И ему срочно нужно начать правильно питаться. Он едва уместился на носилках!

Когда горе-изобретатель очнулся, то был настолько слаб, что с трудом смог говорить.

– Скорее дай мне кофе... – прошептал он. – Срочно... Мне нужно домой... Я почти открыл лекарство... Почти от-

крыл... Кофе...

– Нет, дружище, – сказал приятель. – На ка лучше выпей немного морковного сока. Кофе тебе категорически противопоказан в ближайшие полгода.

– Сок... – пробормотал изобретатель. – Какой смысл пить сок... Мне нужно работать... Мои опыты... Мои бумаги... Человечество ждёт моего открытия...

– Твои опыты и твои бумаги едва не сгорели вместе с тобой, – ответил приятель. – Что же касается человечества, то уверяю тебя дружище, с ним ничего не случиться.

– Но моё лекарство... – жалобно простонал изобретатель. – Люди должны быть здоровы...

– А вот тут я с тобой полностью согласен, – улыбнулся друг. – Люди просто обязаны быть здоровы, но для этого, совершенно не нужны таблетки.

– Я не верю в это... – буркнул изобретатель. – Так не бывает... Любой врач скажет тебе, что нет ничего надёжнее горькой микстуры и противной таблетки, а если и это не помогает, то всегда можно поставить болезненный укол или клизму...

– Насчёт клизм не волнуйся, – засмеялся друг. – Я лично прослежу, чтобы тебе поставили не меньше дюжины, но затем, когда тебя выпишут, я покажу тебе своё лекарство от всех болезней и мы сравним, чьё лучше.

– Ты изобрёл лекарство от всех болезней?! – слабо воскликнул доктор и попытался приподняться. – Но как? Когда?

Оно в таблетках или в ампулах? Сколько его нужно принимать? До еды или после?

– Оно не в таблетках и не в ампулах, – загадочно улыбнулся приятель, – но принимать его нужно каждый день. Кстати, изобрёл его тоже не я. Впрочем, ты всё увидишь сам, а пока, отдыхай, кушай фрукты и ни о чём не переживай.

Через месяц незадачливый доктор настолько окреп, что мог самостоятельно кусать яблоко и ходить по больничному коридору. У него всё ещё немного кружилась голова, и иногда тряслись руки, но в целом, он чувствовал себя гораздо лучше, чем во время его лабораторных работ. Он с нетерпением ждал выписки, чтобы посмотреть новое чудодейственное лекарство, которое так нахваливал его друг. Едва выбравшись из госпиталя, он пожелал немедленного его увидеть.

– Я так и думал, – рассмеялся его приятель, встречавший его на своей машине. – Садись и поехали.

– Куда? – спросил исследователь и его глаза вновь зажглись лихорадочным блеском. – Может, сначала заскочи в кафе, и возьмём по стаканчику кофе? У меня к тебе столько вопросов, что наверняка это затянется на всю ночь.

– Никакого кофе, – строго сказал приятель. – Ты что, забыл, – ты на диете!

– Просто наука... – промямлил доктор.

– Наукой нужно заниматься спокойно, – ответил приятель. – Мы едем ко мне на дачу.

– К тебе на дачу, – раскрыл рот доктор, но потом понимающе кивнул. – А, я догадался! У тебя там секретна лаборатория, верно?..

– В некотором роде, – неопределённо пожал плечами приятель. – Хотя секретов там никаких нет. Поехали, я всё тебе покажу.

Они неспешно проехали по городу, свернули на шоссе и через пару часов были на даче приятеля, расположенной в глухом лесу.

– Отличное местечко для лаборатории, – радовался доктор, глядя по сторонам. – Только немного далековато от города.

– В этом весь смысл, – ответил приятель. – Тишина и свежий воздух, важная часть секретного лекарства. Без него оно может не подействовать.

Они выбрались из машины и открыли дом.

– Ну, где оно, – засуетился доктор. – Показывай скорей!

– Не спеши, – успокоил его друг. – Всему своё время. Для начала, нам нужно как следует подкрепиться. Пойди ка наколи дров на заднем дворе и затопи печь, а я пока разберу сумки. Как закончишь, принеси воды из колодца и наполни умывальник, а там и ужин поспеет.

Немного раздражённый доктор побежал колоть дрова, затем топить печь, носить воду и ел с такой скоростью, что только ложка свистела.

– Ну, теперь мы готовы, – спросил он. – Где лекарство?

– Погоди ещё немного, – улыбнулся друг. – После ужина нужно обязательно немного посидеть в беседке и выпить по стаканчику чая с мятой. Затем, я тебе всё покажу.

Они сели в беседке и выпили по несколько стаканов травяного чая, и тут выяснилось, что уже стемнело.

– Знаешь, – сказал приятель. – Моя лаборатория находится не дома, так что давай отложим поход туда на завтра. В темноте ты всё равно ничего не сможешь разглядеть. Мы лучше прогуляемся немного по переулкам, посмотрим на звёзды и пораньше ляжем спать, чтобы заняться наукой с самого утра.

После хорошего ужина и мятного чая доктор так разомлел, что охотно принял предложение своего друга, и они чудесно прогулялись, а потом уснули без задних ног. Утром приятель разбудил доктора чуть свет и позвал завтракать.

– Нам предстоит неблизкий путь, сказал он. – Давай подзаправимся овсяной кашей с бананами, выпьем зелёного чаю и двинемся в дорогу.

– Наконец то, – просиял доктор, чувствуя небывалый прилив сил. – А то я уже начал думать, что ты меня разыгрываешь, и никакой лаборатории нет...

– Есть, есть, – заверил его приятель. – И поверь мне, такой огромной лаборатории ты не увидишь ни в одном институте мира.

Они плотно позавтракали, а затем, приятель выкатил из сарая два велосипеда.

– Вот наш транспорт, – сказал он. – Лаборатория находится в глухом лесу, так что на машине туда не добраться.

– А что в рюкзаках, – полюбопытствовал доктор, с удовольствием вдыхая свежий воздух и прислушиваясь к пению птиц.

– Там всё самое необходимое для науки быть здоровым, – ответил приятель. – Поехали.

Они вскочили в сёдла и неспешно покатали через пре-красное поле, затем по берегу живописной реки, а после углубились в лес.

– Далеко ещё, – спросил доктор. – Я что-то немного устал...

– Это с непривычки, – отозвался приятель. – Но не волнуйся, моё лекарство даст тебе столько сил, что ты вскоре сможешь с лёгкостью проделывать втрое больший путь, если захочешь.

Они ехали и ехали и ехали, пока не остановились на берегу большого лесного озера, в чёрной воде которого отражались вековые ели.

– Какая красота, – ахнул доктор. – Так вот где ты спрятал свою лабораторию! Да-а-а, местечко отличное...

– Тс-с-с, – приложил палец к губам его приятель. – Ты распугаешь всех карасей...

– Кого, кого? – изумился доктор.

– Карасей, – ответил приятель, извлекая из рюкзаков две телескопические удочки и пару складных стульчиков. – Ско-

рее разматывай снасти, а то мы и так припозднились...

– Но... – пробормотал изумлённый доктор, – где же твоя лаборатория?

– Прямо перед тобой и вокруг тебя, – тихонечко засмеялся приятель. – Смотри ничего не сломай...

– А лекарство? – возмутился доктор. – Ты обещал показать мне лекарство от всех болезней?

– Ты уже его принимаешь, дружище, – снова захихикал приятель, – и готов поспорить с тобой на что угодно, что если ты будешь действовать в том же духе, то никакие хвори будут тебе не страшны.

– Но... но... – бормотал доктор. – Но это ненаучно!..

– Может быть, – пожал плечами его друг, – но это работает и лучшего средства тебе не найти, сколько бы ты кофе не выпил! А теперь, хватит болтать, у меня, кажется, уже клюёт...

– И тот доктор выздоровел, да, – спросила Варя.

– Ещё как, – засмеялся папа. – Всего одна неделя в этой чудесной лаборатории подействовала на него лучше, чем сотня уколов, а через месяц его нельзя было узнать. Он стал крепким, подтянутым, весёлым и спокойным и даже позволял себе выпить днём маленькую чашечку кофе. Вернувшись в город, он полностью изменил свой ритм, стал бегать по утрам, вовремя ложиться спать и каждые выходные проводить на свежем воздухе – кататься на велосипеде или на лыжах. И знаете, его дела быстро пошли в гору, хотя он и тратил на свою работу гораздо меньше времени. Он даже сделал

несколько важных открытий и написал книгу.

– Это просто какое-то чудо, – говорил он своему приятелю. – Я никогда в жизни не чувствовал себя лучше и при этом у меня на всё хватает времени! Вот так лекарство!

– Что я тебе говорил, – смеялся приятель. – Свежий воздух, здоровы сон и немного физкультуры заменят все таблетки мира, ведь как известно, если ты не найдёшь времени для отдыха, то найдёшь его для болезни! Верно, я говорю, а?

Грибные Гонки

Степашка вылетел из кустов точно метеор и пронёсся мимо Вари, едва не сбив её с ног и растоптав отличный подберёзовик, который она как раз собралась сорвать.

– Поросёнок! – крикнула девочка вслед Степашке, но тот был уже далеко. Свежий лисий след вскружил ему голову, и он носился по роще точно угорелый, рыча и фыркая.

– Не расстраивайся, – сказал папа. – У всех свои развлечения. Посмотри ка лучше вон под той ёлкой. Кажется, там притаился белый...

– Так нечестно! – раздался Серёжин голос. – Ты ей помогаешь! Каждый должен искать грибы сам, а потом посмотрим, кто больше собрал.

– Хорошо, хорошо, – поднял руки папа. – Я удаляюсь... Пройдусь вдоль оврага.

Папа поправил очки, лихо заломил свою походную шляпу

и пошёл в сторону, весело помахивая корзиной.

– Всё равно в этот раз я выиграю! – звонко прокричала Варя в сторону брата.

– Ха-ха-ха! – раздалось в ответ. – Даже не мечтай. Приз мой!

– Посмотрим! – запальчиво ответила девочка. – У меня уже 26 грибов!

– 32... – донеслось до Вари и она, гневно топнув ногой, удвоила свои усилия.

– Ребята, ау, все сюда. Пора перекусить и возвращаться.

Папа сидел на большом бревне и утирал с лица пот. Мокрый и грязный Стёпа лежал у его ног, вывалив язык. Он набегался до такой степени, что еле переставлял лапы и даже отказался от кусочка печенья. Хитрая лиса вновь обвела его вокруг пальца, запутав свои следы и ускользнув за ручей, но Стёпа был полон решимости поймать её... в следующий раз.

«Дай мне только как следует отдохнуть, и я тебя сцапаю! – думал он, погружая нос в прохладную, влажную от росы траву. – Теперь я знаю, куда ты убегаешь... Я бы тебя и сегодня поймал, но бревно через ручей слишком скользкое... Но ничего, ничего, от меня не спрячешься...»

Ребята показали на краю поляны, и устало двинулись к папе. Их корзины были полны грибов, и они украдкой заглядывали в лукошки друг друга, пытаясь понять, кто победил.

– Отличный улов, – сказал папа, бегло рассмотрев на их

добычу. – Молодцы. Кажется, в этот раз победителя будет непросто выявить. Ну, что начнём считать? Помните правила Грибных Гонок? Белый гриб даёт 3 очка, подберёзовики и подосиновики по 2, остальные по одному. Ядовитый гриб минус 10 очков.

– А какой сегодня приз? – поинтересовалась Варя, выставляя свои грибы на траву.

– Тебе-то что, – хмыкнул Серёжа. – Всё равно он мой.

– А вот и нет, а вот и нет! – разозлилась Варя. – В этот раз я выиграю, вот увидишь!

– Как бы ни так! – сказал брат и высунул язык. – Приз мой!

– Мой! – высунула в ответ свой язык Варя. – Мой, мой, мой!

– Давайте не ссориться, – вмешался папа. – Ешьте свои бутерброды и пейте чай, а я пока всё сосчитаю. Кстати, я тоже кое-что собрал, так что вполне возможно, что приз достанется мне...

– Без шансов, – покачал головой Серёжа. – У тебя всегда меньше всех...

– Это от того, что у меня очки спадают, – надулся папа.

– Нет, – радостно захихикала Варя. – Это от того, что ты вместо грибов постоянно считаешь ворон!

– Я просто люблю лесом, – пытался было возмутиться папа, но сам рассмеялся. – Вы правы, грибник из меня никудышный... Зато я видел лису, за которой гонялся Степашка. Она сделала круг, и сбежала за ручей. Стёпа целый час не мог

понять, куда она подевалась, а когда догадался, то уже так устал, что свалился с бревна в воду. Ну и видок у него был, я вам скажу!

Стёпа сделал вид, что не понимает о чём идёт речь. Силы постепенно возвращались ему, и он решил поклянчить у ребят бутерброды.

«Посмотрел бы я на вас... – подумал он. – Думаете это так просто, бегать на коротких лапках в мокрой траве? К тому же, лиса играет не по правилам, как кошки... Но лиса пока подождёт, главное сейчас, это стянуть бутерброд с сыром...»

– Пап, а грибы это растения? – спросил Серёжа, подливая себе чай кружку.

– Грибы, это грибы, – ответил папа. – Сейчас, когда они уже не могут ходить, трудно поверить, что у них была собственная цивилизация, но в любом случае называть их растениями не стоит. Они очень трепетно к этому относятся и в следующий раз могут начать прятаться от того, кто их так оскорбил...

Папа лукаво посмотрел на ребят исподлобья и, видя их живейший интерес, продолжил:

– Вообще-то, грибы инопланетяне. Они прибыли сюда на космических кораблях задолго до первых марсиан, но, увы, наша планета подействовала на них весьма скверно. Земля оказалась настолько удобной для жизни, что они попросту обленились. Сначала они разучились летать на Луну, затем прекратили строить новые города, так как под открытым

небом им жилось лучше, после этого, они забросили науку, предпочтя ей бесконечное созерцание окружающей их природы и, в конце концов, обленились настолько, что забыли, как ходить... Да, друзья мои, лень это великая сила. Подумать только, всего каких-то 500-600 миллионов лет назад, грибы прохаживались по Земле как хозяева, а сейчас, мы, люди, рвём их, чтобы сварить себе суп! Какая судьба, поразительно...

Папа горестно покачал головой, разглядывая крохотный маслёнок на своей ладони.

– Но в этом есть и хорошая сторона, – сказал он, после паузы, во время которой Стёпа почти стащил бутерброд из застывшей Вариной руки, но в последнюю секунду, девочка заметила его, и Стёпе пришлось сделать вид, что хотел просто рассмотреть пуговицы на её рукаве...

– Дело в том, что грибы, при всей своей образованности и начитанности, были ужасно воинственны. Они воевали по любому, самому незначительному поводу, а потом долго не могли понять, из-за чего был весь этот сыр бор. В одной из таких войн, к примеру, были полностью уничтожены серые грибы, старинные противники белых, которые были заметно больше и вкусней. К несчастью для себя, серые грибы взяли себе в союзники поганок, которые издревле славились своим вероломством. В решающий момент, поганки предали своих товарищей, и серые шляпки полетели с плеч, все до единой. С той поры с поганками никто не дружит. Другие грибы все-

гда растут отдельно от них, и при каждом удобном случае выражают им своё презрение. Но я хотел рассказать вам совсем другую историю, друзья мои. Это история простой сыроежки, которая не желала мириться с зазнайством одного весьма неприятного груздя, и сумела доказать всем, что она тоже, кое-чего стоит.

Папа отбросил в сторону трухлявый моховик и начал свой рассказ:

– Дело происходило в те времена, когда грибы уже достаточно обленились, чтобы путешествовать по воздуху и жили простой сельской жизнью, возводя себе незамысловатые дома из валежника, запрягая в свои повозки жаб, обмениваясь сообщениями при помощи почтовых мух и от души хохоча над проделками дрессированных кузнечиков по праздникам. Как и сейчас, грибы предпочитали селиться семьями, лисички с лисичками, мухоморы с мухоморами, а грузди с груздями. Однако, местами, грибы всё ещё жили большими поселениями, образуя подобие городов и в них, кое-кто очень любил задирать нос. Особенно этим отличались грузди. Им вечно казалось, что их недооценивают, и они при каждом удобном случае напоминали всем о своей исключительной значимости. Отчасти благодаря этому качеству, отчасти благодаря тому, что они держали в страхе и подчинении другие мелкие грибы, грузди имели большую власть и всюду совали свой нос.

Так было и в большом грибном поселении, которое вы-

росло на месте старинного грибного города Сируона-Ванна, что с древнегрибного переводилось как Зелёный Рай. Именно в этом месте первые грибы когда-то очень давно впервые ступили на поверхность Земли, и она показалась им настолько прекрасной, что они дали своему первому поселению такое чудесное имя. Как бы то ни было, но с тех пор минули тысячелетия и грибы сильно изменились. Хотя формально, власть в поселении принадлежала всем грибам, грузди заправляли всем и вся, а тех, кто вставал у них на пути, они изгоняли вон, используя для этого самые разнообразные трюки, начиная с ложных обвинений и заканчивая угрозами.

Впрочем, надо признать, что в большинстве своём всех всё устраивало. Те гордые одиночки, вроде белых или подосиновиков давно покинули селение, остальные же были довольны тем, что имеют и не желали думать наперёд слишком много.

И вот, однажды, одна жёлтая сыроежка, неспешно колесящая на своей тележке в сторону рынка, чем-то помешала толстому груздю, который мчался сломя голову наперекор всем правилам в своём экипаже, запряжённом двумя огромными жабами. Сыроежка еле успела свернуть свою лягушку в сторону, но её тележка всё равно была опрокинута, и весь товар, первосортные кружева, которыми грибы-модницы в то время украшали свои шляпки, вывалился в грязь. Между тем виновник аварии, даже не сбавил скорости и промчался мимо. Кружева были испорчены и сыроежка, в порыве гнева,

схватила кусок грязи и бросила его вслед своему обидчику.

– Наглец! – прокричала она. – Чтоб ты заплесневел!

На том всё и кончилось, но несколько свинушек, что прогуливались неподалёку, услышали слова сыроежки и передали их груздю. Тот немедленно впал в ярость.

– Это я-то наглец!?! – кричал он, синея от бешенства. – Я?! Ну я покажу этой гадкой сыроежке кто здесь настоящий гриб, а кто, жёлтое недоразумение! Позвать ко мне моих лисичек. Пусть они выведают всё что могут, про эту нахальную сыроежку, а я потом решу, как лучше её наказать...

Лисички быстро справились со своей задачей и рассказали груздю, что сыроежка живёт на окраине, в небольшом домике вместе со всей своей мамой и сёстрами. Все они вязали тончащие кружева, и сыроежка отвозила их продавать на рынок. В опрокинутой в грязь тележке была месячная работа её семьи, и она вся пошла насмарку.

– Невелика беда, – надменно хмыкнул груздь. – Из-за такой малости обзывать и бросаться грязью, да это просто неслыханно! Нужно преподать ей хороший урок. Пусть все узнают, что здесь самый главный гриб – груздь.

Когда в следующий раз сыроежка приехала со своим товаром на рынок, два крепких подберёзовика преградили ей путь.

– Сюда нельзя, – сказал один из них.

– Нельзя? – удивилась сыроежка. – Но почему?

– Мэр города издал указ, что все кружева, которые идут в

продажу, должны быть сначала проверены специальной комиссией, – ответил другой.

– Но зачем? – ещё больше удивилась сыроежка.

– Нам знать не положено, – ответили подберёзовики хором.

– И где же эта комиссия? – спросила сыроежка, поняв, что у подберёзовиков много не узнаешь.

– Вон там, – сказал первый подберёзовик.

– Да, – кивнул второй. – Там.

Сыроежка пожалала плечами и повернула тележку, куда ей было велено. Подъехав к небольшой, наспех сколоченной будке, она увидела очередь, состоящую из таких же как она торговцев кружевами. Очередь быстро продвигалась и сыроежка не увидела ни единого гриба, которому бы отказали в торговле. Однако, когда сыроежка подошла к небольшому окошку и протянула какому-то сморчку свои кружева на проверку, тот внезапно поднял жуткий крик, сказав что в жизни не видел такого ужасного товара.

– Простите, – сказала сыроежка, – вы, наверное, здесь новенький. Дело в том, что каждый на этом рынке знает, что мои кружева самые лучшие. Никто не может делать такие крошечные петельки как моя матушка, и никто не вяжет так быстро, и так ровно, как мои сёстры. Да и сама я могу...

– Слышать ничего не желаю! – перебил её сморчок. – Торговать кружевом запрещаю! Если хотите жаловаться, то обращайтесь к господину груздю. Это он посоветовал нашему

мэру проверять все кружева... Следующий!

Тут сыроежка начала понимать, что происходит, но без боя решила не сдаваться. Она стала обходить всех торговцев кружевом на рынке и просить их отправиться вместе с ней к мэру, чтобы замолвить за неё словечко.

– Если мы придём всё вместе, он нас послушает, – убеждала она. – Это же нечестно, когда одним можно торговать, а другим нет.

– Это не наше дело, – пожимали плечами торговцы. – У нас проблем нет.

– Да поймите же, поймите, – почти кричала им сыроежка, – завтра груздь может запретить торговать любому из вас. Нам нужно помогать друг другу.

– Вот когда запретит, тогда и будем помогать, – отвечали грибы, и за весь день сыроежке удалось договориться только с одним рыжиком, да и тот весь трясся от страха.

С такой поддержкой идти к мэру было бессмысленно и сыроежка, понутив голову, поехала домой. Там она рассказала про всё, что с ней приключилось, и одна из сестёр сказала её:

– Ты сама виновата. Не нужно было ругаться. Ты же видела что это груздь.

– Как ты можешь так говорить, сестрица, – воскликнула сыроежка. – Он же сбросил всю нашу работу в грязь! Мы целый месяц трудились!

– Ну и что, – упрямо ответила сестра. – Так мы хотя бы могли продать наши новые кружева, а теперь совсем ничего.

Говорю тебе, пойди и извинись перед господином груздем, да ещё отнеси ему нашего лучшего кружева в подарок. Он не злой гриб. Он нас простит.

Сыроежка едва не лишилась дара речи от таких слов и сочла за лучшее ничего не отвечать. Она только пообещала матушке, что всё будет хорошо, и они опять будут продавать свои кружева, как делали прежде. Но одно дело пообещать, а другое сделать. Сыроежка даже представить не могла, как можно заставить толстого груздя изменить своё решение. Послушать соседей, так в городе не было ни одного гриба, кто бы втихомолку не отзывался о нём плохо, но как только дело доходило до того, чтобы высказать свои претензии открыто, все точно воды в рот набирали. И всё же, сыроежка не теряла надежды.

– Я заставлю тебя пожалеть, о том, что ты сделал, – говорила она себе. – Думаешь, ты лучше всех остальных грибов? Ха! Придёт день, и весь город будет потешаться над тобой, *господин груздь*, вот увидишь!

И сыроежка начала действовать. Для начала, она подружилась с одной лисичкой, которая была без ума от кружев и готова была променять их на всё на свете. Она болтала без умолку, и рассказала сыроежке множество преинтересных вещей, в том числе и то, что господин груздь необычайно любил картины и мнил себя большим знатоком в области изящных искусств. В особенности ему нравились пейзажи и чем более странными они были, тем больше господин груздь

бывал восхищён. Втайне от всех он сам писал и его чердак был доверху заставлен его ужасными полотнищами, которыми груздь втайне чрезвычайно гордился.

«Когда-нибудь, – говорил он, думая, что его никто не слышит, – когда я буду мэром, я открою музей своих картин и заставлю каждого приходить в него с детьми по воскресеньям, а иначе...»

Груздь ещё не знал, что будет иначе, но был уверен, что он что-то придумает.

«Эти грибы такие послушные и глупые, – с ухмылкой размышлял он. – Стоит лишь немного припугнуть одного, подкупить другого и польстить третьему, как они все у твоих ног. Право, управлять ими так просто, что даже немного скучно...»

Пока груздь размышлял о своём музее, в голове у сыроежки созрел план, и она приступила к его выполнению. У одного знакомого маляра, она одолжила немного краски, кистей и нарисовала 10 невероятных пейзажей, где всё было поставлено с ног на голову, солнце светило синим, а трава была красной. После чего она уговорилась с одним старым шампиньоном, некогда блиставшим на театральных подмостках, чтобы он изображал из себя знатока картин, проездом оказавшегося в городе. Шампиньон был рад помочь, так как последний театр в городе был разрушен по приказу груздя, так как тот якобы портил вид.

Через свою знакомую лисичку сыроежка пустила слух о

заезжем свети́ле, знатоке грибной живописи и в скором времени, сам господин груздь возжелал видеть его в своём доме. Шампиньон был безупречен в своей роли. Он хмурил брови, кривил губы, задумчиво прохаживался перед полотнами, заложив руки за спину, и время от времени бормотал:

– Интересно, интересно... Но... Хм-м-м...

После чего снова надолго замолкал, и переходил к созерцанию следующей картины, так что никто уже не решался спросить его, что он имел в виду прежде. Груздь был в восторге от знатока. Она ходил за ним точно тень, и после того как шампиньон осмотрел всю его коллекцию, с замирающим сердцем повел его на чердак, чтобы знаток посмотрел его собственные работы.

При виде чудовищных пейзажей шампиньон невольно вскрикнул, но затем бросился к картинам и жадно впился в них глазами.

– Потрясающе! – сказал он, с трудом сдерживая смех. – Просто великолепно! Откуда они у вас? Чья это кисть?

– Моя... – краснея от волнения и удовольствия признался груздь. – Я, иногда, знаете ли, пишу...

– Вы не должны прятать эти потрясающие шедевры на пыльном чердаке, – властно заявил шампиньон. – Вам нужно открыть выставку. Я берусь всё организовать.

– О, это так неожиданно, – совершенно растаял груздь. – Но, это, наверное очень дорого?..

– Я организую всё совершенно бесплатно, – заверил его

шампиньон. – Искусство, друг мой, бесценно, а ваши картины это нечто!

Этими словами шампиньон окончательно завоевал доверие груздя. Шампиньон сказал, что у него есть некоторые важные дела, по завершению которых, он немедленно займётся немедленно выставкой, после чего груздь станет знаменитым.

Они расстались добрыми друзьями, и когда старик покинул дом, груздь от счастья едва не удвоил жалование слугам, но вовремя одумался и даже оштрафовал дворецкого за то, что тот был недостаточно учтив с гостем.

Два дня всё шло своим чередом, а на утро третьего, в дом груздя постучался весьма странный опёнок, который сказал дворецкому, что у него есть дело к его хозяину.

– Ну что ещё? – буркнул груздь, презрительно разглядывая скромный наряд опёнка. – Сразу предупреждаю, что если вы хотите просить милостыню, то я не подаю. Итак, что вам угодно?

– Я совершенно случайно услышал, что вы большой знаток искусства, господин груздь, – сказал опёнок. – Поэтому взял на себя смелость, предложить вам несколько малоизвестных работ одного автора, которые достались мне по наследству.

– Нашёл дурака, – хмыкнул груздь. – Ко мне каждую неделю приходят проходимцы вроде тебя и пытаются продать мне всякую мазню, под видом картин! Я тебя насквозь вижу!

– В таком случае, господин груздь, – с достоинством ответил опёнок, – вы должны видеть, что я не вру, а говорю чистую правду, однако, воля ваша и я могу уйти...

Природная жадность груздя взяла верх, и он нехотя кивнул:

– Ладно, показывайте, что там у вас есть...

Опёнок вытащил картину сыроежки и поставил её перед груздём. У того глаза полезли на лоб от удивления и возмущения.

– И это вы называете работой мастера? – вымолвил он, наконец. – Вот это?! Вот этот ужас?!

– Только из уважения к вашей репутации истинного ценителя искусства, я забуду то, что вы сейчас сказали, и повторюсь, да, это работа мастер, – ответил невозмутимый опёнок. – Однако я понимаю ваши сомнения, господин груздь. Признаюсь честно, когда я впервые увидел эти работы, я закричал от ужаса. Второй раз я закричал от счастья, когда узнал их стоимость...

– И сколько же они стоят? – сдержанно поинтересовался груздь.

Опёнок поманил его пальцем и прошептал что-то на ухо.

– Не может этого быть?! – хрипло прокричал груздь, вновь разглядывая картину. – Вот за это?!

– Да, – ответил опёнок. – И я готов уступить их за полцены.

– Четверть, – прохрипел груздь. – Четверть и эта картина

останется у меня, пока её не осмотрит мой эксперт.

– Половина, – покачал головой опёнок. – И картина останется у вас. И я сделаю вам хорошую скидку, если вы купите все 10 картин из этой серии. Только учтите, я очень спешу и если вы не готовы купить их завтра же, то я найду другого покупателя...

Едва опёнок покинул дом груздя, как тот немедленно послал за шампиньоном, а когда тот прибыл, силой потащил его к картине.

– Прошу вас, скажите, что вы об этом думаете? – спросил груздь. – Это имеет какую-нибудь цену?

Шампиньон замер у картины, а затем в большом волнении водрузил на нос очки, вытащил лупу и стал миллиметр за миллиметром обследовать полотно. За его спиной сгорая от волнения прыгал груздь.

– Ну, что? – поминутно спрашивал он. – Что скажете? А?

Наконец, после почти получасового молчаливого изучения, шампиньон повернулся к груздю и прошептал:

– Невероятно! Откуда это у вас? Это же Мухоморов-Поганкин, редчайший представитель грибного постмодернизма! Где вы его скрывали?

– О, – ответил груздь, – я стал её владельцем совершенно случайно и право, несколько смущён, настолько ли она ценна, как мне сказали...

– И сколько же, по-вашему, она стоит? – спросил шампиньон.

Груздь прошептал на ухо старому актёру цифру и тот воскликнул.

– Смело удвойте эту сумму, друг мой, а если вам удастся собирать всю серию этих прекрасных работ, то стоимость каждой из них утроится. Не знаю, как вам это удалось, господин груздь, но вы заключили превосходную сделку. Поздравляю.

– Так вы думаете это кисть мастера?..

– Без сомнения, – сказал шампиньон, вновь склоняясь к картине. – Посмотрите на эти сильные, широкие мазки. Их словно провели обычной малярной кистью. Это совершенно новая техника в грибной живописи. А цвета? Они будто бы нарочно небрежные и смазанные. Но в этом то и заключена гениальность. Нет, друг мой, это без сомнения настоящий шедевр. Эта картина просто обязана появиться на вашей выставке. Она благородно оттенит ваши работы и создаст необходимую атмосферу, которая...

Шампиньон говорил ещё очень долго и сладко, но груздь почти не слушал его. В своих мыслях он уже считал и пересчитывал прибыль, которую он получит после перепродажи всех картин и число получалось таким круглым, что затмевало всё вокруг. Одно было непонятно, где ему взять столько денег, чтобы купить эти 10 картин, потому что даже полцены было нешуточной суммой. Но потом его осенило:

«Я часто бываю у мэра, и знаю, где он хранит ключи от городской казны. Он заглядывает туда не чаще одного раза

в месяц. Уверен, он не будет против, если я ненадолго позаимствую их, а потом, незаметно, положу обратно. И вообще, скоро я сам стану мэром, так что эти деньги итак уже практически мои... »

Груздь помчался к мэру и обхаживал его до тех пор, пока не получил возможность стащить ключи. Остальное было делом техники, так что к следующему утру у груздя была вся требуемая сумма. Опёнок появился точно в срок, привезя с собой остальные 9 работ, которые шампиньон, присутствующий при сделке, нашёл «восхитительными». Деньги перекочевали в карман опёнка, картины в руки груздя, все выпили по бокалу лучшего лимонада и расстались.

Не желая терять ни минуты, груздь тотчас же послал сообщения дюжине известных коллекционеров, намереваясь провести среди них аукцион и продать им свои картины за самую высокую цену.

На следующий день, к полудню, дом груздя окружили самые изысканные экипажи, запряжённые наибо́льшими жабам и беговыми лягушками. Кучера-вешенки в малиновых ливреях важно восседали на передках и свысока смотрели на собравшиеся поглазеть на них обычные грибы.

Когда все 12 коллекционеров прибыли в дом и заняли свои места на расставленных полукругом стульях, перед ними появился господин груздь и с любезной улыбкой сообщил, что хотел бы представить их вниманию несколько малоизвестных работ прославленного мастера Мухоморова-По-

ганкина. Публика оживилась. Это имя было у всех на слуху. Каждый из собравшихся в зале был не прочь заполучить его работы в свою коллекцию и груздь с удовлетворением заметил, как алчно сверкнули глаза его гостей.

– Однако, друзья мои, – сказал он с самым прискорбным видом, – у меня есть одно небольшое условие.

– И какое же? – буркнул старый, толстый маслёнок, вытирая свою липкую шляпку.

– Картины не продаются поодиночке, – вздохнув, ответил груздь. – Только все разом... Некие обстоятельства не позволяют мне поступить иначе...

– К чёрту ваши обстоятельства, – подал голос ворчливый трюфель. – Показывайте ваши картины, а мы посмотрим, что можно сделать...

Груздь почтительно склонил голову и поочерёдно стащил чёрные покрывала с 10 висящих за его спиной картин. В комнате повисло тягостное молчание. Было так тихо, что можно было услышать как скребётся маленький червячок, уже который год живущий в шляпке пожилого боровика.

Груздь внимательно наблюдал за грибами, стараясь понять, кто из них наиболее заинтересован в покупке, но выражение лиц коллекционеров было весьма странным. Таковыми бывали лица его племянников, когда им вместо сладкого пирога предлагали горькую микстуру то кашля.

Первым не выдержал белый гриб.

– *Что это такое,* – произнёс он с плохо скрываемым

отвращением в голосе. – Потрудитесь объяснить, господин груздь! Я не затем провёл в дороге всю ночь, чтобы участвовать в ваших дурацких розыгрышах! Где картины?

Груздь похолодел и пробормотал заикаясь:

– Но позвольте, это Мухоморов-Поганкин...

– Это чушь собачья! – закричал белый. – Немедленно покажите настоящие картины или я сию же минуту уезжаю и больше никогда не переступлю порог этого дома!

– Да, голубчик, – сказал боровик, – хватит этих шуток. Путь и вправду был неблизким, так что давайте ка сразу приступим к делу...

У груздя потемнело в глазах, и он залепетал умоляющим тоном:

– Но я не шучу... Это те самые картины, что я хотел вам продать... Мой эксперт сказал, что...

– Ваш эксперт болван, – звучным басом произнёс маслёнок, вставая и направляясь к дверям. – Идёмте, господа, по моему, тут всё предельно ясно. Мы зря потратили своё время и напрасно доверились господину груздю... Счастливо оставаться.

– Пойдите! – фальцетом закричал груздь. – Да посмотрите же на эти чудесные маски, на краски, на...

– Мой кучер нарисовал бы лучше, – усмехнулся крохотный, сухой подосиновик. – Впрочем, может это он и нарисовал? Пойду, спрошу его... До свиданья.

Гости начали расходиться, оставив груздя в полубезум-

ном состоянии наедине со своими шедеврами. Но не успел стук колёс их повозок смолкнуть окончательно, как владелец дома услышал, что к подъезду подкатил новый экипаж. Безумная надежда озарило лицо груздя, и он с радостным криком бросился к двери:

– Я знал, что вы пошутили, знал! Я... – груздь запнулся на полуслове и попятился. На пороге стоял начальник городской охраны в сопровождении дюжих подберёзовиков.

– Господин груздь, – сказал он сухим, деловым тоном. – Мэр города хотел бы задать вам несколько вопросов. Прошу вас следовать за мной...

Груздь попытался сказать что-то в своё оправдание, но у него получилось только прошипеть нечто невразумительное, и поникнуть на руках подберёзовиков, точно внутри него сдулся большой воздушный шарик.

У мэра груздя ждал ещё один неприятный сюрприз. Там стояла насмешливо улыбающаяся сыроежка, а за ней, его старый знакомый шампиньон и опёнок.

– Это они, – завопил груздь. – Это всё они подстроили! Я не виноват! Все деньги у них! Это они жулики, не я!

– Довольно, – оборвал его мэр. – Я всё знаю. Деньги, которые вы украли, уже возвращены в городскую казну. Боже мой, господин груздь, а ведь я хотел предложить вашу кандидатуру на пост нового мэра! Страшно даже представить, что бы случилось с нашим городом, займи вы это место. Каким же я был недотёпой, что слушался ваших советов! К сча-

стью, у нас ещё остались достойные грибы, вроде этой очаровательной сыроежки и её друзей, а это значит, что у нас есть будущее...

На этом закончилась история противостояния маленькой сыроежки и важного груздя, который слишком много о себе мнил. Остаток своих дней он провёл за решётчатыми окнами городской тюрьмы, что выходили на дорогу, ведущую к рынку, так что каждое утро он мог видеть, как под ними проезжает на своей тележке маленькая жёлтая сыроежка, распевая весёлую песенку. Вот так.

Папа встал и отряхнул колени.

– Ну, кто на этот раз выиграл? – затаили дыхание ребята.

– По старой, уходящей вглубь веков традиции, – тоном герольда начал папа, – меньше всего грибов собрал... я. всего 52 штуки и я получаю 65 очков. Хотя, по правде говоря, я ухитрился подобрать одну маленькую поганку, так что на деле, и того меньше...

Папа чинно раскланялся, принимая дружные аплодисменты ребят и продолжил:

– По той же традиции, больше всего грибов собрал Сергей... 71 штука. Поздравляю. У тебя 101 очко.

– Ура, ура! – запрыгал мальчик. – Я же говорил, что снова выиграю!

– ...однако, – выдержав паузу, произнёс папа, – Варвара, собравшая всего 62 гриба, набрала в три раза больше белых, и, таким образом, зарабатывает целых 108 очков и побежда-

ет в очередной Грибной Гонке. Ура, новому чемпиону!

Папа расцеловал Варю, Серёжа пожал ей руку, признавая своё поражение, поле чего, папа стал рыться в своём рюкзаке в поисках главного приза.

– Странно... – пробормотал он спустя минуту, – я же точно помню, что положил шоколадный кекс с изюмом в боковой карман, а сейчас его там нет...

– Стёпа! – разом вскрикнули все трое. – Где этот поросянок! Стёпа, ты где?! Отдай приз! Фу! Отдай немедленно! Степашка!

Степашка высунул голову из соседних кустов и самым невинным видом посмотрел на своих хозяев. Весь его вид как бы говорил, что ни о каком шоколадном кексе с изюмом он отродясь слышать не слыхивал, но крошки в бороде выдавали преступника.

– Стёпа, Стёпа... – укоризненно покачал головой папа. – Как ты мог... Это же был наш приз.

Стёпа высунул свой розовый язык и склонил голову набок. Его глаза хитро поблёскивали.

«Может он и был ваш, – подумал скотч-терьер, – но съел то его я, а значит, я и выиграл! И вообще, это нечестно считать эти ваши дурацкие грибы. Они невкусные... Вот если бы в лесу вместо них росли говяжьи сардельки, я бы точно победил... Конечно, если бы лиса мне не подкладывала мне мокрые брёвна... Да-а-а, устроить Большие Сарделечные Гонки это было бы здорово!..»

Дама и Рыцарь

Папа сидел в кресле, нахохлившись, точно воробей на морозе и маленькими глотками пил горячую воду с лимоном. Его шею укутывал тёплый шарф, на ногах были шерстяные носки, а на голове тёплая фетровая шляпа.

– Ну, сколько там? – спросил он маму, разглядывающую только что вынутый у него градусник. – Не менее 39, я полагаю. Мне очень, очень плохо...

– 36,8 – сказала мама, поджимая губы, чтобы не улыбнуться.

– Сколько, сколько?! – подпрыгнул на месте папа. – Не может этого быть! Дай я ещё подержу.

– Ты и так держал его 20 минут, – заметила мама.

– Значит, он сломался, – буркнул папа. – Я же чувствую, что ужасно болен...

Мама переглянулась с Варей и пожала плечами.

– Ну, раз ты чувствуешь...

– Да, чувствую, – запальчиво сказал папа и шумно высморгался. – У меня грипп или того хуже. Ох уж эти болота! Вечно тут все болеют.

– Пока что ты единственный кто заболел летом за все эти годы, – певуче отозвалась мама, уходя на кухню.

– Неправда, – воскликнул папа. – В прошлом году Степашке тоже было плохо...

– Просто он съел целую банку сгущёнки, которую кто-то оставил на стуле... – донеслось с кухни.

– Это неважно, – наморщился папа. – Он страдал, и я тоже страдаю! Варя, милая, налей, пожалуйста, папе ещё горячей воды с лимоном. Мне так плохо...

Папа вздохнул и обессиленно откинулся на спинку кресла. Варя взяла стакан, налила воды из чайника и поставила его рядом.

– Спасибо, моя хорошая, – слабым голосом проговорил папа, закрывая глаза. – Только ты меня понимаешь...

– Вообще то, – сказала Варя. – Когда у Серёжи была такая температура, ты сказал что ему можно идти в школу.

С кухни донёсся сдавленный смешок, а папа выпрямился на кресле и трагически схватился за голову.

– Никто меня не понимает, никто! Только Степашка... Кстати, где он?

– Он ушел с Серёжей на рыбалку.

– Я всеми брошен, – продолжил причитать папа, – всеми... Даже любимой собакой... Что же мне делать?

– Сварить мне кофе, – сказала мама. – Ты любишь говорить, что забота о других, помогает забыть о собственных трудностях. Самое время продемонстрировать это на деле.

Папа почесал нос, задумчиво повертел в руках свои очки, а затем решительно поднялся.

– Хорошо, – сказал он с видом короля в изгнании. – Я сварю вам кофе. Пусть я после этого распластаюсь без чувств,

но ручаюсь, он будет великолепен!

Кофе с зефиром заметно улучшил папино настроение. Он стянул шерстяные носки, шляпу, но категорически отказался снимать шарф.

– Это мой оберег, – заявил он, допивая третью чашку и опустошая коробку зефира в шоколаде. – Он спасёт меня от злых духов, которые приносят болезни.

– Болезни приносят микробы, – уверенно заявила Варя. – Нам учительница в школе рассказывала.

– А не рассказала ли вам случайно ваша замечательная учительница, – сказа папа, – про храброго кавалера Жерара Маре, по прозвищу рыцарь в Шарфе и о его прекрасной даме, Изабелле Лакруа?

– Нет, – помотала головой Варя. – В школе только неинтересное рассказывают...

– В таком случае, вам обеим будет интересно услышать эту чудесную историю, в которой одна простая девочка превратилась в знатную даму, а отважный юноша в настоящего рыцаря.

– А они поженились потом? – спросила Варя с горящими глазами.

– Э-э-э, – замялся папа, – ещё не знаю... В смысле, история умалчивает этот факт... Короче слушайте. Давным-давно, когда замки и ветряные мельницы были обычным делом, а на картах были подробно указаны пути к тем местам, где водятся драконы и великаны, жил был молодой человек, ко-

торый отчаянно мечтал стать рыцарем. Он был смел, силен и предан, но, увы, по строгим законам того времени, этого было недостаточно. Чтобы стать рыцарем непременно требовалось быть родовитым дворянином и иметь хотя бы самый крошечный замок. Однако Жерар не переставал верить, что судьба улыбнётся ему. Он каждый день упражнялся в верховой езде, фехтованию и подолгу представлял себе, как он ухаживает за своей дамой сердца, которая также непременно должна была быть у каждого стоящего рыцаря. Братья потешались над ним и именовали его «шевалье». «Шевалье не желает отведать пареной репы? – говорили они, когда он вечером садился за ужин. Или – «Ваша светлость не соизволит выплеснуть это помойное ведро?»

Жерар хмурился, но держался молодцом, и упрямо продолжал верить, что его мечта осуществима.

– Всё равно я стану рыцарем, – говорил он себе, покачиваясь без седла на спине их старой кобылы Люси. – Стану и всё тут...

Он не мог знать, что далеко-далеко от него, в небольшом городе на берегу большой реки жила Изабель, мечтавшая стать знатной дамой, которую полюбит отважный рыцарь. Она была дочкой прачки и по всем правилам, конечно никак не могла ей стать. Однако она тоже верила, что её мечта осуществима, и каждую ночь представляла себе, каким он будет, её рыцарь. Кузины дразнили её каждый день, и когда на её переднике случалось появиться пятну, они наперебой

предлагали свои услуги, чтобы помочь «бедной баронессе».

«Знатные дамы не должны утруждать себя, – с серьёзными лицами говорили они. – У них полно слуг. Давайте мы вам поможем, баронесса...»

Но вместо помощи, они мазали её фартук сажей, и Изабелле стоило немалого труда отчистить его.

– Ничего страшного, – говорила она себе ночами. – Они просто не знают, то, что знаю я. Стать знатной дамой может каждая девочка, нужно только как следует захотеть и не терять надежду. Не терять надежду...

Время шло. Отважному Жерару исполнилось 18 лет, а прекрасной Изабелле 16. Они по-прежнему жили своими жизнями и верили в мечты, когда в королевстве разразилась война. Рыцари одного знатного рода, на гербах которых красовался подорожник, выступили против других, не менее знатных рыцарей, на чьих гербах красовался щавель. «Подорожники» называли «щавельнистов» мятежниками, а те в свою очередь, называли их изменниками.

Обе стороны собрали под свои знамёна внушительные армии и бились друг с другом не щадя сил и жизней, хотя никто толком не мог объяснить почему именно они это делают. Жерар понял, что настал его счастливый час. Он простился с семьёй и отправился на войну, где вскоре, благодаря своей отваге и преданности, стал оруженосцем одного знатного толстого рыцаря, большого любителя пиров, турниров и войны. Правда, для всего этого он был уже слишком стар и толст,

и не мог без посторонней помощи ни влезть на лошадь, ни спуститься с неё, но был готов драться с каждым, кто бы усомнился в его силе и ловкости. Он пропустил большинство сражений, так как вечно просыпал, а если ему и иногда удавалось встать вовремя, то он никогда не выходил из своей палатки, не позавтракав плотно. Ел Гийом много и обстоятельно, отдавая дань каждому блюду, а потому к тому моменту, когда он был сыт, одет и взгромождён при помощи четырёх слуг на своего коня, битва обычно заканчивалась.

– Чёрт знает что такое! – ругался он, узнав, что опять опоздал. – Придётся опять выпороть слуг, за то, что они не разбудили меня вовремя. Подумать только, война идёт уже несколько месяцев, а я до сих пор в ней не участвовал! Безобразие...

Расстроенный и голодный, он возвращался обратно, грозился высечь слуг, но те вовремя подавали клюквенный морс и жаркое, и толстяк Гийом откладывал наказание «на потом».

А потом были фазаны, куропатки, фаршированные яйца, ветчина, сыр, пироги, ещё пара кувшинов морса, так что, в конце концов, храброму рыцарю оставалось только одно – спать – что он и делал, а проснувшись, немедленно садился ужинать, так что для расправы со слугами у него просто не оставалось времени.

Лишь однажды, судьба улыбнулась ему. Его ужин настолько затянулся, что когда пришла весть о грядущей битве, Гий-

ом всё ещё был на ногах.

– Превосходно, – воскликнул он, разгорячённый чаем и жареной индейкой с каштанами. – Седлайте моего коня, несите мои доспехи и если я опять опоздаю на битву, то клянусь громом, я всех вас насажу на моё копьё и изжарю точно рождественских гусей!

Слуги засуетились и через час, пыхтящий от натуги Гийом, выехал из лагеря и одним из последних присоединил к схватке, в которой также принимал участие наш юный друг Жерар. Битва была ужасающей. Сотни рыцарей мчались друг другу навстречу, выбивая противников из седла, ломая копья и мечи. Тысячи стрел затмевали небо и обрушивались на ряды копейщиков, раскалывая их щиты и пробивая кольчугу. Крики, стоны, ржание лошадей и оглушающий грохот железа наполнил тихую доселе долину и в эту жуткую толчею ринулся на всём скаку Гийом, опустив забрало и грозно потрясая своим копьём. Это было великолепное зрелище, но вот незадача, когда до вражеских рядов оставалось каких-нибудь сто шагов, конь Гийома, устав нести на себе непосильную для лошади тяжесть, споткнулся и наш рыцарь, кубарем вылетев из седла, упал в большую лужу. Всё бы ещё могло закончиться весьма сносно, поднимись Гийом на ноги и продолжи вести бой, но судьба оказалось весьма капризной дамой и под собственным весом и весом своих богатых доспехов, толстяк начал банально тонуть в грязи... От ярости и обиды, на его глаза навернулись слёзы и он, из послед-

них сил приподняв из грязной жижи лицо, издал протяжный вопль, на который обратил внимание Жерар. Он поспешил на помощь знатному рыцарю, помог ему выбраться и встать на ноги.

– Вперёд, – закричал толстяк, почуяв под ногами твёрдую землю. – Мы покажем этим «щавельнистам» что к чему.

– Но милостивый государь, – скромно потупил глаза Жерар, видя какая редкостная удача, идёт к нему в руки, – ваша доблестная атака заставила врагов в панике отступить. Битва завершена. Мы победили.

Гийом протёр глаза и увидел, что враг действительно разбит и бежит.

– Хм, – сказал он, гордо подбочениваясь, – кажется, они и вправду дали дёру.

Затем он, не поворачивая головы, как можно небрежнее спросил юношу:

– Но, что, собственно произошло? Я что-то плохо помню тот момент, когда меня выбили из седла...

– Я вам всё сейчас расскажу, – сказал Жерар, помогая рыцарю снять шлем и отыскать меч. – Когда вашего оруженосца ранило стрелой, и он отстал, вы бросились в самую гущу схватки, рыча точно лев и размахивая своим копьём как великан. У врагов затряслись поджилки, а некоторые даже упали на колени и стали молиться...

– Действительно? – прервал его Гийом. – Так всё и было?

– Ну, разумеется, – ответил Жерар. – Я стоял в 20 шагах

и всё отлично видел.

– Хм-м-м, – пробурчал рыцарь – Продолжай...

– Так вот, когда вы были в нескольких шагах от неприятеля и готовы были обрушить на него весь ваш гнев, Чёрный рыцарь на огромном вороном коне налетел на вас сзади точно демон...

– Чёрный рыцарь ты сказал, – изумился Гийом.

– Совершенно верно, ваша милость, – кивнул юноша. –

На огромном вороном коне.

– Ага... – пробормотал Гийом. – Так-так... и что же он сделал этот Чёрный рыцарь?

– Он предательски ударил вас своим копьём в спину и, так как вы не ожидали подобной низости, вас выбросило из седла на землю.

– На землю? – переспросил Гийом. – Ты сказал не в грязь, не в воду, а на землю?

– Именно так, – кивнул Жерар. – На землю, где вы, прежде чем потерять сознание, успели проткнуть своим мечом трёх солдат неприятеля...

Гийом, который действительно немного ударился головой и отбил копчик, растеряно огляделся.

– Послушай, – сказал он, поманив пальцем юношу, – ты действительно всё это видел?..

– Своими собственными глазами, ваша светлость!

– Превосходно, – просиял Гийом. – Отныне вы мой оруженосец. Приведи мою лошадь, и поедем обедать. От такой

битвы у меня разыгрался жуткий аппетит...

Не менее интересно обстояли дела у Изабеллы. Одним воскресным утром, покупая на рынке зелень, она заметила толпу зевак, потешающуюся над молодой девушкой, немногим младше самой Изабеллы. Девушка была одета совсем просто и её светлые волосы были распущены, но держалась так, будто была дочь самого короля. Изабелла подошла ближе и прислушалась.

– Так вы говорите, что вы, баронесса? – услышала она бас торговца сладостями.

– Да, – ответила белокурая девушка, чем вызвала новый взрыв хохота.

– Чудесно, ваше высочество, – склонился в насмешливом поклоне торговец, подмигивая своим приятелям. – И чего же вы желаете?

– Несмотря на то, что вы грубиян, я желаю попробовать ваши сладости, – ответила она. – Вид у них весьма соблазнительный.

Новый взрыв смеха потряс рынок. Люди стали собираться в толпу, а Изабелла протиснулась в первые ряды.

– О, простите меня великодушно, – затряс косматой головой продавец. – Угощайтесь, ваше высочество, но сначала заплатите...

– Я же уже сказала вам, что у меня нет с собой денег, – ответила девушка, не теряя самообладания.

– Как?! – притворно изумился торговец. – У баронессы

нет денег?

– Нет, – сказала девушка.

– Совсем-совсем? – никак не мог поверить продавец.

– Совсем-совсем, – ответила девушка, начиная хмуриться.

– Что, даже малюсенькой медной монетки? – не унимался торговец, подмигивая своим товарищам.

– Да нет же! – сказала девушка, гневно сверкая глазами.

Торговец открыл рот, чтобы сказать ещё что-то остроумное, но тут он заметил Изабеллу и сменил тон.

– Ба, – произнёс он, вновь принимаясь насмешливо кланяться. – Смотрите, кто к нам пожаловал. Сегодня вся знать нашего города почтила меня своим присутствием. Как ваши дела, Изабелла? Ваш рыцарь ещё не вернулся с войны? Но, ничего, ничего, такая знатная дама как вы обязательно его встретит...

Изабелла отчаянно покраснела и приготовилась ответить нечто дерзкое, как вдруг, белокурая девушка схватила её под руку и радостно воскликнула:

– Какая удача! Знатная дама! Превосходно.

Одолжи мне, пожалуйста, несколько монет, чтобы заплатить этому грубияну за его сладости. Просто я сбежала из замка сегодня утром, чтобы побродить по городу в одиночестве, и очень проголодалась.

– Конечно, – ответила Изабелла, стараясь подражать тону и манерам незнакомки. – Вот, держи.

Она протянула всё, что у неё было девушке и та, не глядя,

высыпала медяки на прилавок.

– Этого достаточно? – спросила она торговца.

Тот пробурчал нечто неразборчивое, недоумённо глядя на двух девушек.

– Пойдём, – сказала белокурая девушка, откусывая большой кусок от имбирного пряника. – Мне тут больше не нравится. Расскажи мне о себе. Где твой замок?

Они вышли с рынка под руку как заправские подруги, и гуляли около часа, болтая о том о сём. Баронессу звали Нелли, она росла без матери и была на редкость разумной и некапризной девушкой. Очень скоро обеим девушкам стало казаться, что они знают друг дружку вечно. Они как раз принялись оживлённо обсуждать рыцарей, которые покорят их сердца, как вдруг рядом остановилась роскошная карета и оттуда, точно моль из шкафа, вылетело несколько взволнованных служанок.

– Ваша милость, ваша милость, – причитали они, кружась вокруг незнакомки. – Какое счастье, что вы нашлись. Как мы напугались! Как мы все за вас волновались.

Они буквально выхватили белокурую принцессу из рук Изабеллы и внесли её в карету, но в последнюю минуту, незнакомка властно остановила их.

– Пойдите, – сказала она. – Пока я тут гуляла, я встретила ещё одну знатную даму и хотела бы пригласить её к себе домой. Изабелла, дорогая, садись со мной. Я покажу тебе замок и познакомлю с папочкой. Он чудесный, только глуховат...

Старшая из служанок надула губы и окинула Изабеллу надменным взглядом.

– Простите, ваша светлость, но по-моему, это совершенно не знатная дама. Вы только посмотрите на её платье и башмаки. Да она наверняка прачка или торговка овощами.

Изабелла побледнела, но вспомнив с каким достоинством держалась на рынке настоящая баронесса, высоко подняла подбородок и спокойно ответила.

– Быть может я пока и не баронесса, но когда-нибудь я ей обязательно стану.

Служанки прыснули со смеху, но Нелли грозно цыкнула на них и они испуганно притихли.

– Если я говорю, что встретила *знатную даму*, – сказала она тихо и вкрадчиво, – то смею вас заверить, так и есть. Прошу, Изабелла, садись. Я не люблю быть в долгу у своих подруг, будущих баронесс...

Дела у Жерара и Изабель быстро пошли на лад. Жерар очень скоро стал совершенно незаменимым человеком в окружении Гийома, а Изабель, стала не только новой служанкой Нелли, но и её лучшей подругой и советчицей.

Меж тем война между «щавельнистами» и «подорожниками» никак не заканчивалась. Ни та, ни другая сторона не могла одержать победу, но о мирном договоре никто и слышать не хотел. Единственное о чём они смогли договориться, это небольшое перемирие, чтобы затем, продолжить драться с новыми силами.

По такому случаю, в замке Нелли было организовано большое празднество, на которое съехались многие знатные рыцари. В их числе был и Гийом со своим верным оруженосцем. Жерара было теперь не узнать. Облачённый в доспехи и восседающий на отличном коне он сам порой походил на рыцаря, тогда как толстый и неповоротливый Гийом казался его

старым слугой. Война окончательно разнесла Гийома. Он толстел от сражения к сражению, так что перед последним не смог влезть в доспехи и скакал на врага в домашнем халате, размахивая обглоданным свиным окороком точно булавой. Он даже был ранен, хотя предпочитал скрывать этот факт, так как неприятельская стрела пронзила ему ягодицу, отчего он начал прихрамывать. Впрочем, ему это только шло, так как теперь он числился бывалым ветераном, а благодаря историям, которые про него рассказывал Жерар, ещё и отчаянным храбрецом.

Жерар первым увидел Изабеллу. Она стояла на балконе рядом с Нелли и любовалась проезжающими мимо рыцарями. В груди у юноши затрепетало, и он понял, вот она, Дама его сердца. Однако дама не замечала его. Её взор был прикован к рыцарю Огня, на щите которого сплетались языки пламени. Положение спасла принцесса.

– Смотри, как тот юноша смотрит на тебя, – сказала она Изабелле. – Боже, да он красавчик. И как хорошо сидит в седле. Кажется, ты ему понравилась...

– Да, пожалуй, – сказала Изабелла, переведя свой взор на юношу и понемногу заливаясь румянцем от его смелого взгляда. – Но он не рыцарь, хоть и очень на него похож... На его щите пусто.

– Но и ты ещё не баронесса, – напомнила Нелли. – Впрочем, если тебе больше нравится рыцарь Огня, то дело твоё. Только хочу тебя предупредить, под своим забралом он скрывает заячью губу и поросячьи глазки...

Однако Изабелла уже почти не слушала Нелли. Она сказала так лишь для того, что скрыть своё смущение, потому что юноша сразу же пленил её сердце. Нелли улыбнулась и стала выискивать в толпе своих кузенов, а Изабелла, стянула со своих плеч тонкую накидку, которую ей подарила её подруга и сбросила её с балкона прямо в руки Жерара. Он повязал его на шею, после чего привстал в седле и отвесил своей даме глубокий поклон.

– Вот у тебя и появился рыцарь, моя будущая баронесса, – засмеялась Нелли. – И судя по тому, что о нём говорят, он храбр, предан и безукоризненно честен. За исключением тех случаев, когда он рассказывает о подвигах хозяина, но это лишь делает честь его уму. Ах, мужчины, мужчины, как же вы все хвастунишки...

В тот же день Изабелла получила от Жерара записку с признанием в любви и отправила ему не менее нежное ответное послание. Им так и не удалось переговорить с глазу на глаз, но когда на следующий день рыцари покидали замок,

она долго махала юноше с крепостной стены, и это было так трогательно, что Нелли прослезилась.

– Ах, Изабелла, я так тебе завидую, – сказала она. – Вы словно созданы друг для друга. Уверена, у вас всё будет хорошо...

Однако в реальности всё было не так-то просто. Дела в замке обстояли из рук вон плохо. Отец Нелли, барон Донжон, милый старичок, некогда отважный рыцарь и неутомимый охотник, стал с возрастом не только туговат на ухо, но и совершенно рассеян. После смерти жены, он постепенно утратил интерес ко всем своим прежним развлечениям и занялся коллекционированием бабочек. Теперь, внутренние стены одной из башен замка были доверху увешаны сушёнными насекомыми, и барон прохаживался меж ними, мурлыча себе что-то под нос, так что если бы не усилия Нелли и старого управляющего Гастона, всё хозяйство давно пришло бы в упадок. Только изредка Донжон приходил в себя и начинал заниматься делами, но это длилось обычно не более недели, после чего, он вновь впадал в меланхолию и уединялся в башне. Так случилось и сейчас. Едва отгремели прощальные трубы и отзвенели доспехи удаляющихся рыцарей, барон начал неудержимо зевать и к вечеру вновь был со своими бабочками.

Всё бы было ничего, так как Гастон и Нелли неплохо справлялись, но в последнее время в замок зачастил двоюродный братец Донжона, Жан Дюпьер, который был не прочь

прибратить имение к рукам. Он старательно обхаживал старика, каждый раз привозя ему редчайших бабочек, самой немислимой окраски и формы, выдавая их за результаты трудов нескольких заморских экспедиций, с которыми он якобы поддерживал связь. На самом деле, всех бабочек ему мастерила знакомый суконщик, не без изящества используя крылья других насекомых, куски пёстрой ткани, кожу, янтарь, сухие листья, а иногда, кусочки сусального золота, а в качестве клея, используя мёд и смолу. От его бабочек рябило в глазах, и все они были размером не меньше ладони, а некоторые, втрое больше. Жан пользовался тем, что окружающий мир в то время был ещё плохо изучен, и барону не с чем было сравнить свою коллекцию. К тому же, старик был очень доверчив, когда дело касалось его любимых насекомых.

– Посмотрите, что я вам привёз, мой любезный братец, – закричал с порога Жан, откидывая плащ, под которым была небольшая деревянная коробка. – Я только что получил это из Тасмании. Это потрясающе. Такого экземпляра у вас ещё нет в коллекции.

– Неужели! – запрыгал от восторга барон. – Покажите же мне её скорее!

– Одну минуту, – улыбнулся Жан и с видом фокусника откинул крышку коробки. Там, на тёмно-синем бархате, лежала чудовищного размера бабочка, собранная из парчи, двух стрекоз, майского жука, бисера и обломков перламутра.

– Боже, какая прелесть! – воскликнул барон. – Это восхи-

тительно! Как она называется?

– В этом то и есть загвоздка, любезнейший братец, – ответил Жан. – Это совершенно новый вид бабочек и у них ещё нет названия. Начальник экспедиции многим мне обязан, поэтому я уговорил его не называть её пока и предоставить эту честь вам...

– Мне?! – схватился за сердце Донжон.

– Вам, вам, любезный братец, – ответил Жан. – Я знаю как это важно для вас, так что прошу, придумывайте имя, и я тот час же напишу его в своём ответном письме в Тасманию.

– Ох, это так волнительно! – всплеснул руками барон, и Нелли, не выдержав этой комедии, фыркнула и отошла в сторону. Она много раз пыталась раскрыть отцу глаза на этот очевидный обман, но всё было тщетно. Он точно не слышал её, а когда она грозилась выбросить всех его бабочек и больше не опускать перед Жаном подъёмный мост, он приходил в ярость и грозился сжечь весь замок дотла.

– Итак, – сказал Жан, когда девушка удалилась, – каково будет имя это чудного создания?

– Я бы хотел назвать её Нелли, как мою дочь, – сказал барон и шумно высморкался. – Это очень красивое имя.

– Не спорю, мой любезный братец, но вспомните, только в прошлом месяце вы назвали этим именем пять новых экземпляров. Быть может, вам следует придумать более... оригинальное имя?

– А я хочу Нелли, – надулся старик. – Могу я её так на-

звать или нет?

Жан подавил улыбку и склонил голову.

– Можете, вне всякого сомнения.

– В таком случае, эта чудесная новая бабочка из Тасмании, будет называться Нелли, – сказал барон и его лицо вновь засияло. – Пойдёмте скорее в башню. Мне не терпится добавить её в свою коллекцию...

Такие сцены повторялись каждую неделю, так что, в конце концов, Жан обрёл такое влияние на барона, что старик готов был слушать каждое его слово. И для начала, Жан посоветовал немедленно рассчитать Гастона, потому что тот, якобы, все эти годы обкрадывал Донжона. Поначалу старик пробовал сопротивляться, но Жан умел настоять на своём, и когда в следующий свой визит очередная фальшивая бабочка из Южной Африки украсила стену башни, Гастон был с позором уволен. Даже слёзы Нелли не смогли смягчить сердце барона, так, как Жан сумел внушить ему мысль, что всё это делается ради её блага. Затем своё место потеряли другие верные слуги, а их место заняли подручные Жана. Последней должна была уйти Изабелла, но тут Нелли проявила свой недюжинный характер и твёрдо пообещала отцу, что вместе с ней замок покинет и она. Скрипя зубами, Жан смириться с тем, что у Нелли остались преданные ей люди, но он успокаивал себя тем, одна девушка никак не могла помешать его планам.

А затевал он следующее – Жан собирался всеми правдами

и неправдами заставить барона подписать письмо, в котором он, Жан Дюпьер, оставался бы опекуном его дочери. Заполучив это письмо в руки, он избавился бы от своего двоюродного брата, представив дело как несчастный случай, а затем, отправив Нелли в монастырь, обрёл бы всю власть над замком и землями Донжонов. Всё было готово и оставалось только дождаться подходящего момента, но Жан не любил ждать и решил ускорить ход событий. В башне, он подмешал барону в питьё слабый яд, от которого старику на некоторое время стало очень дурно. Воспользовавшись слабостью старика и напирая на то, что после его смерти Нелли окажется совершенно одна и потеряет всё без твёрдой мужской руки, он заставил его подписать документ.

– Только пообещай мне, – прошептал барон, когда всё было кончено, – что как только дочь выйдет замуж за рыцаря, ты вернёшь им мой замок.

– Ну, конечно же, верну, – успокаивал его Жан. – Мы же двоюродные братья...

Жан не хотел, чтобы весть о подписанном документе достигла ушей Нелли, но Изабелла, случайно оказавшись неподалёку, слышала весь их разговор и сразу же всё поняла. Жан всегда вызывал у неё отвращение, теперь же, когда стало ясно, что он не остановится ни перед чем, лишь бы достичь желаемого, она пришла в ужас.

«Этому не бывать! – сказала она себе. – Нелли и барон были так добры ко мне. Я должна им помочь и помешать это-

му чудовищу, осуществить свой дьявольский план. Но что же мне сделать?..»

Для начала, Изабелла всё рассказала Нелли, но та, к её удивлению, ей не поверила.

– Я знаю, что Жан обманщик и лицемер, но убийца, нет, не может этого быть, – сказала она.

– Но ваша светлость, – вскричала Изабелла, – если это не так, то зачем он всё это делает? Он сменил всех слуг, едва не разлучил нас, вынудил вашего отца подписать этот ужасный документ, а вдобавок ко всему, а на днях я слышала, как новый управляющий шептался с Жаном.

– И о чём же они говорили? – спросила Нелли.

– О том, что «когда старика не станет, Северное аббатство охотно примет в свои каменные клетки двух новых пташек, и настоятельница мадам Тиссо, позаботится о том, чтобы они уже никогда не выпорхнули обратно...» Эти пташки мы, Нелли, неужели вы не понимаете?!

– Это слишком чудовищно, чтобы быть правдой! – сказала баронесса и на её глазах выступили слёзы. – Я не верю! Не верю! Не верю! Нет!

Она топнула ногой и убежала, а Изабелла поняла, что ей придётся действовать в одиночку.

«Что ж, – решила она. – Никто не ждёт, что я смогу дать отпор. Жан думает, что дело уже в шляпе, но это мы ещё посмотрим. Я не сдамся без боя...»

Первым делом, девушка решила, что ей, во что бы то ни

стало необходимо выкрасть и уничтожить ужасный договор. Она понимала, что пока он в руках Жана, любой из следующих его визитов может стать последним для барона и тогда, всё будет потеряно. К счастью, Жан был настолько мнительным, что никогда не расставался со столь драгоценной для него бумагой. Этим девушка и решила воспользоваться. Когда в следующий раз на дороге показались всадники со знамёнами Дюпьера, на которых был изображён красный скорпион жалящий розу, она схватила поднос с заранее приготовленным лимонадом и бросилась в сторожевую башню, в которой находились ворота замка. Там, у подъёмных механизмов, дежурила изнывающая от жары стража. Девушка уже навещала солдат прежде и те были рады её появлению. Она налила каждому по большому стакану холодного напитка и те с удовольствием его выпили. Лица всадников были уже отчётливы видны, когда у всех солдат разом, по странному совпадению, вдруг ужасно заболели животы и они, бросились в уборную, едва успев опустить мост перед приближающимися рыцарями. Этого Изабель и ждала. Когда Жан въехал на мост, она всеми силами налегла на рычаг подъёмного механизма и мост слегка приподнялся. Этого было достаточно, чтобы Жан и двое других всадников вместе с лошадьми рухнули в наполненный водой ров.

«Отлично, – прошептала девушка. – Пока всё идёт точно по плану...»

Само собой разумеется, что Жан вымок с ног до головы.

Правда, письмо не пострадало, так как было надёжно упаковано в восковую бумагу, но всё же, предосторожности ради, Жан первым делом решил проверить его сохранность, а заодно высушить свои вещи. Он направился в комнату для гостей, поставил у дверей стражу, запер дверь изнутри на ключ и начал развешивать одежду у растопленного камина. После этого он вытащил и осторожно развернул свёрток с документом. Всё было в порядке. Договор был сухим, а подпись барона Донжона явственно чернела на бумаге.

– Гора с плеч, – выдохнул Жан, вновь сворачивая бумагу и надёжно перевязывая её бечевой. – Нужно будет узнать, кто подшутил надо мной таким образом... Уж я преподнесу ему такой урок, который он долго не забудет...

Он положил свёрток на стол, лёг на кушетку и закрыл глаза, дожидаясь, когда его костюм просохнет, и он сможет навестить барона. По его плану, через пару дней несчастный старик должен был поскользнуться на верхней ступеньке своей башни, скатиться вниз и, по трагической случайности, сломать себе шею... Жан сделал глоток лимонада, чей вкус показался ему странным, улыбнулся и внезапно понял, что жутко устал и не прочь вздремнуть. Он свернулся калачиком и крепко уснул.

Жан и не подозревал, что он не один в комнате. За тяжёлой портьерой пряталась Изабель, готовая действовать. Едва Жан, одурманенный снотворным, начал храпеть, девушка на цыпочках вышла из своего укрытия, взяла свёрток и

бросила его в огонь. Затем она подкралась к двери, тихонько повернула ключ и слегка приоткрыла её, так что караульные солдаты ничего не заметили. Затем она снова спряталась за штору и стала ждать, когда Жан очнётся. Это произошло довольно быстро, так как он едва пригубил лимонад. Жан протёр глаза, сел и широко зевнул, да так и застыл с открытым ртом. Свёртка не было! Он вскочил и в панике начал заглядывать под стол и стулья, ощупывать карманы всё ещё мокрого платья, а потом, увидев, что дверь приоткрыта, издал протяжный вопль.

– Жиль, Люсьен, негодяи, вы всё проспали! Меня обокрали!

– Но сир, – ответили солдаты, – к вам никто не входил.

– Быть этого не может, – вопил Жан, натягивая мокрый камзол. – Предатели! Кто это был, признавайтесь!

Он выбежал наружу и устроил им настоящий допрос, а в это время, Изабелла незаметно прошмыгнула в коридор и была такова. Теперь нужно было открыть глаза Нелли и барона на проделки их родственника, но и на этот счёт у девушки была припасена одна идея.

Спустя час, не добившись от солдат никакого вразумительного ответа, Жан вспомнил про своё вынужденное купание и кинулся в караульную башню. Солдаты всё ещё мучились животами и охотно рассказали, что прямо перед его прибытием, Изабелла, служанка Нелли, принесла им странный лимонад, после которого им всем сделалось плохо.

– Так вот кто стоит за всем этим, – побагровел Жан. – Она дорого заплатит мне за это...

Жан начал разыскивать Изабеллу по всему замку и нашёл её в её комнате. Она сидела у большого сундука, где хранились её вещи и вязала.

– Где он?! – прошипел Жан, врываясь к ней и запирая за собой дверь на засов.

– Кто? – испуганно спросила Изабелла.

– Документ, который ты у меня украла, – сказал Жан, приближаясь к девушке вплотную и хватая её за горло. – Где он, говори немедленно или тебе конец!

– Я не понимаю, о чём вы говорите, сир? – захныкала Изабелла, но Жан сильнее сжал руку и она начала задыхаться.

– Хорошо, хорошо... Я скажу... – выдавила она, и Жан дал ей возможность дышать.

– Где?

– Я скажу, если мне хорошо заплатят, – заявила девушка.

– Что?! – поразился Жан. – Ты хочешь денег?

– А чего же ещё, – ответила Изабелла и одарила Жана презрительной усмешкой. – Неужели вы думаете, что я хочу служить этому недотёпе барону и его глупенькой дочери? Ха! Я хочу большего!

– И сколько же ты хочешь? – спросил ошарашенный Жан.

– Я хочу получить мешок золотых монет, – ответила Изабелла. – За это, я не только отдам тебе документ, но и помогу убить барона, а затем спровадить отсюда эту несносную

девчонку.

Жан хищно улыбнулся.

– А ты умней, чем я думал, Изабелла, – произнёс он. – Но с чего ты взяла, что я хочу всего этого?

– Ты постоянно привозишь фальшивых бабочек барону, чтобы расположить его к себе, раз, – начала загибать пальцы Изабелла. – Ты обманом заставил выгнать из замка Гастона, вставив его вором, два. Ты выгнал всех верных слуг и служанок, три. Ты заставил барона подписать документ, по которому, ты станешь полноправным хозяином всех земель, после его смерти, до момента замужества Нелли, четыре. Ты приготовил всё для того, чтобы, когда барона не станет навсегда упрятать его дочь в монастырь, пять. И ты наверняка не просто так прибыл сюда сегодня, верно ведь? Но берегись. Твой план хорош, однако Нелли начала что-то подозревать. Я слышал, что она хотела переговорить завтра утром с отцом и разговор должен этот быть серьёзным.

– И о чём же он будет этот разговор? – любезно осведомился Жан. – Если она будет плести ему обо мне всякие небылицы, то он едва её послушает. Он весь мой, как ты не понимаешь!

– Я понимаю, – сказал Изабелла, подходя в свою очередь к Жану в упор и глядя ему прямо в глаза. – И Нелли тоже начала это понимать, поэтому речь пойдёт о её свадьбе...

Жан побледнел точно полотно и схватился за шкаф, чтобы не упасть.

– Свадьбы?! – прошептал он. – Какой свадьбы?! У неё же нет жениха?

– Нет, – ответила Изабелла, – но он появится со дня на день, так как это, то единственное, что отделяет её от потери отца и замка...

Жан шумно выдохнул и гневно стукнул кулаком по стене.

– Проклятье! Что же делать?!

– Спешить, сир, спешить, – ответила девушка. – Нужно избавиться от барона сегодня же вечером, а ночью, отправить девчонку в аббатство. Что же до жениха, то его путь сюда весьма не близок, а на дорогах нынче полно разбойников. Я не удивлюсь, если с ним что-нибудь случится, и никто и никогда не узнает, почему юный Жерар так и не достиг замка...

– Жерар?! – недоумевающе поднял брови Жан. – Оруженосец толстяка Гийома, который больше не влезает в доспехи? Вы о нём говорите?

– Да, – кивнула Изабелла.

– Но мне казалось, что он интересуется вами?

– Это лишь уловка, сир. Его сердце принадлежит Нелли, а её Жерару. Они собираются тайно обвенчаться, после чего, ваша бумага будет бесполезной...

– Вы получите свой мешок золота, – прорычал Жан. – И даже больше, если девчонка не доедет до монастыря живой...

– Она может упасть в реку с моста и утонуть, или случай-

но отведать ядовитых грибов, или... Да мало ли что может случиться в пути, сир, – прошептала Изабелла.

– Да, я недооценил тебя, – сказал Жан, обходя кругом Изабеллы. – Из нас вышла бы отличная пара...

– Ничто мешает вам, сир, обзавестись молодой женой, когда вы станете бароном... – ответила Изабелла, дерзко глядя на Жана.

– Мы обсудим это, когда закончим, – глухо ответил Жан.

– Несомненно, – ответила девушка. – А теперь, идите. Скоро старик отправится в свою башню, смотреть ваших дурацких бабочек. Вы должны быть готовы к его приходу. Да идите уже!

Жан зловеще улыбнулся и покинул комнату. Изабелла затворила за ним дверь и без сил опустилась на табурет. У неё кружилась голова от страха и отвращения к этому бессердечному чудовищу.

– Он ушёл, – сказала она, наконец. – Выходите...

Крышка большого сундука откинулась, и оттуда всунулись две головы – Нелли и барона.

– Негодяй, – шептал старик. – Я велю повесить его на моей башне! И мои бабочки, боже, неужели это правда? Я столько лет собирал фальшивки, какой же я дурак...

Нелли была бледна как снег и не могла вымолвить ни слова.

– Сейчас не время причитать, ваша милость, – сказала Изабелла. – Мы должны действовать. Ваша помощь нам то-

же понадобится, Нелли. Соберитесь.

– Что я должна делать? – спросила Нелли.

– Есть только два пути, – сказала Изабелла, – бежать или сражаться.

– Бежать?! – воскликнул барон, принимая вызывающую позу. – Ни за что! Я проучу этого негодяя! Где мои доспехи?

– Простите, ваша милость, но сейчас нам лучше действовать хитростью, – заметила Изабелла. – У нас совсем не осталось верных людей.

– И что же вы предлагаете? – нахохлился барон.

– Заманим вашего двоюродного брата в его же собственную ловушку, но для этого мне нужен ваш камзол, сир, и штаны...

Спустя час, на ступенях башни замелькал слабый свет. Это был старый барон со свечой в руках. Низко склонив голову в ночном колпаке и шаркая ногами, он принялся неспешно подниматься вверх. Когда он одолел больше половины ступеней, дверь башни неожиданно распахнулась и на пороге замаячила фигура Жана.

– Какой сюрприз, – сказал он. – А я как раз разглядывал ваших чудесных бабочек. Поднимайтесь скорее, у меня для вас есть ещё один небольшой подарок...

– Кхе-кхе-кхе... – только и ответил старик, продолжая медленно приближаться к Жану. – Кхе-кхе-кхе...

Жан замер у двери дрожа от нетерпения. Он собирался столкнуть барона с лестницы вниз, едва он доберётся до са-

мого верха, а если этого окажется мало, то у него была припасена с собой тяжёлая дубинка...

– Ну, ползи же, ползи, старый осёл, – шептал он, стоя на последней ступеньке и вглядываясь в приближающуюся фигуру. – Давай, я устал ждать... Мне не терпится свернуть тебе шею, старый ты болван... Пора освободить этот замок от твоего кряхтения и от твоих дурацких бабочек...

– А может это мне, стоит избавиться от тебя, *братец?*.. – внезапно прозвучал за спиной Жана голос барона, и прежде чем он успел понять, в чём дело, четыре руки толкнули его в спину и он кубарем полетел вниз. Изабелла, изображавшая барона, проворно отскочила в сторону и прижалась к стене. Жан пролетел всю длинную каменную лестницу вверх тор-машками и когда его голова коснулся земли, он был мёртв. Изабелла поднялась наверх и барон, и его дочь заключили её в свои объятия:

– Спасибо, тебе, Изабелла, – сказали они. – Спасибо, дорогая. Мы никогда этого не забудем. Никогда...

В это время, за сотни вёрст от замка барона Донжона, разворачивались не менее драматические события. Всё началось с того, что накануне решающей битвы, которая должна была положить конец затянувшейся войне, в лагере «подорожников» к коим принадлежали Гийом и Жерар, был пойман вражеский лазутчик. С его слов, в стане короля Ламарка Вийонского, предводителя «подорожников», зрел заговор, в котором принимали участие некоторые высокопоставленные

рыцари. Кто именно, лазутчик не знал, и потому подозрение пало на всех, в том числе и на толстяка Гийома. Это было вдвойне досадно, потому что формальный повод для этого был, так как буквально за несколько дней до этого, Гийом, на некоторое время, попал в плен к «щавельнистам» и при том при весьма странных обстоятельствах...

Дело было так. После отличного обеда, в самом чудесном расположении духа, толстяк Гийом в сопровождении своего оруженосца прогуливался по лагерю и наткнулся на короля, весьма симпатизирующего Гийому, так сам был большим любителем вкусно поесть. После обмена любезностями, речь, само собой, разумеется, зашла о грядущем сражении и о том, что у военного совета недостаточно данных о вражеских укреплениях.

– Мы трижды посылали вперёд разведку, но никто из этих храбрецов не вернулся назад, – сказал Ламарк. – Даже не знаю, что теперь делать.

Глаза Гийома загорелись и он, приложив пухлую ладонь к тому месту, где, по его мнению, у человека должно было быть сердце, выступил вперёд:

– Мой король, разрешите мне отправиться в разведку? – сказал он.

– Вам? – слегка удивился король, но видя благородный порыв души своего рыцаря, величественно кивнул головой.

– Отправляйтесь, Гийом. Отправляйтесь и привезите мне известия об этих проклятых мятежниках. Наверняка они

опять готовят мне какую-нибудь пакость...

Гийом поклонился и велел Жерару немедленно седлать лошадей.

– Мы отправляемся немедленно, – сказал он. – Вдвоём.

– Вдвоём, – обомлел Жерар. – Но сир...

– Меньше людей, больше славы! – ответил Гийом, наско-ро проглатывая полдюжины холодных бифштексов, чтобы не проголодаться в дороге. – Седлай коней, мой мальчик. Мы будем овейаны всеми почестями, когда вернёмся!

– Если вернёмся... – пробормотал Жерар, памятуя о том, что они вечно плелись в хвосте войска, так как ни одна лошадь не могла долго нести на себе толстяка Гийома.

Они покинули лагерь, проехали через рощу, пересекли луг и стали приближаться к перелеску, за которым, начиналась территория «щавельников».

– Мы поскачем прямо на них, и прежде чем они успеют опомниться, мы всё разведем и повернём обратно, – изложил свой план Гийом. – Что скажешь?

– Отличный план, сир, – ответил Жерар. – Если вы собрались умереть не поужинав...

– Что? Что такое? – остановил свою лошадь толстяк. – Ты что же это, струсил, да?

– Нисколечко, сир, – ответил Жерар. – Я просто говорю то, что думаю. Иногда это полезно...

Гийом побагровел от гнева, но сдержался, вспомнив как многим, он обязан юноше.

– У тебя есть план лучше моего? – высокомерно спросил он.

– Мы обойдём их с левого фланга, поднимемся вон на тот холм и с него спокойно рассмотрим все их укрепления, – сказал Жерар. – Если поторопимся, то успеем к жаркому...

– Хм... – пропыхтел Гийом, делая вид, что думает. – Неплохая идея. Я как раз хотел её предложить.

– Я знаю, сир, – любезно ответил юноша. – Вы просто кладёте мудрости...

– В таком случае, за мной, мой мальчик – пришпорил своего коня толстяк. – Пропустить жаркое из ягнёнка – преступление!

Всё прошло лучше, чем можно было предположить, но на обратном пути, Гийом так спешил в лагерь, что решил проехать короткой дорогой и угодил в болото, где увяз по самые уши. Жерару удалось вытащить его коня, но даже совместные усилия двух лошадей не смогли вытянуть толстяка из густой, липкой жижи, в которую он вляпался.

– Скверно, – сказал Жерар. – Одному мне вас точно не вызволить. Придётся мне вернуться в лагерь и привести лошадей-тяжеловозов. Держитесь тут, сир. Вот вам бревно.

Гийом ухватился за бревно, а Жерар помчался за подмогой. На беду, вскоре после его отъезда, мимо болота проскакал небольшой отряд «щавельнистов». Они бы не заметили Гийома, но тот, верный традициям рыцарства, не пожелал прятаться и принялся бранить их во весь голос.

– Негодяи! – кричал он, отплеываясь от тины. – Труссы! Мятежники! Дайте мне только выбраться отсюда, и я всех вас порублю в капусту!

Отряд замедлил ход и с удивлением уставился на торчавшую из болота голову, выкрикивающую угрозы в их адрес. Это было настолько забавно, что они решили доставить этого странного человека к своему королю. Они обмотали Гийома верёвкой, и при помощи двенадцати лошадей вытащили на берег, где оказалось, что их пленник рыцарь, и судя по богатым доспехам, весьма именитый. Его кое-как отчистили от ила и водорослей, вытряхнули из шлема лягушек и повезли в лагерь. Тут то и примчалась подмога. Увидев, что произошло, Жерар, во главе своего небольшого отряда, неожиданно атаковал мятежников из леса, и те в панике умчались, бросив несчастного Гийома в грязи. Злополучного рыцаря подняли, очистили, вытряхнули из шлема землю и повезли обратно.

Таким образом, разведка в целом прошла успешно, но когда стало известно о заговоре, этот эпизод стал казаться некоторым рыцарям весьма подозрительным и кое-кто стал посматривать на Гийома косо. Король не верил слухам, но его советники день и ночь твердили ему, что пока всё не выяснится, ему не стоит доверять толстяку и ни в коем случае не оставаться с ним наедине. То же самое касалось и Жерара, так как рыцарь и его оруженосец в те времена для многих представлялся как единое целое.

– Какой позор, мой мальчик, – расстраивался Гийом. – Нас подозревают в измене. Я даже не могу поговорить с королём. Меня к нему не пускают! Ужасно, ужасно... А где мой стакан?

Чтобы хоть как-то заглушить горе, Гийом с утра до ночи ел сладкие крендели с вишней, запивал их кувшинами свежего яблочного сидра. Доспехи окончательно перестали сходиться на нём, и даже пояс с мечом стал мал. Но Гийом мало печалился по этому поводу. Когда ему нужно было куда-то идти, он просто оборачивался в запасную палатку и в таком виде разгуливал по лагерю, становясь похожим на римского оратора.

Но все страдания Гийома были ничтожны, в сравнении с тем отчаяньем, которое охватило Жерара. Война того и гляди должна была закончиться, а он не только не стал рыцарем, но ещё и ухитрился заслужить сомнительную славу оруженосца, хозяин которого подозревается в предательстве.

«Так дело не пойдёт, – решил юноша однажды ночью. – Это никуда не годится! Я всем докажу что толстяк Гийом пусть он и простак и обжора, но предан своему королю. Я найду шпиона и доставлю его королю. К тому же, у меня есть кое-какие мысли на этот счёт...»

Жерару давно казалось, что герцог Дюмаж, частный спутник короля, сухой и замкнутый мужчина, герой многих сражений, подчас ведёт себя как-то странно. В первый день своей службы, по незнанию, юноша случайно забрёл в шатёр

Дюмажа и застал его там шепчущимся с весьма подозрительным типом. Герцог грубо отчитал Жерара за бестактность и велел убираться вон. Юноша бежал без оглядки и с той поры остерегался попадаться ему на глаза. Тот эпизод наверняка вскоре вылетел бы у него из головы, если бы месяцем позже, он не встретил того подозрительного типа из шатра Дюпажа с мечом в руках в рядах противника. Они сразу же узнали друг друга. От удивления и растерянности, Жерар замер и опустил свой щит и тут же едва не был убит незнакомцем. Его спас стальной шлем, по которому пришёлся удар. Юноша потерял сознание и замертво рухнул на землю, но не забыл, того что видел.

Его сомнения окрепли, когда позже, он увидел как из кармана герцога выпал платок. Дюмаж быстро подхватил платок с земли и скомкал его в кулаке, но от зорких глаз юноши не ускользнуло, что в углу платка красовался герб, «щавельников»: золотой щавель на лазоревом поле в лучах полуденного солнца.

После этого, юноша стал нарочно присматриваться к герцогу и его окружению и заметил ещё множество странностей. Однако, всё это были только догадки и совпадения. Дюмаж был храбр, решителен, жесток, пользовался непрерываемым авторитетом у большинства «подорожников» и сам король не раз называл его своим самым верным слугой. И всё же, Жерар был уверен, что он прав. Он не раз подмечал на лице герцога выражение, какое бывает у лисы, попавшей в курят-

ник.

«Война подходит к концу, – размышлял Жерар. – Грядущее сражение решит её исход. Если бы я был шпионом, то нанёс бы свой удар сейчас, накануне битвы. Но что бы я сделал?.. Выдал бы какой-нибудь важный секрет? Держу пари, Дюмаж уже не раз делал это, однако мало преуспел. Нет, тут нужно сделать нечто большее... Но что?..»

И тут Жерара осенило.

– Ну, конечно же, боже, – невольно воскликнул он. – Он убьёт короля!

– Что такое?! – сонно пробурчал Гийом. – Кто там кого убьёт? Я что, опять проспал сражение?

– Нет, нет, сир, успокойтесь, – сказал юноша. – Сражение только послезавтра. Спите. Я просто разговаривал во сне.

– Это всё от того, что ты слишком мало ешь на ночь, мой мальчик... – пробормотал Гийом, поворачиваясь на другой бок. – Перед сном человеку просто необходимо основательно подкрепиться... Бери пример с меня... Сегодня на ужин я съел три цыплёнка, тушёного зайца, омлет, жаркое, немного ветчины, сыр, повидло и...

Что ещё ухитрился съесть Гийом, осталось тайной, так как он вновь уснул, а юноша, тенью выскользнул из палатки.

«Пойду ка я разузнаю, что творится в стане Дюмажа, – подумал Жерар. – Никогда не знаешь, что можно выведать в тёмную ночь, когда кажется, что тебя никто не слышит и не видит...»

Жерар прокрался к палатке герцога, но, к его глубокому сожалению, подойти вплотную не смог, так кругом стояли удвоенные караулы. Он мог видеть только смутные очертания фигур внутри и гадать, что же там происходит. Но юноша не терял надежды.

«У Дюмажа осталось чуть более суток. Послезавтра, утром, состоится сражение и ему нужно успеть сделать слишком многое. Он наверняка допустит ошибку, а уж я своего не упущу...»

Час проходил за часом, и ничего не происходило, но внезапно, около половины третьего утра, из палатки выскользнула чья-то тень и заторопилась прочь.

«Ага, – подумал Жерар. – Должно быть это, вражеский лазутчик с донесением от Дюмажа, торопиться к своим... Я прослежу за ним, а когда он покинет наш лагерь, нападу на него и выведаю все секреты...»

Он бесшумно двинулся следом и вскоре, покинул лагерь и углубился в лес. Здесь юноша вытащил из ножен кинжал и уже приготовился напасть на незнакомца, когда неожиданно, не узнав в сбросившем с головы капюшон незнакомце самого герцога Дюмажа... Жерар даже вспотел от волнения. Атаковать герцога без должной на то причины было невыносимо, и юноша решил проследить, куда тот направляется. Путь был недолог. Буквально через две сотни шагов, герцог остановился и негромко свистнул. В ответ раздалось негромкое уханье совы. Герцог подобрал плащ и двинулся в этом на-

правлении. Под большим дубом его ждали всадники. При виде Дюмажа они спешили и поклонились. Герцог подошёл ближе, и они начали что-то обсуждать. Боясь дышать, юноша подполз к ним на расстояние пяти шагов и стал слушать.

– Вы всё поняли? – донёсся до него голос герцога.

– Да, милорд, – ответил кто-то. – Мы всё поняли.

– Тогда повторите.

– Когда король будет мёртв, вы подадите сигнал – выпустите в небо пять белых голубей. Заметив их, мы немедленно приводим наши воска в движение и атакуем ваши позиции по всему фронту.

– А как вы отличите верных «щавельнистов», от этих проклятых «подорожников», когда ворвётесь в их лагерь? – спросил герцог.

– Наши солдаты не тронут тех, у кого на руке будет повязка из луговых трав.

– Превосходно, – сказал герцог. – Кажется всё. Если вам...

В этот момент, Жерар, который лежал, уткнувшись носом в пыль, не удержался и глухо чихнул. В мановение ока все заговорщики обнажили свои клинки и замерли.

– Вы слышали, милорд? – донеслось до окаменевшего от ужаса Жерара.

– Тут, несомненно, кто-то есть, – ответил герцог. – Найдите и убейте его. И живо! Мне пора возвращаться в лагерь. У меня ещё полно дел...

«Щавельнисты» начали прочёсывать всё вокруг, протыкая своими мечами всё, что подвернётся под руку и юноша решил, что настал его смертный час. Однако судьба смилостивилась над ним. Совершенно неожиданно, в паре метров от него, раздался новый чих, а затем, громкое, сердитое пыхтение.

– Я нашёл его! – крикнул кто-то и весело рассмеялся. – Но это не шпион. Это всего лишь большой ёж.

– *Так убейте и его,* – холодно отозвался герцог. – И скорее скачите обратно. Скоро будет светать...

Через час Жерар вновь был в своей палатке. Гийом отчаянно храпел, а он, бродил взад вперёд, не зная, что предпринять. Обратиться напрямую к королю, в виду своего скромного происхождения, он не мог, а если бы и смог, то король едва ли ему поверил бы. Герцог Дюмаж в последнее время играл слишком большую роль в окружении Его Величества, чтобы слова какого-то оруженосца, чего-то стоили в глазах короля.

«Король решит, что это придворные интриги и происки врагов и велит отрубить голову не герцогу, а мне и моему хозяину, – думал юноша. – Нет, идти к королю просто так бессмысленно. Но как же поступить?! Как помешать этому предателю Дюмажу?! Думай, Жерар, думай! Как бы поступил на твоём месте рыцарь?..»

Жерар продолжил ходить, держась за голову и к моменту, когда Гийом открыл глаза и широко зевнул, план был готов.

– Жерар, мальчик мой, – подал голос толстяк. – А что у нас на завтрак? Я ужасно голоден и готов проглотить целого быка!

– Овсянка, яблоко и чай, – ответил юноша, ставя завтрак на столик перед Гийомом. – И ешьте живее, у нас полно дел...

Гийом решил что ослышался, но протерев глаза, действительно увидел перед собой овсянку, яблоко, чай и хмурое лицо юноши.

– Что происходит? Где мой завтрак? Как ты смеешь?!

– Происходит мятеж, во главе которого стоит герцог Дюмаж, который собирается сегодня убить короля, после чего «щавельнисты» атакуют нас, и мы проиграем войну, – отчеканил Жерар. – Быстро глотайте свою овсянку, надевайте доспехи и следуйте за мной...

Гийом выпучил глаза, но потом громко захохотал и рухнул обратно на кровать, держась за пузо.

– Бу-га-га, бу-га-га, – ревел он, подпрыгивая на матрасе. – Ну, разыграл, так разыграл! Я чуть было не поверил! Овсянка... ха-ха-ха! Заговор... хи-хи-хи! Дюмаж! ГЫ-ГЫ-ГЫ!!!

– Я вовсе не шучу, сир, – оборвал его веселье юноша. – Я всё расскажу вам по дороге, но пока, доверьтесь мне. Я не знаю когда именно, всё это произойдёт, так что нам нельзя терять ни секунды. Ешьте овсянку. Быстро!

– Но... как... за что... – забормотал в смятении Гийом. – Овсянка на завтрак, это так ужасно! Может я лучше съем

десяток круасанов с повидлом и яичницу?..

– И мне опять придётся надевать на вас картонные доспехи, потому что в настоящие вы уже не влезаете?! – закричал Жерар. – Нет уж! Вы и так превратились из рыцаря в жирного увальня. Да над вами собственная лошадь смеётся! Вам нужен слон, чтобы скакать в атаку, и хлебный нож вместо меча!

От таких невероятных оскорблений, Гийом стал пунцовым, и попытался вскочить с кровати, чтобы проучить наглеца, но ножки у неё подломились, и он тяжело осел на пол. Юноша многозначительно хмыкнул и закатил глаза. Гийом поник и жалобно пробормотал:

– Увы, ты прав, мой мальчик... Я стал посмешищем... Я только ем, пью и сплю... Я никому больше не нужен...

– Неправда, сир, – сказал юноша мягко, но настойчиво. – Вы очень нужны своему королю. Вы и только вы можете спасти его и помешать Дюмажу. Это ваш шанс!

– Но с чего ты взял, что готовится заговор?

Жерар вкратце рассказал Гийому всё, что он видел и слышал и толстяк нахмурился.

– Клянусь жарким из оленя с брусничным соусом, это действительно заговор! – воскликнул он. – Я немедленно пойду к королю и всё ему расскажу и тогда...

– И тогда нам обоим отрубят головы, – закончил за него Жерар. – Поймите, сир, Дюмаж имеет огромное влияние. Король поверит ему, а не вам. Мы на плохом счету у Его Ве-

личества...

– Это верно, – вздохнул Гийом. – Но нельзя же просто сидеть и ждать!

– Об этом я вам и толкую! – ответил Жерар. – Быстро глотайте вашу кашу и надевайте доспехи. У меня есть план.

– И какой же? – осведомился Гийом, брезгливо разглядывая свой завтрак.

– Для начала, мы украдём у Дюмажа всех его голубей, – сказал Жерар.

– Отличная идея, – обрадовался Гийом. – Жареные голуби деликатес!

– Да, нет же, сир, – простонал юноша. – Это даст нам время, чтобы вы смогли добиться аудиенции у короля и поговорить с ним, пока Дюмаж будет занят.

– И о чём же мне говорить с королём? – спросил толстяк.

– Вы скажете ему, что сегодня ночью вашими людьми был пойман вражеский лазутчик, у которого имеется послание к одной весьма высокопоставленной особе из окружения Его Величества.

– А у нас есть это послание? – простодушно поинтересовался Гийом.

– Нет, у нас его нет, – сказал Жерар, – но об этом знаем только мы двое.

– Вы хотите, чтобы я соврал своему королю! – поперхнулся кашей Гийом.

– Да, если хотите спасти ему жизнь, – кивнул Жерар.

– Это как-то не очень то по-рыцарски...

– А разгуливать в картонных доспехах и опаздывать на сражения, по-рыцарски? – снова вспылил Жерар.

– Ну, хорошо, хорошо... – окончательно смирился Гийом, берясь за яблоко. – И что мне говорить королю дальше?

– Дальше, вы скажете, что возможно, это письмо обычная фальшивка, чтобы внести раздор в наш лагерь накануне битвы. И вот тогда-то, вы и предложите королю проверить, правда ли это или вымысел...

– И как же мы это проверим, мой любезный Гийом? – спросил король часом позже. – У вас есть идея?

– Да, ваше величество, есть, – сказал толстяк, памятуя указания юноши. – Мы объявим по всему лагерю, что пойманный ночью шпион содержится в соседнем с вами шатре. Мы так же скажем, что вскоре его будут пытаться, и он наверняка сознается, кому именно он нёс послание.

– И что с того? – спросил король с тем же самым выражением лица, с каким Гийом задал этот вопрос часом ранее.

– А то, ваше величество, что испугавшись разоблачения, предатель сам себя выдаст, – объявил Гийом. – Он обязательно попытается проникнуть в шатёр с пленником и убить его, чтобы обезопасить себя. Тут то вы его и схватите, Ваше величество.

Король просиял.

– Отличный план, Гийом. Вижу, вы ещё не все свои силы истратили на борьбу с бифштексами и окороками. Поручаю

это дело вам. Поймайте этого негодяя, и я награжу вас по-королевски.

Роль вражеского лазутчика взялся сыграть Жерар. Он растрепал волосы, сбрил усы и измазал лицо грязью. Гийом привел его связанного и посадил в шатёр, приставив надёжную охрану. Затем он удалился, приказав строго следить за пленником. Оказавшись в шатре, юноша высвободил руки, поправил кольчугу, спрятанную под рубашкой, проверил кинжал в рукаве и стал ждать гостей.

Герцог Дюмаж был вне себя, когда рано утром ему сообщили, что все его голуби пропали. Он рвал и метал и поклялся запустить в небо всех своих слуг, если те до полудня не найдут пропажу. Он был всё ещё красным от гнева, когда услышал объявление о поимке шпиона и побледнел так стремительно, что стал похож на мраморную статую. Однако, герцог был слишком хитёр, и вскоре понял, что это ловушка.

«Хотите поиграть в кошки-мышки, – зловеще улыбнулся он, после часа раздумий. – Что ж, я готов. Только не удивляйтесь, если у мышки вдруг появятся острые когти, а кошка запищит от страха...»

– Найдите голубей немедленно, – приказал он. – Если не найдёте, то покрасьте белой краской моих охотничьих соколов и выпускайте их в небо через 15 минут. И не забудьте одеть свои травяные повязки. Веселье вот-вот начнётся...

Герцог надел свои боевые доспехи, опоясался мечом и на-

правился к палатке короля.

– Они думают, что я буду играть по их правилам... – бормотал он. – Жалкие «подорожники»... Я заколю вашего короля точно свинью, и прежде чем вы опомнитесь, на ваш лагерь обрушится стальная буря, и вы все потонете в ней... Все до единого...

В это время Жерар тоже начал понимать, что что-то в его плане пошло не так. Прошло уже более часа, после объявления о поимке шпионе, но герцог так и не появлялся в его шатре.

«Не может же он начать без голубей, – думал юноша. – В лагере не осталось ни одной птицы. Мы спрятали всех кроме кур... Боже, у него же остались ястребы! Что если он выкрастит их и запустит в небо? Издали они будут неотличимы от голубей! Надо срочно предупредить короля и Гийома.

Жерар быстро вскочил на ноги, шепнул несколько слов охране, а затем бросился к соседнему шатру и успел как раз вовремя...

Герцог Дюмаж действовал как всегда решительно и беспощадно. Он спокойно миновал внешнюю охрану королевского шатра, потом хладнокровно убил трёх стражников внутри него, и с окровавленным мечом в руках предстал перед Гийомом и Его Величеством.

– Дюмаж! – воскликнул король, поражённый до глубины души. – Это ты? Как ты мог?!

– Тебе этого не понять, подорожник! – прорычал герцог

и ринулся вперёд.

Однако толстяк Гийом был наготове. От голода, потому что овсянку и яблоко он никак не мог считать достойным завтраком для рыцаря, он был зол и напорист. Он выхватил свой меч и отважно вступил в поединок с герцогом. Всё шло не так плохо, но вскоре, по причине своего огромного веса, Гийом запыхался и начал слабеть. Дюмаж удвоил свои усилия и одним ловким ударом обезоружил рыцаря, после чего оглушил его ударом кулака. Гийом рухнул на пол и укатился в угол, точно бочонок.

– Вот и всё, Ваше Величество, – отвратительно улыбнулся герцог, направляясь к королю, который в качестве оружия держал в руках стул.

– Не приближайся, изменник! – завопил король. – Или я проткну тебя этим стулом!

– О, я весь дрожу, – загоготал Дюмаж и одним взмахом разрубил стул пополам. Затем он вновь поднял меч, чтобы обрушить его на голову короля, но тут, полотно шатра за спиной Ламарка Вийонского внезапно разошлось под напором острого кинжала и чьи-то руки схватили Его Величество за талию и втащили внутрь. Меч герцога рассёк пустое место и со страшной силой вонзился в землю. В этот момент из дыры выскочил Жерар, сбил Дюмажа с ног, сел ему на грудь и приставил кинжал к его горлу.

– Сдавайтесь, герцог, – сказал он. – Всё кончено.

– Никогда, вы слышите, никогда благородный щавель не

склонится перед пыльным подорожником! – рывкнул в ответ герцог. – С минуты на минуту тут будут наши войска и сметут вас!

– Сомневаюсь, герцог, – ухмыльнулся Жерар. – Все птички в клетках. Ваши слуги как раз закончили их красить...

Поняв, что всё кончено, герцог зарычал и забился словно дикий зверь, и только с помощью пришедшего в себя Гийома юноше удалось удержать его и крепко связать.

– Как я был недалёковиден... – сказал король, вступая в шатёр. – Я едва не погиб. Но я знаю имена моих спасителей, и награда не заставит себя ждать.

– Простите мою дерзость, ваше величество, – перебил его Жерар, – но на это у Вашего Величества ещё будет много время. Сейчас вы должны немедленно трубить сбор своим войскам и использовать благоприятный момент, чтобы разбить мятежников.

Король нахмурился от такой дерзости, но затем усмехнулся.

– Что ж, молодой человек, сегодня вы заслужили право командовать мною. Говорите, что у вас на уме. Что нам следует предпринять?

– Щавельнисты ждут сигнала герцога, чтобы броситься в атаку, ваше величество, – сказал Жерар. – Это отличная возможность чтобы заманить их в ловушку.

– И как вы предлагаете это сделать?

– Мы немедленно покинем лагерь, оставив палатки, горя-

щие костры и несколько солдат, чтобы издали могло показаться, будто бы мы на месте и ни о чём не подозреваем. Пехота укроется в лесу, вокруг лагеря, а конница зайдёт с тыла. Мы выпустим голубей, а когда они прискачут сюда надеясь на лёгкую поживу, мы окружим их со всех сторон и потребуем немедленно сдаться...

– И когда они вне всяких сомнений так и сделают, меня будут именовать не только мудрым, но и милосердным королём... – промурлыкал король. – Это будет блистательная победа, просто блистательная...

– Несомненно, Ваше Величество, – склонил голову Жерар. – После этого, уже никто не усомнится в вашем праве управлять страной.

– В таком случае, – сказал король, – слушайте мой приказ. Немедленно очистить лагерь, оставив все пожитки и горящие костры. Пехоту укрыть в лесу, а конницу, во главе с Гийомом, отправить в тыл противнику. И пусть голуби летят!

Всё прошло точно по плану Жерара. Оказавшись в ловушке, и видя, что король подорожников жив, а герцог Дюмаж пленён, Щавельнисты сложили оружие и были прощены королём. Это была великая победа, положившая конец долгой войне. С этого момента королевство стало процветать и жить счастливо.

– А что же случилось с Жераром и Гийомом? – спросил Серёжа.

Тем же вечером, король лично посвятил Жерара в рыцари, даровав ему герб на котором был изображён большой ёж. Так исполнилась заветная мечта юноши, и он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

– Теперь мы ровня, мой мальчик, – сказал Гийом, пожимая Жерару руку. – Я так рад, так рад, что жутко захотел покушать...

Сам Гийом, за свою беспримерную храбрость в защите короля, получил в награду новый замок, где и поселился. После всех тягот и лишений войны, он решил сесть на диету и спустя год весил на 40 килограммов меньше, и чувствовал себя на 20 лет младше. Он даже женился во второй раз и назвал своего первенца Жераром.

– А Изабелла? – воскликнула Варя. – Что стала с ней?

– Её мечта также сбылась, – улыбнулся папа. – Когда Жерар, в рыцарских доспехах, с развевающимся белым шарфом на шее, подъехал к воротам замка Донжона, она встретила его рука об руку с Нелли. Они обе поздравили его с произведением в рыцари, а затем, Нелли, как бы невзначай добавила...

– Кстати, сир рыцарь, я забыла представить вам свою сестру.

– У вас есть сестра? – удивился Жерар.

– Недавно появилась, – хихикнула Нелли. – Впрочем, вы, кажется, уже немного знакомы... Прошу любить и жаловать, моя сестра, Изабелла, баронесса Донжон.

– Но как это возможно? – воскликнул Жерар.

– После того, что она сделала для нас, папа решил удочерить её и подарить свой титул. Так что теперь, сир рыцарь, она знатная дама.

Нелли удалилась, предоставив влюблённым самим решать, что делать дальше, и на этом, эта история заканчивается, хотя впереди у Жерара, Изабеллы и Гийома было ещё много захватывающих приключений и славных побед, но о них я расскажу как-нибудь в другой раз.

Земляной король

Мама отложила свой ноутбук и встала с кресла.

– На сегодня всё, – сообщила она радостно. – Никто не хочет прогуляться до озера?

При словах «прогуляться до озера» мирно спавший под столом Степашка вскочил на свои коротенькие ножки и подбежал к двери. Он отлично помнил, что рядом с пляжем всегда было полно греющихся на солнышке жирных ленивых лягушек, которых было так весело пугать, неожиданно бросаясь на них из высокой травы. Там же, на отмели, водились шустрые нахальные мальки, с которыми у Степашки были давние счёты. А ещё... Словом прогулка на пруд сулила столько удовольствия, что маленький скотч-терьер начал негромко поскуливать от нетерпения и скрести лапой входную дверь.

– Ещё кто-нибудь? – удивлённо спросила мама, видя, что никто больше не разделяет Степашкиного восторга от прогулки по жару. – Неужели никому не хочется искупаться?

– Слишком жарко... – томным голосом ответила Варя, обмахиваясь веером. – Я не пойду...

– У воды прохладнее, – сказала мама, беря полотенце.

– Я тоже не пойду... – протянул Серёжа, сидящий так близко к настольному вентилятору, что лопасти едва не задевали его нос. – Далекко...

– Можно купить на обратном пути мороженое... – использовала последний аргумент мама.

– Мороженое? – оторвался от газеты папа. – Кто-то сказал «мороженое» или мне показалось? Неужели у нас осталось немного в холодильнике?

– Нет, но мы можем сходить и купить, – ответила мама, теряя терпение.

– Ах, в этом смысле... – пробормотал папа печально. – Нет... Слишком жарко... И идти далеко...

– Ну и оставайтесь, – сказала мама, решительно надевая соломенную шляпу. – А мы со Степашкой искупаемся и съедим по пломбиру. Чао!

Мама вышла за дверь, но через минуту заглянула обратно:

– Вы с нами или нет?

– Не, мам... – отозвались ребята. – Мы лучше вечером сходим...

– Идите сегодня вдвоём, – сказал папа, переворачивая

страницу.

– Не узнаю вас... – пожала плечами мама и закрыла за собой дверь. Когда мамины шаги стихли и негромко хлопнула калитка, папа пружинисто вскочил на ноги:

– Серёжа, живо наверх, – скомандовал он, в один момент сгоняя со своего лица выражение сонной скуки. – Где она?

– Идёт по переулку, – ответил Серёжа через люк второго этажа. – Остановилась... Смотрит назад... Нет, снова пошла. Всё, порядок, свернула на главную улицу.

– Отлично, – радостно потёр руки папа. – Покарауль ещё пару минут, вдруг она передумает, а потом спускайся к нам. Времени у нас не так много...

Пока Серёжа оставался наверху, папа вытащил из-под дивана старый чемодан и распахнул его перед Варей.

– Вот всё, что есть, – сказал он. – Этого хватит?

– Должно хватить, – кивнула девочка. – А если нет, то я что-нибудь нарисую...

– Славно, славно, – бормотал папа, засучивая рукава. – Это будет грандиозный сюрприз для мамы, просто грандиозный...

Когда Серёжа спустился вниз и присоединился к заговорщикам, папа объявил:

– Итак, все знают, что нужно делать. Вперёд, друзья, и не забывайте время от времени выглядывать в окно: мама не должна застать нас врасплох...

Работа закипела. В течение часа в доме были слышны шо-

рох, стук, короткие деловые фразы и дружное сосредоточенное сопение. Когда всё было готово, распаренная от духоты троица оглядела плоды своего труда и переглянулась.

– Кажется, получилось неплохо, – сказал папа.

– Ага, – согласились ребята. – Осталось только мусор убрать...

– Это я беру на себя, – небрежно махнул рукой папа. – А вы пока умойтесь, и принесите в беседку стулья, стаканы и холодный квас. Такой успех нужно непременно отметить.

– А ты расскажешь нам новую историю, – спросила Варя.

– Разумеется, – улыбнулся папа. – И назваться она будет Земляной король...

– Это случилось в те далёкие времена, – начал папа, когда спустя некоторое время они удобно устроились в тенистой беседке и сделали по глотку ароматного домашнего кваса, – когда королём мог стать любой желающий, у кого для этого было достаточно храбрости. Впрочем, одной только храбрости было недостаточно. Королю требовалось войско, чтобы защищать своих подданных и, при случае, как это водится у королей, нападать на чужие земли, чтобы его собственное королевство росло. Множество решительных и отважных людей, встав во главе своих товарищей, провозглашало себя королями, но большинство из них, рано или поздно, терпели поражение и люди забывали их имена. Но бывало и по-другому... Именно о таком случае и пойдёт речь, но сначала, позвольте мне поведать о человеке, без которого всё

это было бы просто невозможным.

Мало кто знал его настоящее имя, и ещё меньше людей знало, откуда он прибыл и куда направиться после. Одни утверждали, что он родом из Египта, другие, что его дом находится в Индии, третьи, шептали, что Старик и вовсе не человек и появился на свет из глины десять тысяч лет назад, близ того места, где спустя века вознёсся к небу великий город Вавилон. Как бы то ни было, все единогласно сходились в одном: Старик был могущественным колдуном и провидцем.

Старик появился в деревне одним промозглым майским утром, когда холодное северное море всё ещё дышало зимой, и туман был настолько густ и обилён, что походил на сметану. О его прибытие возвестил протяжный звук рога и когда жители выбежали на берег, то увидели, как странная лодка вынырнула из белой мглы и замерла у пирса. Люди с удивлением разглядывали чёрное резное дерево, из которого она была сооружена, остатки причудливой росписи, что некогда покрывала её борта и удивительные паруса, будто бы вдоволь наполненные свежим ветром, хотя на море второй день стоял мёртвый штиль. На корме лодки полулежал безмерно худой старик с окровавленной головой. На его коленях восседала диковинная кошка с огромными жёлтыми глазами и такой короткой шерстью, что она казалась почти голой.

Когда лодка застыла, Старик открыл глаза, встал и, покачиваясь, сошёл на берег. Не произнёс ни звука, он с достоин-

ством прошествовал через всю деревню, точно был здесь не в первый раз, и зашёл в пустующую лачугу, хозяин которой утонул прошлой осенью. Кошка чинно шла следом за хозяином, и что более всего поразило жителей, ни одна из больших косматых собак, что не боялись ни волка, ни медведя, не только посмела тронуть её, но даже не зарычала. Напротив, собаки будто бы принимали её за своего жоака, и когда она скользила по ним своим ленивым взглядом, свирепые псы испуганно отводили глаза. Дверь лачуги захлопнулась за Стариком, из трубы пошёл дым, и никто из жителей не посмел потревожить незнакомца нескромным вопросом о том кто он и откуда прибыл. Всем было ясно, что в их деревню пожаловал колдун и с этим придётся как-то мириться. В подтверждение их догадок, спустя час чёрная лодка сама отчалила от берега, медленно развернулась и взяла курс в открытое море.

Старик не выходит из своего дома три дня и три ночи, хотя кое-кто видел, как по ночам дверь его хижины приоткрывалась, точно впуская или выпуская кого-то, плохо различимого в темноте. Жителям было не по себе от такого соседства, но они знали, что тревожить раненного колдуна крайне опасно и терпели, надеясь на лучшее. Утром четвёртого дня Старик сам вышел из лачуги и твёрдой походкой покинул деревню по единственной дороге уходящей в лес. Он шёл больше часа, пока не достиг изгиба большого ручья. Там, за одну ночь, он построил себе прочную избушку из толстых

брёвен и стал жить, никому не мешая и никого не трогая. Жители вздохнули с облегчением и занялись своими обычными делами. Все, кроме молодого Рогнвальда, который никак не мог найти себе места, так как видел, кто три ночи подряд врачевал Старика в брошенной лачуге, и кто выстроил ему избушку на берегу лесного ручья.

Время шло. Постепенно, люди настолько привыкли к соседству колдуна, что начали приходить к нему, оттого что он, как никто другой в округе умел заговаривать больные зубы, лечить вывихи, готовить мази, помогавшие от болей в спине, а главное, мог, если был в настроении, предсказывать будущее...

Не все достаивались ответа колдуна, те же, кто его получил, часто были недовольны, так как Старик никогда не говорил того, что человек желал услышать, а лишь то, что действительно было ему уготовано судьбой. Среди тех, кто по многу раз приходил к Старика за пророчеством, но так и не получил его был и Рогнвальд. Каждый раз Старик лишь посмеивался над ним и говорил раздосадованному юноше одно и то же:

– Время ещё не пришло, Рогнвальд...

– А когда оно придёт, ответь мне, когда?! – изводился Рогнвальд.

– Не тревожься попусту... – смеялся Старик. – Ты узнаешь об этом первым...

Так прошло пять лет. Рогнвальд несколько раз был за да-

лёкими морями, участвовал в войнах и из отважного юноши превратился в сурового воина, за которым готовы были пойти люди. Но вот беда, он по-прежнему не ведал своего будущего, а потому не знал, что ему следует предпринять. Он по-прежнему навешал колдуна и расспрашивал того о своём будущем, но ответа не было

Однажды, когда Рогнвальд сидел на берегу ручья недалеко от дома колдуна и задумчиво глядел в воду, ему показалось, что он слышит чей-то голос, зовущий его по имени. Он встал и направился в чащу леса и через некоторое время наткнулся на большого медведя, сидящего на валуне. Рогнвальд был не робкого десятка и вместо того, чтобы попытаться незаметно улизнуть, выхватил свой охотничий нож и приготовился к схватке. Но медведь и не думал бросаться на него. Напротив, он смотрел на Рогнвальда с любопытством и кажется, даже слегка улыбался. По пришествию нескольких секунд он открыл пасть и спросил:

– Зачем ты пришёл ко мне, Рогнвальд?

– Ты звал меня, – ответил Рогнвальд, мало удивляясь тому, что происходит, так как слышал немало легенд о лесных духах, любивших принимать облик говорящих зверей.

– Ты ошибаешься, Рогнвальд, – усмехнулся медведь. – Не я позвал тебя.

– А кто же?

– Ты сам.

– Я?! – изумился Рогнвальд.

– Да, – ответил медведь. – Смотри...

В тот же миг, вместо медведя на камне, Рогнвальд увидел самого себя сидящего на королевском троне, увенчанного тяжёлой золотой короной.

– Время пришло, Рогнвальд... – сказал король, наклоняясь вперёд. – Иди к старику Ваарулу, Рогнвальд... Иди и узнай свою судьбу...

Рогнвальд бросился вперёд, чтобы лучше разглядеть себя в королевской одежде, но изображение стало меркнуть, а потом, Рогнвальд почувствовал, что он тонет и... проснулся. Как оказалось, он задремал и скатился в ручей. Но Рогнвальд знал, что это был не просто сон. Он выбрался на берег и направился к колдуну.

– Время пришло, – сказал он с порога.

– Неужели... – рассмеялся Старик. – С чего ты взял?..

– Время пришло, – твёрдо повторил Рогнвальд. – Оставь свои дела, Ваарул, и ответь, что меня ждёт?

При слове «Ваарул» Старик вздрогнул, а его кошка изогнула спину и грозно зашипела, но затем успокоилась и стала разглядывать Рогнвальда так, точно видела его впервые.

– Вижу, время и вправду пришло, – сказал Старик. – Что ж, слушай меня, Земляной король...

В тот вечер Рогнвальд не вернулся домой. Он навсегда покинул тот унылый и холодный край, где провёл более 20 лет своей жизни, а вместе с ним ушёл и Старик со своей кошкой. Последнее что видели жители, это столп дыма, подни-

мавшийся над тем местом, где некогда стояла хижина колдуна и странные птицы с тремя крыльями, что кружились над лесом.

Путники держали свой путь на юг, туда, где в бесчисленных войнах и восстаниях рождалось новое королевство, грозившее затмить своим богатством и славой все прочие. Многие сложили свои головы, в погоне за властью над этой землёй. Многие, потеряв надежду, бросили всё на полпути, и ушли, проклиная судьбу. Многие сгнули без следа, пока не осталось только две силы, оспаривающие королевскую корону – армия Юга, под командованием Альфонса Хьюго, по кличке Железный нос, и армия Севера, ведомая отважным чужеземцем Рогнвальдом. Железным носом Альфонса называли потому, что в одной из схваток его нос был отсечён секирой, и он заказал себе новый, железный, который он лично каждый день полировал до зеркального блеска. Старый вояка был уверен в своей победе, так как северяне были малочисленны и слабо вооружены. Да, им было не занимать отваги и напора, но среди них не было ни одного рыцаря, а их предводитель, Рогнвальд, был слишком молод и не мог тягаться с таким искушённым военачальником, каким себя мнил Альфонс.

Но северяне оказались полны сюрпризов, и огромная армия юга терпела одно поражение за другим. Чужеземцы постоянно нападали на неё в темноте, сея ужас и панику, и вскоре дошло до того, что среди южан поползли слухи о том,

что северяне бессмертны... Мало-помалу, войско Альфонса таяло и, в конце концов, Железный нос, с остатками своих людей вынужден был скрыться за доселе неприступными стенами города Льема, готовясь переждать там зиму, и дожидаться подкрепленья.

– Бессмертны северяне или нет, но этих стен не одолеть никому на всём свете! – сказал Альфонс своим солдатам, когда армия Рогнвальда окружила город. – У нас вдоволь оружия, припасов и питьевой воды. Укрепите ворота, удвойте караулы и пусть они штурмуют нас хоть тысячу лет подряд, старый добрый Льем не падёт никогда!

Солдаты бросились исполнять приказы, но Альфонс видел, что его слова убедили далеко не всех. Люди были напуганы и на то были причины. Сам Железный нос не был трусом, но даже он с содроганием восстанавливал в памяти ту ночь, когда северяне впервые обрушились на их спящий лагерь, возникнув точно из-под земли, и как он лично трижды проткнул своим мечом вражеского воина, в чёрном одеянии, но тот так и не упал. Эти воспоминания не давали ему покоя, и с той поры Железный нос ложился спать, не снимая с себя кольчуги и не выпуская из рук обнажённого меча.

Северяне окружили город двойным кольцом и занялись обустройством лагеря. Рогнвальд прохаживался меж работавших солдат, а рядом, молчаливый точно тень, вышагивал Старик, со своей кошкой. Солдаты приветствовали своего короля – ибо для них он уже был королём – и с опаской смот-

рели на его спутника, о котором ходила дурная молва.

– Когда *они* будут готовы, Ваарул, – спросил Рогнвальд, после того, как они уединились в небольшой крестьянской хижине, хозяин которой предпочёл укрыться за городскими стенами.

– *Они* всегда готовы, – ответил Старик.

– Так чего же мы медлим? – нахмурился Рогнвальд. – Мы могли бы атаковать город без промедления!

– *Они* всегда готовы, Рогнвальд, – повторил Старик, – но готовы ли твои люди?.. Неужели ты не видишь, как они устали? Дай им сутки отдыха, а потом, город будет твоим.

– Пока отдыхаем мы, отдыхают и наши враги, – возразил Рогнвальд. – Не лучше ли сразу с этим покончить? Они точно не ждут штурма сегодня ночью.

– Они не ждут его и завтра, – ответил Старик. – Со своих высоких стен они отлично видят, что с нами нет ни лестниц, ни осадных башен, ни катапульт. Они уверены, что в ближайшее время им ничто не грозит, и рассчитывают дожидаться весны. Глупцы...

– Так город падёт? – спросил Рогнвальд. – Ты уверен?

– Да, – кивнул Старик, – он падёт, как и все предыдущие и многие последующие, Рогнвальд, Земляной король... Впрочем, ты и сам знаешь это. А насчёт сегодняшней ночи не беспокойся. Я сделаю так, чтобы защитники города провели её на ногах...

– Тогда поторопись, Ваарул, уже смеркается, – сказал Ро-

гнвальд.

– Нет нужды спешить, – улыбнулся Старик и погладил свою кошку. – Лишь только тьма окутает сторожевые башни, *они* проникнут в спящий город и на улицах воцарится кошмар...

– Я хочу это видеть!

– Тогда наберись терпения, Рогнвальд, – сказал Старик и его глаза стали чёрными как ночь. – Логерверши уже поднялись из земли и скоро заставят южан содрогнуться от ужаса...

Они вышли из хижины и направились к большой палатке, что стояла в стороне от лагеря, на топком берегу реки. Палатку никто не охранял, но даже приказы Рогнвальд своим людям сделать это, никто бы всё равно не отважился к ней приблизиться. Все знали, что в ней обитает нечто, что покидает её во тьме и совершает опустошительные набеги на лагерь противника, а после возвращается обратно и послушно замирает, согласно воле жуткого Старика с голой кошкой.

– Помни, Рогнвальд, – сказал Старик, когда они подошли к входу, – у Логервершей только один хозяин. Не смотри им в лицо, не касайся их тел и не отходи от меня ни на шаг, иначе тебя ждёт смерть.

– Я помню, – ответил Рогнвальд. – Идём. Я люблю смотреть, как они просыпаются...

Они вошли внутрь и задёрнули за собой плотную ткань. Старик прошептал что-то своей кошке и её глаза засия-

ли точно свечи, наполнив помещение тусклым, призрачным светом. Старик опустился на одно колено, вонзил в землю широкий костяной нож с рукояткой в виде головы монстра и забормотал заклинания. По мере того, как его голос колдуна становился всё тише и тише, земля вокруг них пришла в движение и заколыхалась, точно кто-то скрытый под её поверхностью, стремился выбраться наружу. Старик на мгновенье умолк, а после отчётливо произнёс:

– Вы слышите меня, Логерверши, дети земли?

– Да-а-а... – последовал в ответ леденящий душу шёпот.

– Тогда встаньте и повинуйтесь, как я говорю, – приказал колдун.

Послышался протяжный вздох, похожий на негромкое сонное ворчание потревоженного зверя и из земли стали подниматься угловатые двухметровые фигуры, похожие на людей. Они отряхивались и хрипели, и было их так много, что они слились в одну сплошную чёрную толпу, тесно обступившую Старика и Рогнвальда.

– Слушайте меня, Логерверши, – сказал колдун, вставая на ноги и указывая остриём кинжала в сторону Льема. – Там, лежит город. Идите в него и покажите людям, живущим в нём тьму, и возвращайтесь до рассвета...

Старик обвёл взглядом застывших вокруг него Логервершей, задрал голову и гортанно крикнул одно, уже знакомое Рогнвальду слово:

– *Наргвар!*

Едва заслышав его, земляные создания ринулись наружу и бросились к стенам. Почти неразличимые во тьме, проворные точно кошки и бесшумные как летучие мыши, они были внутри Льема спустя считанные минуты и отчаянные крики горожан возвестили о том, что в последующих легендах будет именоваться жителями не иначе как Ночь Страха.

Заслышав на улице вопли, Альфонс вскочил с кровати и бросился наружу.

– Где они?! – кричал он. – Где эти подлые северяне, что нападают ночами?! Без паники, их не может быть много!

Но паника поднялась жуткая. Логерверши появлялись то там, то тут, так что у многих сложилось впечатление, что они повсюду. Солдаты гонялись за ними до самой зари, не понимая, что происходит, но, несмотря на неразбериху, им удалось захватить в плен нескольких земляных существ. Они попросту закрыли парочку из них в старом подвале, когда те забежали внутрь, а так иного выхода оттуда не было, Логерверши оказались в западне и не смогли покинуть город в темноте.

– Сдавайтесь, – крикнул им Альфонс через дубовую дверь подвала. – Сдавайтесь немедленно или вам не поздоровится!

Но ответа не последовало, и сколько Железный нос не кричал и не грозил, за дверью царила мёртвая тишина.

– Вам же хуже, – буркнул он и приказал отпереть дверь, после чего во главе отряда из десяти тяжеловооруженных воинов спустился по каменным ступеням вниз. Однако, к его

глубочайшему разочарованию, небольшой по размеру подвал был совершенно пуст! Если не считать двух небольших куч влажной земли, на которую никто не обратил внимания...

– Невероятно, – злился Альфонс, тяжело шагая в свою резиденцию. – Всю ночь на ногах и никакого толка! Эти северяне определённо знают толк в ночных вылазках...

Железный нос направился к себе, и уже было хотел заснуть, как вдруг на всех сторожевых башнях одновременно прозвучали сигнальные рожки, возвещающие о начале штурма.

– Они с ума сошли! – воскликнул Альфонс. – У них же нет лестниц! Невозможно штурмовать город без лестниц!

Но всё же Альфонс вновь выскочил из кровати и поспешил на стену. Там его взору представилось зрелище марширующих и строящихся северян, которые явно что-то затевали. Помимо всего прочего, Альфонс увидел у вблизи стен города несколько весьма подозрительных стогов сена, накрытых сверху щитами, а у западных ворот несколько десятков брёвен.

– Они что-то замышляют! – закричал он. – Это как-то связано со стогами и с брёвнами! Лучники, приготовить горящие стрелы. Приказываю, во что бы то ни стало поджечь стога и брёвна. Огонь!

Альфонсу было невдомёк, что всё это было сделано лишь с одной целью, помешать осаждённым выспаться после тре-

возможной ночи. Рогнвальд вовсе не собирался штурмовать город. Он просто приказал нескольким сотням солдат солдатам делать вид, что они хотят пойти на приступ, в то время как остальное войско отдыхало. Помимо этого, во время ночной суматохи, он приказал пододвинуть к стенам два десятка стогов сена, хорошенько полить их водой и накрыть щитами. Также его люди притащили к западным воротам несколько выловленных из реки брёвен. Как он и думал, мнительный Альфонс ожидавший от северян чего угодно, воспримет это как очередную военную хитрость и поставит весь город на уши. Так и произошло. Лучники весь день пытались сжечь мокрое сено, осыпая его градом пылающих стрел, а замершие на стенах солдаты с минуту на минуту ожидали приступа. К вечеру, южане валились с ног от усталости, в то время как северяне, были бодры и посмеивались над глупостью Железного носа. Когда на лагерь опустили сумерки, Рогнвальд собрал своих солдат и обратился к ним с короткой речью.

– Время пришло, друзья мои. Приготовьте ваши мечи и факелы. Зажгите их, когда запылает большой костёр, и я поведу вас к победе.

– Но как мы преодолеем стены? – воскликнул кто-то.

– Об этом не беспокойтесь, – усмехнулся Рогнвальд и переглянулся со Стариком. – Когда костёр загорится, дорога на стены будет для вас открыта...

Через час, когда тьма полностью окутала город и окрест-

ности, Старик вошёл в палатку на краю лагеря и воззвал Логервершей встать и повиноваться ему.

– Идите к западной стене и несите с собой землю, – приказал им колдун. – Оставляйте её там и сделайте холм вровень со стенами, чтобы целое войско могло подняться по нему и войти в город. *Наргвар!*

Логервершей не нужно было упрашивать. Они бросились исполнять приказ и в течение часа принесли столько земли, что она доходила до самых башен. В это время, чтобы отвлечь стражу, с другой стороны города несколько Логервершей начали ломать ворота, а стоявшая в отдалении сотня воинов кричала, топала, стучала мечами по щитам, создавая тем самым вид большого войска, готового ринуться вперёд.

Когда насыпь была готова, Рогнвальд запалил костёр, взял в руки факел и повёл свою армию в наступление. Они двинулись точно огненное море и, так как земляной вал в темноте был практически неразличим, защитникам города показалось, что северяне идут прямо по воздуху...

В ужасе южане побросали своё оружие и обратились в бегство, и к рассвету, неприступный город Льем был полностью в руках Рогнвальда.

Торжества по этому случаю, и коронация была пышной и долгой. Несколько дней Рогнвальд принимал гостей и выслушивал клятвы верности. В последний день, пред ним появился Ваарул.

– Я покидаю тебя, Земляной король, – промолвил он. – Я

сделал всё, что должен был. Наши судьбы больше не связаны.

Как?! Сейчас?! – воскликнул Рогнвальд. – Ты не можешь этого сделать! С моим новым войском и твоими Логервершами мы запросто можем завоевать весь мир!

– Наши судьбы больше не связаны, Рогнвальд, – холодно повторил Ваарул. – Я ухожу. Прощай.

Рогнвальд прикусил губу, чтобы не ответить Старика грубо, но сдержался. Он слишком хорошо помнил, чем он ему. Вместо этого он широко улыбнулся и произнёс:

– Я благодарен тебе, Ваарул. Прощай, но если ты передумаешь...

– Мы больше никогда не увидимся, Рогнвальд, – прервал его Старик. – Забудь моё имя и забудь всё то, что ты видел. Это для твоего же блага. А напоследок, вот тебе мой последний дар.

Старик вынул из своей сумки глиняную тарелку, испещрённую странными знаками, налил в неё немного воды и протянул Рогнвальду.

– Ты знаешь, что говорить, Земляной король, – усмехнулся он.

Рогнвальд заглянул в тарелку и увидел себя с кинжалом в руке, глядящего прямо ему в глаза. Король наклонился вперёд и произнёс:

– Время пришло, Рогнвальд. Иди к старику Ваарулу, Рогнвальд. Иди и узнай свою судьбу...

Когда он произнёс это и поднял глаза на Старика, то уви-

дел, что его и его кошки и след простыл. Рогнвальд глянул на тарелку, но в его руках ничего не было, кроме горсти земли. Рогнвальд задумчиво отряхнул её со своих рук и продолжил пир.

Так заканчивается эта удивительная история, к которой можно добавить лишь то, что в тот же вечер, в небольшом порту неподалёку от города Льема, в густом как сметана тумане, к берегу причалила странная лодка без экипажа. По словам очевидцев, несмотря на отсутствие ветра, все паруса у неё были надуты. Стоянка была недолгой. Когда полностью стемнело, на борт поднялся какой-то странный старик с кошкой, и лодка тотчас взяла курс в открытое море. Она растаяла в клубящейся мгле, а на следующее утро, когда туман внезапно растаял, кое-кто из рыбаков клялсяЮ что видел в небе над гаванью черных трёхкрылых чаек.

Папа допил последние капли кваса и поднял палец:

– Слышали? Кажется, они вернулись. Скорее в дом! Мы должны это видеть...

Ребята вскочили со стульев и побежали следом за папой. Мокрый и смертельно уставший Степашка валялся на крыльце точно валенок. Он даже не поднял головы, когда Варя мимоходом погладила его, а только слабо пошевелил хвостом в знак приветствия. Мама была внутри, и они вошли как раз вовремя, чтобы услышать её возглас удивления, а затем радостный смех.

– Что я вам говорил, – триумфально улыбнулся папа, по-

ворачиваясь к ребятам. – Моя идея сделать мамин портрет из её детских фотографий, определённо пришлась ей по вкусу.

– Вообще то, это была Варина идея, – заметил Серёжа.

– Разве?.. – нахохлился папа. – Странно, странно... Ну да ладно, всё равно ведь получилось отлично, да?!